

Фенимор Купер
ЗВЕРОБОЙ

Кожаный Чулок

Джеймс Фенимор Купер

Зверобой

«ЭКСМО»

1841

Купер Д.

Зверобой / Д. Купер — «Эксмо», 1841 — (Кожаный Чулок)

Роман «Зверобой» – первая книга серии замечательного американского писателя Фенимора Купера, посвященной приключениям охотника Натаниэля Бумпо по прозвищу Зверобой. Среди героев романа индеец из племени могижан Чингачгук. Действие романа происходит в сороковые годы XVIII века.

© Купер Д., 1841
© Эксмо, 1841

Содержание

Глава I	7
Глава II	17
Глава III	29
Глава IV	39
Глава V	50
Глава VI	62
Глава VII	70
Глава VIII	81
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Джеймс Купер Зверобой

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава I

*Есть наслаждение и в дикости лесов.
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю.
Их выразить душа не знает стройных слов,
И как молчать об них, не знаю.*

Байрон. «Чайльд Гарольд»¹

События производят на человеческое воображение такое же действие, как время. Человеку, много путешествовавшему и много видевшему, кажется, будто он живет на свете давным-давно; чем богаче история народа важными происшествиями, тем скорее приобретает она отпечаток древности. Иначе трудно объяснить тот весьма почтенный облик, который уже успели приобрести летописи Америки. Когда мы мысленно обращаемся к первым дням колониальной истории, период этот кажется далеким и темным; тысячи перемен отодвигают рождение нации к эпохе столь отдаленной, что она как бы теряется во мгле времен. А между тем четырех жизней средней продолжительности было бы достаточно, чтобы передать из уст в уста в виде преданий все, что цивилизованный человек совершил в пределах нашей республики. Хотя в одном только штате Нью-Йорк жителей больше, чем в любом из четырех самых маленьких европейских королевств и во всей Швейцарской конфедерации, прошло всего лет двести с тех пор, как голландцы, основав свои первые поселения, вывели этот край из состояния дикости. То, что кажется таким древним благодаря множеству перемен, становится знакомым и близким, как только мы начинаем рассматривать его во временной перспективе.

Этот взгляд в прошлое должен несколько ослабить удивление, которое иначе мог бы почувствовать читатель, рассматривая изображаемые нами картины, а некоторые добавочные пояснения воскресят в его уме те условия жизни, о которых мы хотим здесь рассказать. Исторически вполне достоверно, что всего сто лет назад такие поселки на берегах Гудзона², как, например, Кливерак, Киндерхук и даже Покипси³, не считались застрахованными от нападения индейцев. И на берегах той же реки, на расстоянии мушкетного выстрела от верфей Олбани⁴, еще до сих пор расположена резиденция младшей ветви Ван-Ренселлеров⁵, с бойницами, проделанными для защиты от того же коварного врага, хотя постройка эта относится к более позднему периоду. Такие же памятники детства нашей страны можно встретить повсюду

¹ Перевод К. Н. Батюшкова.

² **Гудзон** – большая река, берущая начало в Эдирондекских горах и впадающая в Нью-Йоркский залив. Получила свое имя в честь английского мореплавателя Генри Гудзона, который в 1609 году поднялся по реке до места, где стоит город Олбани.

³ **Покипси** – город на берегу реки Гудзон (в ее нижнем течении). Основан голландцами в 1690 году.

⁴ **Олбани** – один из старейших городов США. Основан голландцами в 1623 году на берегу реки Гудзон. Столица штата Нью-Йорк.

⁵ **Ван-Ренселлеры** – крупные землевладельцы голландского происхождения. Обосновались недалеко от города Олбани еще в 1630 году.

в тех местах, которые ныне слывут истинным средоточием американской цивилизации. Это ясно доказывает, что все наши теперешние средства защиты от вражеского вторжения созданы за промежуток времени, немногим превышающий продолжительность одной человеческой жизни.

События, изложенные в этой повести, происходили между 1740 и 1745 годами. В то время были заселены только четыре графства колонии Нью-Йорк, примыкающие к Атлантическому океану, узкая полоса земли по берегам реки Гудзон от устья до водопадов вблизи истока, да несколько областей по рекам Мохрук⁶ и Шохери⁷. Широкие полосы девственных дебрей пересекали берега Мохрука и простирались далеко в глубь Новой Англии⁸, скрывая в лесной чаще обутого в бесшумные мокасины⁹ туземного воина, шагавшего по таинственной и кровавой тропе войны. Если бы взглянуть с птичьего полета на всю область к востоку от Миссисипи, взору наблюдателя представилось бы необъятное лесное пространство, окаймленное близ морского берега сравнительно узкой полосой обработанных земель, усеянное сверкающими поверхностями озер и пересеченное извивающимися линиями рек. На фоне этой грандиозной картины уголок страны, который мы здесь хотим изобразить, показался бы весьма незначительным. Однако мы будем продолжать наше описание в уверенности, что более или менее точное изображение одной части этой дикой области даст достаточно верное представление о ней в целом, если не считать мелких и несущественных различий.

Каковы бы ни были перемены, производимые человеком, вечный круговорот времен года остается неизменным. Лето и зима, пора сева и пора жатвы следуют друг за другом в установленном порядке с изумительной правильностью, предоставляя человеку возможность направить высокие силы своего всеобъемлющего духа на познание вечных законов, которыми управляется это бесконечное однообразие. Столетиями летнее солнце обогревало своими лучами вершины благородных дубов и сосен и посылало свое тепло даже скрывающимся в земле упорным корням, прежде чем послышались голоса, перекликавшиеся в чаще леса, лиственный покров которого купался в ярком блеске безоблачного июньского дня, в то время как стволы деревьев в сумрачном величии высились в окутывавшей их тени. Голоса звучали неодинаково и, очевидно, принадлежали двум мужчинам, которые сбились с пути и пытались найти потерявшуюся тропинку. Наконец торжествующее восклицание возвестило об успехе поисков, и затем какой-то человек гигантского роста выбрался из лабиринта мелких болот на поляну, образовавшуюся, видимо, частично от опустошений, произведенных ветром, и частично под действием огня. Отсюда хорошо было видно небо. Сама поляна, сплошь заваленная стволами деревьев, раскинулась на склоне одного из тех высоких холмов или небольших гор, которыми пересечена почти вся эта местность.

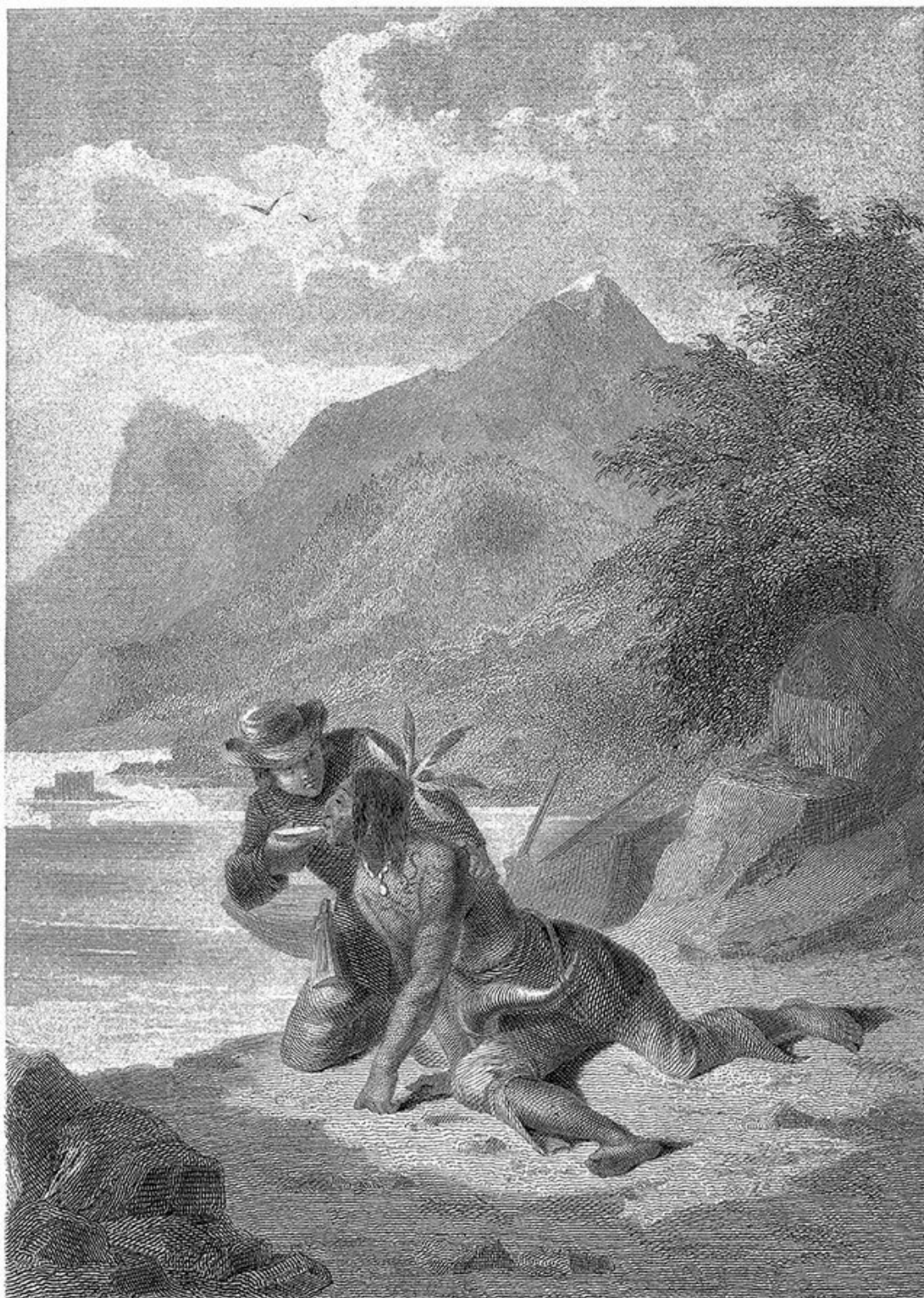
– Здесь можно перевести дух! – воскликнул лесной житель, очутившись под открытым небом и отряхиваясь всем своим огромным телом, как большая дворняга, выбравшаяся из снежного сугроба. – Ура, Зверобой! Наконец-то мы видим дневной свет, а там и до озера недалеко.

⁶ **Мохрук** – приток реки Гудзон, впадающий в нее несколько севернее города Олбани.

⁷ **Шохери** – приток реки Мохрук.

⁸ **Новая Англия** – область в северо-восточной части США, прилегающая к Атлантическому океану. Она раньше всего была колонизована переселенцами из Англии.

⁹ **Мокасины** – индейская обувь из кожи, украшенная бисером, мехом и кусочками цветного сукна.

Едва только прозвучали эти слова, как второй обитатель леса раздвинул болотные заросли и тоже вышел на поляну. Наскоро приведя в порядок свое оружие и истрепанную одежду, он присоединился к товарищу, уже расположившемуся на привале.

– Ты знаешь это место? – спросил тот, кого звали Зверобоем. – Или ты закричал просто потому, что увидел солнце?

– И то и другое, парень, и то и другое! Я узнаю это местечко и совсем не жалею, что опять увидел такого верного друга, как солнце. Теперь у нас снова все румбы компаса перед

глазами, и мы сами будем виноваты, если еще раз заплутаем. Пусть меня больше не зовут Гарри Непоседа, если это не то самое местечко, где прошлым летом разбили свой лагерь и прожили целую неделю охотники за землей¹⁰. Вот сухие ветви их шалаша, а вот и родник. Нет, малый, как ни люблю я солнце, я не нуждаюсь в нем, чтобы знать, когда наступает полдень: мое брюхо не уступит любым часам, какие только можно найти в Колонии¹¹, и оно уже прозвонило половину первого. Итак, развяжи котомку, и подкрепимся для нового шестичасового похода.

После этого совета оба занялись необходимыми приготовлениями к своей, как всегда, скромной, но обильной трапезе. Мы воспользуемся перерывом в их беседе, чтобы дать читателю некоторое представление о внешности этих людей, которым суждено играть немаловажные роли в нашей повести. Трудно встретить более благородный образчик цветущего мужества, чем тот из путников, который назвал себя Гарри Непоседа. Его настоящее имя было Генри Марч; но так как обитатели пограничной полосы заимствовали у индейцев обычай давать людям всевозможные клички, то прозвище Непоседа чаще применялось к нему, чем его подлинная фамилия. Нередко также называли его Гарри Торопыга. Обе эти клички он получил за свою стремительность, опрометчивость, резкие манеры и за чрезвычайную подвижность, заставлявшую его вечно скитаться с места на место, почему его знали во всех поселках, разбросанных между британскими владениями и Канадой¹². Шести футов четырех дюймов¹³ ростом, Гарри Непоседа был при этом очень пропорционально сложен, и его физическая сила вполне соответствовала гигантской фигуре. Лицо – под стать всему остальному – было добродушно и красиво. Держался он очень непринужденно, и хотя грубость пограничного быта неизбежно сказывалась в его обхождении, величая осанка огромного тела сглаживала вульгарность его манер.

Зверобой, как Непоседа называл своего товарища, и по внешности и по характеру был человек совсем иного склада. Около шести футов ростом, он выглядел сравнительно худым и тщедушным, хотя все движения его выражали чрезвычайную ловкость, если не чрезвычайную силу. Его молодое лицо было не особенно красиво и только выражением своим подкупало всякого, кто брал на себя труд взглянуть в него более внимательно. Выражение его, свидетельствовавшее о простосердечии, безусловной правдивости, серьезности намерений и искренности чувств, было поистине замечательно.

Сначала даже могло показаться, что за простодушной внешностью скрывается затаенная хитрость, однако при ближайшем знакомстве это подозрение тотчас же рассеивалось.

Оба пограничных жителя были еще очень молоды. Непоседе едва исполнилось лет двадцать шесть – двадцать восемь, а Зверобой был и того моложе. Одежда их не заслуживает особого внимания; надо только заметить, что она была сшита главным образом из оленьих шкур – явный признак того, что ее владельцы проводили жизнь в бесконечных лесах, на самой окраине цивилизованного общества. Тем не менее в одежде Зверобоя чувствовалась забота о некотором щегольстве и живописности, особенно заметная на оружии и снаряжении. Его карабин находился в полной исправности, рукоять охотничьего ножа была покрыта изящной резьбой, роговая пороховница украшена подобающими эмблемами и насечкой, а ягдташ обвит индейским вампумом¹⁴. Наоборот, Гарри Непоседа, по врожденной ли небрежности или из

¹⁰ «Охотниками за землей» называли в те времена людей, бродивших по девственным лесам Северной Америки в поисках плодородной земли. Найдя подходящий участок, «охотник за землей» вырубал и выжигал на нем лес и распахивал его. Собрав несколько урожаев, «охотник» забрасывал этот участок и вновь принимался бродить по лесу в поисках плодородных, не истощенных посевами земель.

¹¹ **Колония** – то есть столица колонии Олбани.

¹² **Канадой** называли тогда французские поселения на реке Святого Лаврентия. Теперь Канадой называют огромную британскую самоуправляющуюся колонию.

¹³ То есть 190 сантиметров.

¹⁴ **Вампум** – связка из раковин, сочетания которых образуют геометрические фигуры. Эти геометрические фигуры имели смысловое значение. Вампумы являлись своеобразными памятными знаками и служили иногда для передачи сообщений.

тайного сознания, что его наружность не нуждается в искусственных прикрасах, был одет кое-как, словно выражая этим свое презрение ко всяким побрякушкам.

– Эй, Зверобой, принимайся за дело и докажи, что у тебя делаварский желудок, если ты говоришь, что тебя воспитали делавары!¹⁵ – крикнул Непоседа и подал пример товарищу, запихав себе в рот такой кусок дичины, какого хватило бы европейскому крестьянину на целый обед. – Принимайся, парень, и докажи этой лани свое мужество зубами, как ты уже доказал его ружьем.

– Нет, нет, Непоседа, немного мужества надо, чтобы убить лань, да еще в эту пору. Вот уложить тигровую кошку или пантеру¹⁶ – это дело, – возразил Зверобой, готовясь последовать совету товарища. – Делавары дали мне прозвище не за отважное сердце, а за зоркий глаз и проворные ноги. Охотиться на оленя, конечно, еще не значит быть трусом, но для этого не нужно и особой храбрости.

– Делавары сами не герои, – невнятно пробормотал Непоседа, у которого был полон рот. – Иначе проклятые бродяги минги¹⁷ не превратили бы их в баб.

– Этого дела никто толком не знает и не понимает, – сказал серьезно Зверобой, который мог быть таким же надежным другом, как его товарищ – опасным врагом. – Минги наполнили все леса своей ложью и кривотолками. Я прожил с делаваарами десять лет и знаю, что, если дойдет до драки, они не уступят в храбрости всякому другому народу.

– Слушай, мастер Зверобой, раз уж мы об этом заговорили, то почему бы нам не открыться друг другу, как мужчина мужчине? Ответь мне на один вопрос. Тебе так везло на охоте, что ты даже прославился в этом деле. Но подстрелил ли ты хоть разок человека? Случалось ли тебе целиться во врага, тоже способного спустить курок?

Этот вопрос вызвал в груди юноши своеобразную борьбу между ложным стыдом и добросовестностью. Чувства эти отразились на его простодушной физиономии. Борьба длилась, впрочем, недолго. Сердечная прямота восторжествовала над гордостью и бахвальством.

– По совести говоря, ни разу, – ответил Зверобой, – потому что для этого не представлялось подходящего случая. Делавары жили в мире со всеми соседями, пока я гостил у них, а я считаю, что человека можно лишить жизни только во время открытой законной войны.

– Как? Неужели ты ни разу не накрыл с поличным какого-нибудь парня, воровавшего у тебя шкуры или дичь из капканов? Неужто ты не расправился с ним по-свойски, чтобы избавить соседей от хлопот, а виновного от судебных издержек?

– Я не траппер¹⁸, Непоседа, – ответил юноша гордо. – Я добываю себе на жизнь карабином и владею им так, что не уступлю в этом ни одному мужчине моих лет между Гудзоном и рекой Святого Лаврентия. Я никогда не продавал ни одной шкуры, в голове которой не было бы еще одной дыры, кроме созданных самой природой для зрения и дыхания.

– Ай, ай, все это хорошо на охоте, но никуда не годится там, где речь идет о скальпах и засадах! Подстрелить из засады индейца – это значит воспользоваться его собственной любимой уловкой. К тому же у нас теперь законная, как ты говоришь, война. Чем скорее ты смоешь это пятно со своей совести, тем спокойнее будешь спать хотя бы от сознания, что по лесу бродит одним врагом меньше. Я недолго буду водить с тобой компанию, друг Нэтти, если ты не найдешь зверя немного выше четырех футов росту, чтобы попрактиковаться в стрельбе.

¹⁵ **Делавары**, или **ленни-ленепе**, как они себя сами называли, – индейское племя, населявшее в XVII–XVIII веках долину реки Делавар (между реками Гудзон и Саскуиханна) и побережье Атлантического океана до нынешней Северной Каролины. Они создали могучий союз племен, боровшийся с гуронским племенным союзом. Делавары по большей части выступали союзниками англичан, в то время как гуроны были в союзе с французами.

¹⁶ Пантер в **Америке** нет, но европейские колонисты часто называли пантерой пуму, или кугуара.

¹⁷ **Минги** – одно из прозвищ гуронов, могучего племени, входившего в ирокезский племенной союз и жившего в XVIII веке по берегам озер Онтарио и Гурон и реки Святого Лаврентия. Гуроны вели длительную борьбу с делаваарами. Во время англо-французских войн они поддерживали французов.

¹⁸ **Траппером** называют в Америке человека, добывающего пушных зверей с помощью капканов и ловушек.

– Наше путешествие близится к концу, мастер Марч, и если хочешь, мы расстанемся сегодня же вечером. Меня в здешних местах поджидает приятель, который не погнушается человеком, еще не убившим никого из своих ближних.

– Хотел бы я знать, что привело сюда этого проныру делаvara в такое раннее время года? – пробормотал Непоседа с видом, одновременно выражавшим и недоверие и пренебрежение. – И где, говоришь ты, молодой вождь назначил тебе свидание?

– У маленькой круглой скалы, на озере, где, как мне говорили, индейские племена сходятся, чтобы заключать договоры и закапывать в землю свои боевые топоры. Об этой скале я часто слышал от делаваров, хотя мне самому и озеро и скала совершенно незнакомы. Этой страной сообща владеют минги и могикане¹⁹; в мирное время оба племени охотятся здесь и ловят рыбу, но одному богу известно, что должно здесь твориться во время войны.

– Сообща! – воскликнул Непоседа, громко расхохотавшись. – Хотелось бы мне знать, что скажет на это Плавучий Том – Хаттер. Он считает озеро своей собственностью по праву пятнадцатилетнего бесспорного владения и не уступит его без боя ни мингам, ни делаварам.

– А как посмотрят в Колонии на этот спор? Эта земля должна иметь какого-нибудь владельца. Помещики поделили между собою пустыню даже в тех местах, куда и носу не смеют показать, чтобы взглянуть на свои поместья.

– Так, быть может, делается в других частях Колонии, Зверобой, но только не здесь. Ни одна живая душа не владеет даже пядью земли в этой части страны. Перо никогда не прикасалось к бумаге, чтобы закрепить за кем-нибудь здешние холмы и долины. Старый Том не раз говорил мне об этом. Вот почему он требует, чтобы его считали здесь единственным хозяином. А если он чего-нибудь требует, то уж сумеет постоять за себя.

– Судя по всему, что я от тебя слышал, Непоседа, этот Плавучий Том не совсем обыкновенный человек. Он не минг, не делавар и не бледнолицый. По твоим словам, он владеет озером уже очень давно. Что же это за человек? Какой он породы?

– Старый Том скорее выхухоль, чем человек. Повадками он больше походит на это животное, чем на своих ближних. Иные думают, что в молодые годы он гулял по соленой воде и был товарищем известного Кида²⁰, которого повесили за морской разбой гораздо раньше, чем мы с тобой успели родиться. Том поселился в здешних местах, полагая, что королевские крейсера никогда не переплывут через горы и что в лесах он может спокойно пользоваться награбленным добром.

– Он ошибается, Непоседа, сильно ошибается. Человек нигде не может спокойно пользоваться награбленным добром.

– Он, вероятно, относится к этому иначе. Я знал людей, которым жизнь была не в жизнь без разных увеселений, знал и других, которые лучше всего чувствовали себя в своем углу. Знал людей, которые до тех пор не успокоятся, пока кого-нибудь не ограбят; знавал и таких, которые не могли себе простить, что когда-то кого-то ограбили. Человеческая природа очень причудлива в таких делах. Но старый Том сам по себе. Награбленным добром, если только оно у него есть, он пользуется спокойно и с удобствами в обществе своих дочерей и ни о чем другом не помышляет.

– Ах, так у него есть дочери! От делаваров, охотившихся в здешних местах, я слышал целые истории про этих молодых девушек. А мать у них есть, Непоседа?

– Когда-то была. Но она умерла и потонула года два назад.

– Что такое? – воскликнул Зверобой, с удивлением глядя на товарища.

¹⁹ **Могикане** – индейское племя, жившее в нижнем течении Гудзона. Могикане входили в племенной союз делаваров. Племя это вымерло целиком.

²⁰ **Кид** – известный английский пират.

– Умерла и потонула, говорю я – и надеюсь, что на достаточно хорошем английском языке. Старик спустил жену в озеро, когда увидел, что ей пришел конец. Я могу это засвидетельствовать, потому что лично присутствовал при церемонии. Но хотел ли он избавить себя от труда рыть могилу – что не так-то легко в лесу среди корней – или считал, что вода лучше смывает грехи, чем земля, этого я, право, не берусь сказать.

– Должно быть, бедная женщина была большой грешницей, если муж не хотел потрудиться для упокоения ее тела.

– Не совсем так, хотя у нее были свои недостатки. Я думаю, что Юдифь Хаттер была настолько хороша, насколько это возможно для женщины, жившей так долго вдали от церковного звона, но, по-видимому, Том считал, что потрудился для нее совершенно достаточно. Правда, у нее в характере было немало стали, и так как старик Хаттер – настоящий кремьень, то подчас между ними вспыхивали искры. Но, в общем, можно сказать, что они жили довольно дружно. Когда они начинали ссориться, слушателям удавалось порой заглянуть в их прошлое, как можно заглянуть в самые темные чаши леса, если заблудившийся солнечный луч пробьется к корням деревьев. Но я всегда буду уважать старуху Юдифь, потому что она была матерью такого создания, как Юдифь Хаттер, ее дочка.

– Да, делаваы упоминали имя «Юдифь», хотя и произносили его на свой лад. Судя по их рассказам, не думаю, чтобы эта девушка была в моем вкусе.

– В твоём вкусе! – воскликнул Марч, взбешенный равнодушием и самонадеянностью товарища. – Какого черта ты суешься со своим вкусом, когда речь идет о такой девушке, как Юдифь! Ты еще мальчишка, зеленый юнец, едва успевший пустить корни в землю. За Юдифью начали ухаживать мужчины, когда ей было всего пятнадцать лет, то есть без малого пять лет назад. Да она и не взглянет на такого молокососа, как ты.

– Теперь июнь и на небе ни облачка, Непоседа, так что весь этот жар ни к чему, – ответил Зверобой совершенно спокойно. – У каждого свой вкус, и даже белка имеет право судить о тигровой кошке.

– Но не слишком умно с ее стороны сообщать об этом мнении тигровой кошке, – проворчал Марч. – Впрочем, ты молод и несмышлен, поэтому я прощаю тебе твое невежество. Послушай, Зверобой, – с добродушным смехом прибавил он после недолгого размышления, – послушай, Зверобой: мы с тобой поклялись быть друзьями и, конечно, не станем ссориться из-за легкомысленной вертушки только потому, что она случайно уродилась хорошенькой, тем более что ты никогда не видел ее. Юдифь создана для мужчины, у которого уже прорезались все зубы, и глупо мне опасаться мальчика... Что же говорили делаваы об этой плутовке? В конце концов, индеец может судить о женском поле не хуже белого.

– Они говорили, что она хороша собой, приятна в разговоре, но слишком любит видеть вокруг себя поклонников и очень ветрена.

– Сущие черти! Впрочем, какой школьный учитель может помериться с индейцем там, где идет речь о природе! Некоторые люди думают, что индейцы пригодны только для охоты и для войны, но я говорю, что это мудрецы, которые разбираются в мужчинах так же хорошо, как в бобрах, а в женщинах не хуже, чем в тех и других. Характер Юдифи точно таков! Говоря по правде, Зверобой, я женился бы на этой девчонке еще два года назад, если бы не два особых обстоятельства, одно из которых это самое легкомыслие.

– А какое же второе? – спросил охотник, продолжая есть и, очевидно, мало интересуясь разговором.

– Второе – в том, что я не уверен, пожелает ли она выйти за меня. Плутовка красива и знает это. Мальчик! На этих холмах нет дерева более стройного, дуновения ветра более нежного, и ты никогда не видел лани, которая прыгала бы с такой легкостью. Ее бы прославляли в один голос, не будь у нее недостатков, которые слишком заметны. Иногда я даю клятву больше не ходить на озеро.

– Почему же ты всегда возвращаешься? Вот видишь, никогда не следует клясться.

– Ах, Зверобой, ты новичок в этих делах! Ты такой благо нравный, как будто никогда за всю жизнь не покидал города. Я – иное дело. Какая бы мысль ни пришла мне в голову, мне всегда хочется выругаться или поклясться. Если бы ты знал Юдифь, как знаю ее я, то понял бы, что иногда простительно чуточку посквернословить. Случается, что офицеры из фортов на Мохауке приезжают на озеро ловить рыбу и охотиться, и тогда это создание совсем теряет голову. Как она начинает тогда рядиться и какую напускает на себя важность в присутствии своих ухажеров!

– Это не подобает дочери бедного человека, – ответил Зверобой степенно. – Все офицеры – знатного происхождения и на такую девушку, как Юдифь, могут смотреть только с дурными намерениями.

– Это меня и бесит и успокаивает. Я, правда, опасаюсь одного капитана, и Джуди должна винить только себя и свою дурь, если я не прав. Но, вообще говоря, я склонен считать ее скромной и приличной девушкой, хотя даже облака, плывущие над этими холмами, не так переменчивы, как она. Вряд ли довелось ей встретить дюжину белых, с тех пор как она перестала быть ребенком, а поглядел бы ты, как форсит перед офицерами.

– Я бы давно бросил думать о такой девушке и занялся бы только лесом. Лес никогда не обманет.

– Если бы ты знал Юдифь, то понял бы, что это гораздо легче сказать, чем сделать. Будь я спокоен насчет офицеров, силой бы утащил девчонку к себе на Мохаук, заставил бы ее выйти за меня замуж, несмотря на все ее капризы, и оставил бы старика Тома на попечение Гетти, его второй дочери, которая хоть и не так красива и бойка, как ее сестрица, зато гораздо лучше понимает свои обязанности.

– Стало быть, еще одна птица из того же гнезда? – удивленно спросил Зверобой. – Делавары говорили мне только об одной.

– Немудрено, что, когда говорят о Юдифи Хаттер, забывают о Гетти Хаттер. Гетти всего лишь мила, тогда как ее сестра... Говорю тебе, мальчик, другой такой не сыщешь отсюда до самого моря! Юдифь бойка, речиста и лукава, как старый индейский оратор, тогда как бедная Гетти в лучшем случае только «Так указывает компас».

– Что такое? – переспросил Зверобой.

– Да это офицеры ее прозвали: «Так указывает компас». Я полагаю, они хотели этим сказать, что она всегда старается идти в должном направлении, но никогда не знает, как это сделать. Нет, бедная Гетти совсем дурочка и постоянно сбивается с прямого пути то в одну, то в другую сторону. Старый Том очень любит девчонку, да и Юдифь тоже, хотя сама она бойка и тщеславна. Не будь этого, я бы не поручался за безопасность Гетти среди людей такого сорта, какой иногда попадает на берегах озера.

– Мне казалось, что люди здесь появляются редко, – сказал Зверобой, видимо, обеспокоенный мыслью, что так близко подошел к границам обитаемого мира.

– Это правда, парень, едва ли два десятка белых видели Гетти. Но двадцать заправских пограничных жителей – охотников-трапперов и разведчиков – могут натворить бед, если постараются. Знаешь, Зверобой, я буду в отчаянии, если, вернувшись после шестимесячной отлучки, застану Юдифь уже замужем.

– Эта девушка призналась тебе в любви или как-нибудь иначе обнадежила тебя?

– Совсем нет! Право, не знаю, в чем тут дело. Ведь я недурен собой, парень. Так мне, по крайней мере, кажется, когда я гляжусь в родник, освещенный солнцем. Однако я никогда не мог вынудить у этой плутовки обещание выйти за меня замуж, не мог добиться от нее сердечной улыбки, хотя она готова хохотать целыми часами. Если она осмелилась обвенчаться в мое отсутствие, то узнает все радости вдовства, не дожив и до двадцати лет.

– Неужели, Гарри, ты способен сделать что-либо худое избранному ею человеку только потому, что он больше пришелся ей по душе?

– А почему бы и нет? Если враг встанет на моем пути, как не отшвырнуть его в сторону? Погляди на меня! Такой ли я человек, чтобы позволить какому-нибудь проныре и плуту, торговцу пушниной, обойти меня в таком важном для меня деле, как любовь Юдифи Хаттер? Кроме того, мы живем здесь без законов и поневоле должны быть сами и судьями и палачами. Когда в лесу найдут мертвеца, кто скажет, кем он убит, если даже в Колонии займутся этим делом и поднимут шум?

– Если убитый окажется мужем Юдифи Хаттер, то после всего, что ты сказал мне, я сумею направить людей из Колонии на верный след.

– Ты, молокосос, мальчишка, гоняющийся за дичью, – ты смеешь грозить доносом Гарри Непоседе, словно это так же просто, как свернуть голову цыпленку?!

– Я не побоюсь сказать правду, Непоседа, о тебе, так же как и о любом другом человеке, кем бы он ни был.

С минуту Марч глядел на товарища в молчаливом изумлении. Потом, схватив Зверобоя обеими руками за горло, он встряхнул его хрупкое тело с такой силой, как будто хотел переломать ему все кости. Марч не шутил: гнев пылал в глазах великана. Имея дело с таким громадным детиной, да еще в безлюдной глуши, вдали от всякой помощи, любой бы струсил и поддался бы искушению пойти на попятный. Но Зверобой не испугался. Лицо его не изменилось, рука не дрогнула, и он сказал совершенно спокойным голосом:

– Ты можешь трясти меня, Непоседа, до тех пор, пока не расшатаешь гору, и все-таки ничего, кроме правды, из меня не вытрясешь. Весьма вероятно, что у Юдифи Хаттер нет мужа, которого бы ты мог убить, и ты никогда не будешь иметь случая подстеречь его. Но если она замужем, я при первой же встрече скажу ей о твоей угрозе.

Марч разжал пальцы и сел, с молчаливым изумлением смотря на своего спутника.

– До сих пор я думал, что мы друзья, – вымолвил он наконец. – Но это мой последний секрет, который попал в твои уши.

– Я не желаю знать твоих секретов, если все они подобного же сорта. Я знаю, что мы живем в лесах, Непоседа, и считаем себя свободными от людских законов. Быть может, это отчасти верно. Но все-таки есть закон, который властвует над всей вселенной, и тот, кто пренебрегает им, пусть не зовет меня своим другом.

– Черт меня побери, Зверобой, я и не предполагал, что в душе ты принадлежишь к моравским братьям²¹, а не честный, прямодушный охотник, за какого выдаешь себя!

– Честен я или нет, Непоседа, во всяком случае, я всегда буду так же прямодушен на деле, как на словах. Но глупо поддаваться внезапному гневу. Это только доказывает, как мало ты жил среди краснокожих. Без сомнения, Юдифь Хаттер еще не замужем, и ты говорил то, что взбрело тебе на язык, а не то, что подсказывает сердце. Вот тебе моя рука, и не будем больше говорить и вспоминать об этом.

Непоседа, как видно, удивился еще больше. Но потом захохотал так громко и добродушно, что даже слезы выступили у него на глазах.

Затем он пожал протянутую руку, и оба спутника опять стали друзьями.

– Из-за пустой мысли ссориться глупо! – воскликнул Марч, снова принимаясь за еду. – Это больше пристало городским законникам, чем разумным людям, живущим в лесу. Мне рас-

²¹ **Моравские братья** – религиозная секта, основанная в Чехии еще в XV веке. В XVIII веке члены этой секты вели миссионерскую работу среди индейцев Северной Америки, главным образом среди делаваров. Моравские братья написали о делаварах несколько книг. Книги эти очень интересны, потому что миссионеры видели делаваров тогда, когда их почти еще не коснулось влияние белых.

сказывали, Зверобой, что в нижних графствах²² многие портят себе кровь из-за своих мыслей и при этом доходят до крайности.

– Так оно и есть, так оно и есть... А также из-за других вещей, которых лучше не касаться. От моравских братьев я слышал, что существуют такие страны, где люди ссорятся даже из-за религии, а уж если дело доходит до этого, то смилуйся над ними, боже! Однако мы не станем следовать их примеру, особенно из-за мужа, которого у Юдифи Хаттер, быть может, никогда не было и не будет. Меня же лично больше интересует слабоумная сестра, чем твоя красавица. Нельзя остаться равнодушным, встречая ближнего, который хотя по внешности самый обыкновенный смертный, но на деле совсем не таков, потому что ему не хватает разума. Это тяжело даже для мужчины, но когда это случается с женщиной, с юным, обаятельным существом, то пробуждает самые жалостные мысли, какие только могут быть в душе. Видит бог, Непоседа, эти бедные создания достаточно беззащитны даже в здравом уме. Какая же страшная судьба ожидает их, если этот великий покровитель и вожатый изменяет им!

– Слушай, Зверобой! Ты знаешь, что за народ трапперы – охотники и торговцы пушной. Их лучший друг не станет отрицать, что они упрямы и любят идти своей дорогой, не слишком считаясь с правами и чувствами других людей. И, однако, я не думаю, чтобы во всей здешней области нашелся хотя бы один человек, способный обидеть Гетти Хаттер. Нет, даже индеец не решится на это.

– Наконец-то, друг Непоседа, ты начинаешь справедливо судить о делаварах и других союзных им племенах. Рад слышать это. Однако солнце уже перевалило за полдень, и нам лучше снова тронуться в путь, чтобы поглядеть, наконец, на этих замечательных сестер.

Гарри Марч весело изъявил свое согласие, и с остатками завтрака скоро было покончено. Затем путники навьючили на себя котомки, взяли ружья и, покинув залитую солнечным светом поляну, снова углубились в глубокую лесную тень.

²² **Нижние графства** – то есть области, расположенные по нижнему течению рек Гудзон и Саскуиханна. В то время, когда разыгрывалось действие романа, нижние графства были более населенными, чем пустынные места в верховьях Саскуиханны, где бродили Зверобой и Непоседа.

Глава II

*Ты бросаешь зеленый озерный край,
Охотничий дом над водой,
В этот месяц июнь, в этот летний рай,
Дитя, расстаешься со мной!*

«Воспоминания женщины»²³

Идти оставалось уже немного. Отыскав поляну с родником, Непоседа верно определил направление и теперь подвигался вперед уверенной поступью человека, знающего, куда ведет дорога.

В лесу стоял глубокий сумрак, но ноги легко ступали по сухой и твердой почве, не загроможденной валежником и хворостом. Пройдя около мили, Марч остановился и начал внимательно озираться. Он рассматривал окружающие предметы, задерживая иногда свой взор на древесных стволах, которые валялись повсюду, как это часто бывает в американских лесах, особенно там, где дерево еще не приобрело рыночной ценности.

– Как будто это то самое место, Зверобой, – наконец произнес Марч. – Вот бук рядом с хемлоком²⁴, вот поодаль три сосны, а там, немного дальше, белая береза со сломанной вершиной. И, однако, что-то не видно ни скалы, ни пригнутых ветвей, о которых я тебе говорил.

– Сломанные ветви – нехитрая примета для обозначения пути, так как даже самые неопытные люди знают, что ветви редко ломаются сами собой, – ответил собеседник. – Поэтому они возбуждают подозрение и наводят на след. Делавары доверяют сломанным ветвям только во время всеобщего мира да на проторенной тропе. А буки, сосны и березы можно увидеть всюду, да не по два или по три, а десятками и сотнями.

– Твоя правда, Зверобой, но ты не принимаешь в расчет их расположения. Вот бук и рядом с ним хемлок...

– Да, а вот другой дуб и другой хемлок, любовно обнявшиеся, как два братца, или, пожалуй, ласковее, чем иные братья. А вон еще и другие, потому что все эти деревья здесь не редкость. Боюсь, Непоседа, что тебе легче выследить бобра или подстрелить медведя, чем служить проводником на такой непроторенной тропе... Ба! Да вон и то, что ты ищешь.

– На этот раз, Зверобой, это одна из твоих делаварских выдумок! Пусть меня повесят, если я вижу здесь что-нибудь, кроме деревьев, которые столпились вокруг нас самым причудливым и сбивающим с толку образом.

– Глянь-ка сюда, Непоседа! Разве ты не замечаешь вот здесь, на одной линии с этим черным дубом, склонившееся молодое деревцо, поддерживаемое ветвями кустарника? Это дерево было засыпано снегом и склонилось под его тяжестью; оно никогда не смогло бы снова выпрямиться и окрепнуть. Рука человека помогла ему.

– Это была моя рука! – воскликнул Непоседа. – Я увидел хрупкое молодое деревцо, прикинувшееся к земле, как живое существо, согбенное горем, и поставил его так, как оно стоит теперь... Ну, Зверобой, я вынужден признаться, что у тебя в лесу действительно острое зрение.

– Оно понемногу улучшается, Непоседа, оно улучшается, допускаю это, но все же я в этом совсем ребенок, если сравнить меня кое с кем из моих знакомых. Взять хоть Таменунда. Правда, он теперь так стар, что лишь немногие помнят, каким он был во цвете лет, однако

²³ Перевод Л. Рубинштейна.

²⁴ **Хемлок** – дерево из породы хвойных, растущее в Северной Америке.

ничто не ускользает от его взгляда, который больше напоминает собачье чутье, чем зрение человека. Затем Ункас, отец Чингачгука и законный вождь могикиан; от его взгляда тоже немислимо укрыться. Я делаю успехи... допускаю, что делаю успехи... но мне еще далеко до совершенства.

– А кто такой этот Чингачгук, о котором ты так много толкуешь, Зверобой? – спросил Непоседа, направляясь к выпрямленному деревцу. – Бродяга-краснокожий, само собой разумеется?

– Он самый лучший среди бродяг-краснокожих, как ты их называешь. Если бы он мог вступить в свои законные права, то стал бы великим вождем. Теперь же он только храбрый и справедливый делавар. Правда, все уважают его и даже повинуются ему в некоторых делах, но все-таки он потомок захудалого рода, представитель исчезнувшего племени. Ах, Гарри Марч, тепло становится на сердце, когда в зимнюю ночь сидишь у них в вигваме²⁵ и слушаешь предания о стародавнем величии и могуществе могикиан!

– Слушай, друг Натаниэль, – сказал Непоседа, останавливаясь и заглядывая прямо в лицо товарищу, чтобы слова его звучали более веско, – если человек верит всему, что другие люди считают нужным говорить в свою пользу, у него создается преувеличенное мнение о них и преуменьшенное о себе. Краснокожие – известные хвастуны, и, по-моему, добрая половина их преданий – одна пустая болтовня.

– Не стану спорить, Непоседа, ты прав. Они действительно любят похвастать. Это у них природный дар, и грешно не давать ему развиваться... Стоп! Вот место, которое мы ищем.

Разговор был прерван этим замечанием, и оба товарища устремили все свое внимание на предмет, находившийся непосредственно перед ними. Зверобой указал своему спутнику на ствол огромной липы, которая отжила свой век и упала от собственной тяжести. Это дерево, подобно миллионам своих братьев, лежало там, где свалилось, и теперь гнило под действием постоянной смены тепла и холода, дождей и засухи. Тление, однако, затронуло сердцевину еще в то время, когда дерево стояло совершенно прямо, во всей красе своего мощного роста, подобно тому как скрытая болезнь иногда подтачивает жизненные силы человека, тогда как сторонний наблюдатель видит только здоровую внешность. Теперь ствол лежал на земле, вытянувшись в длину на добрую сотню футов, и зоркий взгляд охотника по некоторым признакам тотчас же распознал в нем то самое дерево, которое разыскивал Марч.

– Ага! Оно-то нам и нужно! – воскликнул Непоседа, поглядев на толстый конец липы. – Все в полной сохранности, как будто пролежало в шкафу у старухи. Помоги мне, Зверобой, и через полчаса мы будем уже на воде.

Услышав это, охотник присоединился к товарищу, и оба взялись за работу решительно и умело, как люди, привыкшие к такого рода делам. Прежде всего Непоседа снял куски коры, которые прикрывали широкое отверстие в конце ствола и, по словам Зверобоя, были положены таким образом, что скорее привлекали внимание, чем скрывали тайник, если бы мимо проходил какой-либо бродяга. Затем они вытащили наружу сделанный из коры челнок, в котором имелись скамьи для сидения, весла и другие принадлежности, вплоть до рыболовных крючков и лесок. Челнок был отнюдь не малых размеров, но очень легкий. Природа же наделила Непоседу такой исполинской силой, что он, отказавшись от помощи, без всякого усилия поднял челнок себе на плечи.

– Иди вперед, Зверобой, – сказал Марч, – и раздвигай кусты, с остальным я и сам управлюсь.

Юноша не возражал, и они тронулись в путь. Зверобой прокладывал дорогу товарищу, сворачивая по его указанию то вправо, то влево. Минут через десять они внезапно увидели яркий солнечный свет и очутились на песчаной косе, которая с трех сторон омывалась водой.

²⁵ Вигвам – жилище индейцев.

Когда, дойдя до берега, Зверобой впервые увидел это непривычное зрелище, крик изумления вырвался из его уст, – правда, крик негромкий и сдержанный, ибо молодой охотник был гораздо осторожнее и предусмотрительнее, чем необузданный Непоседа. Вид, внезапно открывшийся перед ними, действительно был настолько поразителен, что заслуживает особого описания. На одном уровне с косой расстилась широкая водная поверхность, такая спокойная и прозрачная, что казалась ложем из чистого горного воздуха, охваченным со всех сторон холмами и лесами. В длину озеро имело около трех миль. В ширину оно достигало полумили, а против косы даже более; далее к югу оно суживалось до половины. Берега имели неправильные очертания и изобиловали заливами и острыми низкими мысами. На севере озеро замыкалось одиноко стоявшей горой, на запад и на восток от которой простирались низменности, приятно разнообразившие горизонт. Все же общий характер местности был гористый. Высокие холмы или небольшие горы круто поднимались из воды на протяжении девяти десятых берега. И даже в тех местах, где берег был относительно полог, в некотором отдалении виднелись возвышенности.

Но больше всего в этом пейзаже поражали его пустынная величавость и сладостное спокойствие. Всюду, куда ни кинешь взор, – только зеркальная поверхность воды да безмятежное небо в рамке густых лесов. Пышный и плотный покров леса тщательно скрывал от взоров землю. Нигде ни одной прогалины. Повсюду, от берегов до закругленных горных вершин, сплошной зеленой пеленой тянулись леса. Но растительность, казалось, не хотела довольствоваться даже столь полной победой: деревья свисали над самым озером, вытягиваясь по направлению к свету. Вдоль восточного берега можно было целые мили плыть под ветвями темных рембрандтовских²⁶ хемлоков, трепетных осин и меланхолических сосен. Коротко говоря, рука человека еще никогда не уродовала этого дикого пейзажа, купающегося в солнечных лучах, этого великолепного лесного величия, нежащегося в июньском благоухании.

– Это величественно! Это прекрасно! Сам становишься лучше, как поглядишь на это! – восклицал Зверобой, опершись на свой карабин и озираясь кругом – направо и налево, на юг и на север, на небо и на землю. – Я вижу, что даже рука краснокожего не тронула здесь ни одного дерева. Ну, Непоседа, твоя Юдифь, должно быть, нравственная и благоразумная девушка, если она, как ты говоришь, провела полжизни в таком благословенном месте.

– Это сушая правда. Но у девчонки есть свои причуды. Впрочем, она не все время живет здесь, так как старик Хаттер имеет обыкновение проводить зиму в поселках колонистов или под защитой пушек форта. Нет, нет, Джуди, на свою беду, набралась кое-чего у колонистов и особенно у шаркунов-офицеров.

– Если так, Непоседа, то вот школа, которая может ее исправить... Скажи, однако, что это вон там прямо против нас? Для острова это слишком мало и слишком велико для лодки, хотя стоит как раз посреди озера.

– Щеголи из форта прозвали это Замком Выхухоли, и сам старик Том скалит зубы, слыша эту кличку, которая как нельзя лучше определяет его свойства и привычки. Это неподвижный дом; там их всего два: этот, который никогда не сдвинется с места, и второй, который плавает и потому находится то в одной, то в другой части озера. Он называется ковчегом, хотя я не берусь объяснить тебе, что значит это слово.

– Оно пошло от миссионеров, Непоседа, которые при мне рассказывали и читали об этой штуке. Они говорят, земля была когда-то вся покрыта водой, и Ной со своими детьми спасся, построив судно, называвшееся ковчегом. Одни делавары верят этому преданию, другие не верят. Мы с тобой люди белые и христиане. Нам подобает верить... Однако не видишь ли ты где-нибудь этот ковчег?

²⁶ **Рембрандт** (1608–1669) – великий голландский художник. Обладал непревзойденным мастерством в передаче игры света и тени.

– Он, несомненно, отплыл к югу или стоит на якоре в какой-нибудь заводи. Но наш челнок уже готов, и пара таких весел, как твое и мое, за четверть часа доставит нас к «замку».

После этого замечания Зверобой помог товарищу уложить вещи в челнок, уже спущенный на воду. Вслед за тем оба пограничных жителя вошли в него и сильным толчком отогнали легкое судно ярдов на восемь или десять от берега.

Непоседа сел на корму. Зверобой устроился на носу, и под неторопливыми, но упорными ударами весел челнок начал скользить по водной глади, направляясь к странному сооружению, прозванному Замком Выхухоли. Обогнув мыс, спутники время от времени переставали грести, оглядываясь на окружающий пейзаж. Перед ними открылся широкий вид на противоположный берег озера и на поросшие лесом горы. Изменились форма холмов и очертания заливов, далеко на юг простиралась долина, которую они раньше не видели. Вся земля казалась одетой в праздничный наряд из древесной листвы.

– Это зрелище согревает сердце! – воскликнул Зверобой, когда они остановились в четвертый или в пятый раз. – Озеро как будто для того и создано, чтобы мы могли поглубже заглянуть в величественные лесные дубравы. И ты говоришь, Непоседа, что никто не считает себя законным владельцем этих красот?

– Никто, кроме короля, парень. У него, быть может, есть какие-то права на это озеро, но он живет так далеко, что его претензии никогда не потревожат старого Тома Хаттера, который владеет всем этим и собирается владеть, покуда будет жив. Том не скваттер²⁷, у него нет земли. Я прозвал его Плавуном.

– Завидую этому человеку! Знаю, это нехорошо, и постараюсь подавить это чувство, но все-таки завидую этому человеку. Не думай, пожалуйста, Непоседа, что я хочу забраться в его мокасины, такой мысли нет у меня на уме, но не завидовать не могу. Это естественное чувство; у самых лучших из нас есть такие естественные чувства, которым подчас дают волю.

– Тебе надо только жениться на Гетти, чтоб наследовать половину этого поместья! – воскликнул Непоседа со смехом. – Очень милая девушка! Не будь у нее сестры-красавицы, она могла бы показаться почти хорошенькой; а разума у нее так мало, что ты легко можешь заставить ее смотреть на вещи твоими глазами. Женись на Гетти, и ручаюсь, что старик уступит на твою долю всю дичь, которую ты сможешь подстрелить на расстоянии пяти миль от озера.

– А здесь много дичи? – спросил Зверобой, не обращая внимания на насмешки Марча.

– Да здесь дичи полным-полно повсюду. Едва ли кто-нибудь хоть раз спускал против нее курок, а что касается трапперов, то они сюда забредают редко. Я бы и сам реже околачивался здесь, но бобр тянет в одну сторону, а Джуди – в другую. За последние два года эта девчонка стоила мне больше сотни испанских долларов²⁸, и, однако, я не могу избавиться от желания взглянуть еще раз на ее личико.

– А краснокожие часто посещают это озеро, Непоседа? – спросил Зверобой, следуя течению своих собственных мыслей.

– Они приходят и уходят иногда в одиночку, иногда небольшими партиями. Видимо, ни одно туземное племя в отдельности не владеет этой страной, и потому она попала в руки племени Хаттеров. Старик говорил мне, что некоторые проныры подбивали жителей Мохаука на войну с индейцами, чтобы получить от Колонии право на эту землю. Однако ничего не вышло: до сих пор не нашлось человека, настолько сильного, чтобы заняться этим делом. Охотники и поныне имеют право свободно бродить по здешним дебрям.

– Тем лучше, Непоседа, тем лучше. Будь я королем Англии, я издал бы постановление, что всякий человек, который срубит одно из этих деревьев, не нуждаясь по-настоящему в стро-

²⁷ **Скваттер** – колонист, расчистивший участок девственного леса и занимавшийся на этом участке земледелием.

²⁸ В XVI–XVIII веках главными поставщиками серебра на мировые рынки были испанские владения в Америке – Мексика и Перу. Испанские серебряные монеты (главным образом пиастры) имели хождение в Европе, Азии и Америке. Часто их называли испанскими долларами.

евом лесе, должен быть изгнан в пустынные и бесплодные места, где никогда не ступал ни один зверь. Я, право, рад, что Чингачгук назначил свидание на этом озере, потому что мне никогда еще не доводилось видеть такого великолепного зрелища.

— Это потому, что ты жил так далеко среди делаваров, в стране, где нет озер. Но далее к северу и к западу таких водоемов сколько угодно. Ты молод и еще можешь увидеть их... Да, на свете есть еще другие озера, Зверобой, но нет другой Юдифи Хаттер!

В ответ на это замечание Зверобой улыбнулся и затем погрузил свое весло в воду, как бы сочувствуя спешке влюбленного. Оба гребли изо всех сил, пока не очутились в сотне ярдов от «замка», как Непоседа в шутку называл дом Хаттера. Тут они опять бросили весла. Поклонник Юдифи сдержал свое нетерпение, заметив, что дом в настоящее время, видимо, пуст. Эта новая остановка позволила Зверобойю осмотреть своеобразную постройку, которая заслуживает особого описания.

Замок Водяной Крысы – как этот дом был в шутку прозван каким-то остряком-офицером – стоял посреди озера на расстоянии четверти мили от ближайшего берега. Во все другие стороны вода простиралась гораздо дальше; до северного конца озера было мили две, и целая миля, если не больше, отделяла дом от восточного берега. Нигде нельзя было заметить никаких признаков острова. Дом стоял на сваях; под ним плескалась вода. Между тем Зверобой уже успел заметить, что озеро отличается изрядной глубиной, и попросил объяснить ему это странное обстоятельство. Непоседа разъяснил загадку, сказав, что в этом месте тянется длинная узкая отмель на протяжении нескольких сот ярдов к северу и к югу и всего в шести или восьми футах от поверхности воды и что Хаттер вколотил сваи в эту отмель и поставил на них свой дом ради пущей безопасности.

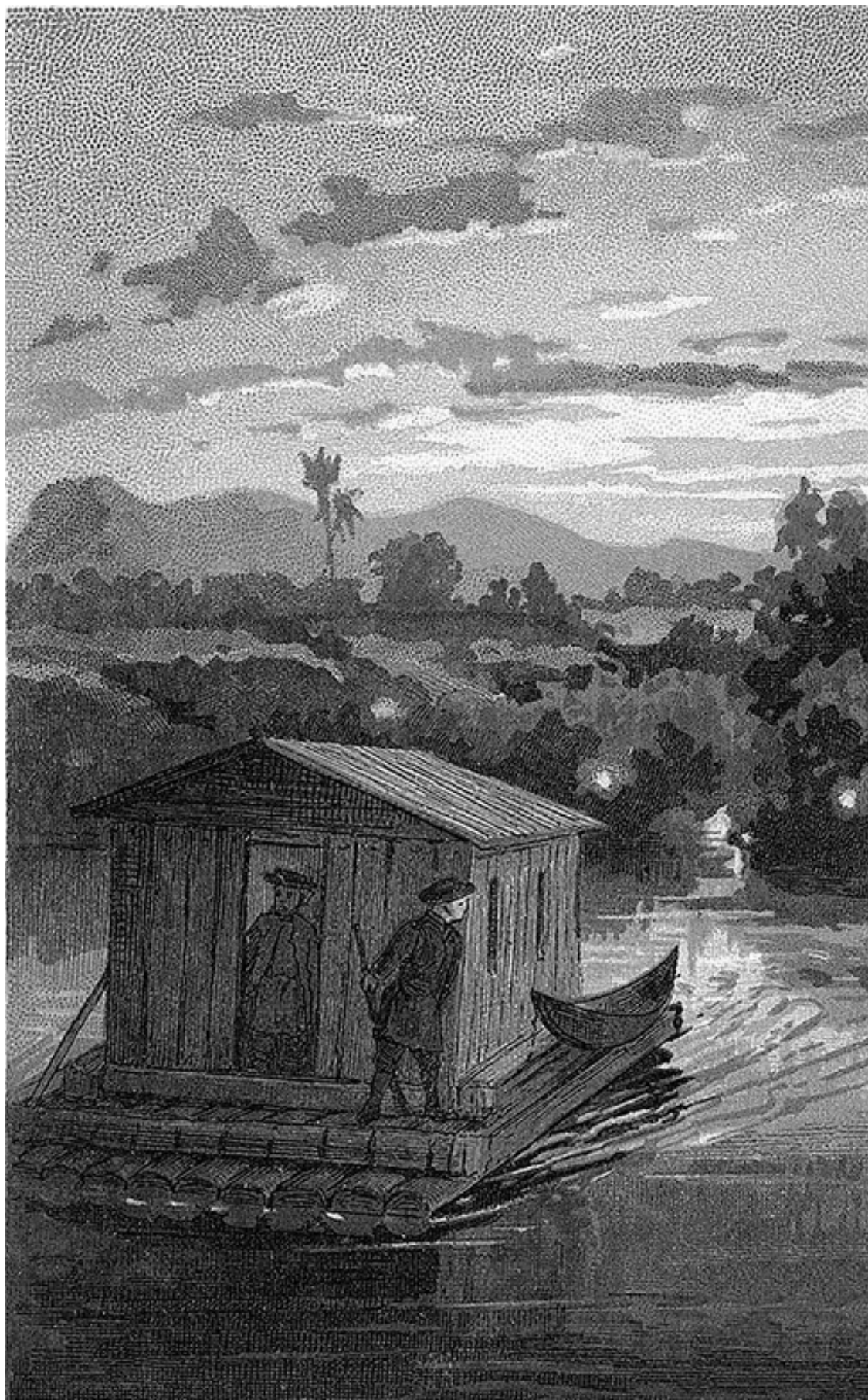
– Старика раза три поджигали индейцы и охотники, а в стычке с краснокожими он потерял единственного сына. После этого он и переселился на воду. Здесь на него можно напасть только с лодки, а скальпы и добыча вряд ли стоят того, чтобы ради них выдалбливать челнок. Кроме того, в такую драку пускаться небезопасно, потому что у старика Тома довольно оружия и зарядов, а стены «замка», как ты видишь, достаточно толсты, чтобы защитить человека от пуль.

Зверобой имел кое-какие теоретические сведения о пограничном военном искусстве, хотя ему до сих пор еще никогда не случалось поднимать руку на человека. Он убедился, что Непоседа нисколько не преувеличивает выгодность этой позиции в военном отношении. И действительно, атаковать «замок», не попав при этом под огонь осажденных, было бы трудно. Немалое искусство сказывалось и в расположении бревен, из которых было построено здание. Благодаря этому обороняться в нем было гораздо проще, чем в обычных деревянных хижинах на границе. Поперечные и продольные стены «замка» были воздвигнуты из больших сосновых стволов длиной около девяти футов, поставленных стоймя, а не положенных горизонтально, как это водится в тамошних краях. Бревна были обтесаны с трех сторон и по обоим концам снабжены большими шипами. В массивной настилке, прикрепленной к верхним концам свай, Хаттер выдолбил желоба и прочно утвердил в них нижние шипы поставленных стоймя бревен. На верхние концы тех же бревен он положил доски, удерживавшие их на месте с помощью такого же приспособления. Углы постройки Хаттер прочно скрепил настилом и досками. Полы сделал из обтесанных бревен меньшего размера, а кровлю – из тонких жердей, плотно сдвинутых и основательно прикрытых древесной корой. В результате всех этих ухищрений у хозяина получился дом, к которому можно было приблизиться только по воде. Стены состояли из бревен, прочно скрепленных друг с другом и имевших в толщину не менее двух футов даже в самых тонких местах. Разрушить их могли только напряженные усилия человеческих рук или медленное действие времени. Снаружи постройка имела грубый и невзрачный вид, так как бревна были неодинаковы в обхвате, но внутри гладко обтесанная поверхность стен и полов казалась достаточно ровной как на глаз, так и на ощупь. К числу достопримечательностей «замка» принадлежали дымовая труба и очаг. Непоседа обратил на них внимание своего товарища и объяснил, как они построены. Материалом послужила густая, основательно размешанная глина, которую укладывали в сплетенные из ветвей формы и высушивали по футу или по два за раз, начиная с основания. Когда таким образом была возведена вся труба целиком, под ней развели жаркий огонь и поддерживали его до тех пор, пока глина не превратилась в некое подобие кирпича. Это была нелегкая работа, и она не увенчалась полным успехом. Но,

заполняя трещины свежей глиной, удалось в конце концов получить довольно прочный очаг и трубу. Эта часть постройки покоилась на бревенчатом полу, поддерживаемом снизу добавочной свай. Строение имело и другие особенности, о которых лучше будет рассказать в дальнейшем.

– Старый Том хитер на выдумки, – прибавил Непоседа, – и он все сердце вложил в эту трубу, которая не раз грозила обвалиться. Но терпение и труд все перетрут, и теперь у него очень уютная хижина, хотя она и может когда-нибудь вспыхнуть, как куча сухих стружек.

– Ты, Непоседа, как видно, знаешь всю историю «замка», с его очагом и стенами, – сказал Зверобой улыбаясь. – Неужели любовь так сильна, что заставляет мужчину изучать даже историю жилища своей любезной?

– Отчасти так, парень, – смеясь, сказал добродушный великан, – но кое-что я видел собственными глазами. В то лето, когда старик начал строиться, здесь у нас на озере подобралась изрядная шайка, и все мы помогали ему в работе. Немало этих самых бревен я перетаскал на собственных плечах и могу заверить тебя, мастер Нэтти, что топоры только мелькали в воздухе, когда мы орудовали среди деревьев на берегу. Старый черт не скуп на угощение, а мы так часто ели у очага, что решили в благодарность построить ему удобный дом, прежде чем уйти в Олбани продавать добытые шкуры. Да, много всякой снеди уплел я в хижине Тома Хаттера, а Гетти хотя и глуповата, но удивительно ловко умеет обращаться со сковородкой и жаровней.

Беседуя таким образом, они подплыли к «замку» настолько близко, что достаточно было одного удара веслом, и челнок стал борт о борт с пристанью. Роль ее выполняла дощатая платформа перед входом, имевшая около двадцати футов в квадрате.

– Старый Том называет этот причал своей приемной, – заметил Непоседа, привязывая челнок, – а щеголи из форта окрестили ее замковым судилищем, хотя, право, не знаю, какое судилище может быть там, где нет никаких законов... Я полагаю, сейчас дома нет ни души. Вся семейка отправилась путешествовать по озеру.

Пока Непоседа топтался в «приемной», рассматривая остроги, удочки, сети и другие необходимые принадлежности пограничного жилья, Зверобой вошел в дом, озираясь с любопытством, которое не часто проявляют люди, издавна привыкшие жить среди индейцев. Внутренность «замка» отличалась безукоризненной опрятностью. Все жилое помещение, имевшее двадцать футов в ширину и сорок в длину, было разделено на несколько крохотных горниц для сна, а комната, в которую проник Зверобой, очевидно, служила для хозяев кухней. Обстановка была очень пестрая, как это часто встречается на далеких окраинах. Большая часть вещей отличалась грубой и крайне примитивной выделкой. Впрочем, здесь были также настенные часы в красивом футляре из черного дерева, два или три стула, обеденный стол и бюро с претензиями на не совсем обычную роскошь, очевидно попавшие сюда из какого-то другого жилища. Часы прилежно тикали, но их свинцовые стрелки упрямо показывали одиннадцать, хотя по солнцу было видно, что уже перевалило далеко за полдень. Стоял здесь также темный массивный сундук. Кухонная утварь была самая простая и скудная, но каждый предмет стоял на своем месте, и видно было, что его всегда содержат в чистоте и порядке.

Окинув беглым взглядом переднюю комнату, Зверобой приподнял деревянную щеколду и вошел в узенький коридорчик, разделявший внутреннюю часть дома на две равные половины. Пограничные обычаи не отличаются особой деликатностью, а так как любопытство молодого человека было сильно возбуждено, то он отворил дверь и проник в спальню.

С первого взгляда было ясно, что здесь живут женщины. На скамейке грубой работы, подымавшейся всего на фут от пола, была постелена пышно взбитая перина из пуха дикого гуся. Рядом с постелью на деревянных колышках висели платья, обшитые лентами и другими украшениями гораздо более высокого качества, чем можно было ожидать в подобном месте. На полу стояли изящные башмаки с красивыми серебряными пряжками, какие носили тогда женщины с достатком. Шесть полуоткрытых, ярко расцветченных вееров ласкали глаз своей причудливой раскраской. Подушка с одной стороны постели была покрыта более тонкой наволочкой, чем соседняя, и украшена мелкой гофрировкой. Над ней висели чепчик, кокетливо убранный лентами, и пара длинных перчаток, которыми в те времена редко пользовались женщины, принадлежавшие к трудовым классам населения. Перчатки эти были пришпилены к изголовью с очевидной целью выставить их напоказ хотя бы здесь, за невозможностью показать их на руках у владелицы.

Все это Зверобой рассмотрел и запомнил с такой тщательностью, которая сделала бы честь даже его друзьям – делаварам. Не преминул он также отметить разницу между противоположными сторонами постели, прислоненной изголовьем к стене. На другой стороне все было просто и прельщало глаз разве только что своей изысканной опрятностью. Немногочисленные

платья, также висевшие на деревянных гвоздях, были сшиты из более грубой ткани, отличались более простым покроем, и ничто в них, видимо, не было рассчитано на показ. Лент здесь не было и в помине; чепчика или косынки – тоже.

Уже несколько лет миновало с тех пор, как Зверобой в последний раз входил в комнату, где жили женщины его племени. Это зрелище воскресило в его уме целый рой детских воспоминаний, и он почувствовал сердечное умиление, от которого давно отвык. Он вспомнил свою мать, простые наряды которой тоже висели на деревянных колышках и были очень похожи на платья, очевидно принадлежавшие Гетти Хаттер. Вспомнил он и о своей сестре, которая тоже любила наряжаться, хотя и в меньшей степени, чем Юдифь Хаттер. Эти мелкие черты сходства заставили его расчувствоваться. С довольно грустной миной он покинул комнату и, о чем-то раздумывая, медленно побрел в «приемную».

– Старик Том занялся новым ремеслом и теперь делает опыты с капканами, – сказал Непоседа, хладнокровно рассматривая утварь пограничного жителя. – Если ты готов остаться в здешних местах, мы можем очень весело и приятно провести лето. Пока я со стариком буду выслеживать бобров, ты можешь ловить рыбу и стрелять дичь для улады души и тела. Даже самому захудалому охотнику мы даем половину пая; такой же ловкач, как ты, имеет право на целый пай.

– Спасибо, Непоседа, спасибо от всего сердца, но я и сам хочу при случае половить бобров. Правда, делавары прозвали меня Зверобоем, но не потому, что мне везет на охоте, а потому, что, убив такое множество оленей и ланей, я еще ни разу не лишил жизни своего ближнего. Они говорят, что в их преданиях не упоминается о человеке, который пролил бы так много звериной крови, не пролив ни капли людской.

– Надеюсь, они не считают тебя трусом, парень. Робкий мужчина – это все равно что бесхвостый бобр.

– Не думаю, Непоседа, чтобы они считали меня завзятым трусом, хотя, быть может, я не слышу у них и особенным храбрецом. Но я не сварлив. Когда живешь среди охотников и краснокожих, это лучший способ не испачкать свои руки в крови. Таким образом, Гарри Марч, и совесть остается чиста.

– Ну, а по мне, что зверь, что краснокожий, что француз – все одно. И все же я самый миролюбивый человек во всей Колонии. Я презираю драчунов, как дворовых шавок. Но не следует быть слишком разборчивым, когда приходит время спустить курок.

– А я считаю, что это можно сделать лишь в самом крайнем случае, Непоседа... Но какое здесь чудесное место! Мои глаза никогда не устанут любоваться им.

– Это твое первое знакомство с озером. В свое время такое же впечатление оно производило на всех нас. Однако все озера более или менее одинаковы: везде много воды, и земли, и мысов, и заливов.

Это суждение совсем не соответствовало чувствам, наполнявшим душу молодого охотника, и он ничего не ответил, продолжая глядеть в молчаливом восхищении на темные холмы и зеркальную воду.

– Скажи-ка, а что, губернаторские или королевские чиновники дали уже какое-нибудь название этому озеру? – спросил он вдруг, как бы пораженный какой-то новой мыслью. – Если они еще не начали ставить здесь свои шесты, глядеть на компас и чертить карты, то они, вероятно, и не придумали имени для этого места.

– До этого они еще не додумались. Когда я в последний раз ходил продавать пушнину, королевский землемер долго расспрашивал меня об этих краях. Он слышал, что тут есть озеро, и кое-что о нем знает – например, что здесь имеются вода и холмы. А в остальном он разбирается не лучше, чем ты в языке мохауков²⁹. Я приоткрыл капкан не шире, чем следовало,

²⁹ **Мохауки** – индейское племя, обитавшее по берегам Гудзона и его притока реки Мохаук. Они были главным племенем

намекнув ему, что здесь плоха надежда на очистку леса и заведение ферм. Короче говоря, я нагородил ему, что в здешней стране имеется ручеек грязной воды и к нему ведет тропинка, такая топкая, что, проходя по ней, можно глядеться в лужи, как в зеркало. Он сказал, что они еще не нанесли этого места на свои карты. Я же думаю, что тут вышла какая-то ошибка, так как он показал мне пергамент, на котором изображено озеро, – правда, там, где никакого озера нет, милях этак в пятидесяти от того места, где ему следует быть. Не думаю, чтобы после моего рассказа он смог внести какие-нибудь поправки.

Тут Непоседа расхохотался от всего сердца: проделки такого рода были совершенно во вкусе людей, страшившихся близости цивилизации, которая ограничивала их собственное беззаконное господство. Грубейшие ошибки, которыми изобиловали карты того времени, все без исключения изготовлявшиеся в Европе, служили постоянной мишенью для насмешек со стороны людей, которые хотя и не были настолько образованны, чтобы начертить новые карты, но все же имели достаточно сведений, почерпнутых на месте, чтобы обнаружить чужие промахи. Всякий, кто взял бы на себя труд сравнить эти красноречивые свидетельства топографического искусства прошлого века с более точными картами нашего времени, сразу же убедился бы, что жители лесов имели достаточно оснований относиться критически к этой отрасли знаний колониального правительства. Без всяких колебаний оно помещало реку или озеро на один-два градуса в стороне, даже если они находились на расстоянии дневного перехода от населенной части страны.

– Я рад, что у этого озера еще нет имени, – продолжал Зверобой, – по крайней мере, имени, данного бледнолицыми, потому что если они окрестят по-своему какую-нибудь местность, то это всегда предвещает опустошение и разорение. Однако краснокожие, несомненно, как-нибудь называют это озеро, да и охотники с трапперами тоже. Они любят давать местностям разумные и подходящие названия.

– Что касается индейских племен, то у каждого свой язык, и они всё называют по-своему. А мы прозвали это озеро Глимерглас – Мерцающее Зеркало, потому что на его поверхности чудесно отражаются прибрежные сосны и кажется, будто холмы висят в нем вершинами вниз.

– Здесь должен быть исток. Я знаю, все озера имеют истоки, и скала, у которой Чингачгук назначил мне свидание, стоит вблизи ручья. Скажи, а этому ручью в Колонии дали какое-нибудь название?

– В этом отношении у них преимущество перед нами, так как они держат в своих руках более широкий конец. Они и дали ему имя, которое поднялось к истоку; имена всегда поднимаются вверх по течению. Ты, Зверобой, конечно, видел реку Саскуиханну в стране делаваров?

– Видел и сотни раз охотился на ее берегах.

– Это та же самая река, и я предполагаю, что она так же и называется. Я рад, что они сохранили название, данное краснокожими: было бы слишком жестоко отнять у них разом и землю и название.

Зверобой ничего не ответил. Он стоял, опершись на карабин и любуясь восхищавшим его видом. Читатель не должен, однако, предполагать, что только внешняя живописность так сильно приковывала его внимание. Правда, место было прелестное, и теперь оно предстало перед взорами во всей своей красоте: поверхность озера, гладкая, как зеркало, и прозрачная, как чистейший воздух, отражала вдоль всего восточного берега горы, покрытые темными соснами; деревья почти горизонтально свисали над водой, образуя там и сям зеленые листовые арки, сквозь которые сверкала вода в заливах. Глубокий покой, пустынность, горы и леса, не тронутые рукой человека, – одним словом, царство природы – вот что прежде всего прельщало Зверобоя с его привычками и с его складом ума. Вместе с тем он, может быть, и бессознательно, переживал то же, что переживал бы на его месте поэт. Если юноша находил наслаждение в

изучении многообразных форм и тайн леса, впервые представших перед ним в таком обнаженном виде – ибо каждому из нас приятно бывает поглядеть с более широкой точки зрения на предмет, издавна занимавший его мысли, – то вместе с тем он чувствовал и внутреннюю прелесть этого ландшафта, испытывая то душевное умиление, которое обычно внушает пейзаж, глубоко проникнутый священным спокойствием природы.

Глава III

*...Но не пойти ль нам дичи пострелять?
Хоть мне и жаль беднякам глупым пестрым,
Природным гражданам сих мест пустынных,
Средь их владений – стрелами пронзать
Округлые бока.*

Шекспир. «Как вам это понравится»³⁰

Гарри Непоседа больше думал о прелестной Юдифи Хаттер, чем о красотах Мерцающего Зеркала и окружающего его ландшафта. Досыта наглядевшись на рыболовные снасти Плавающего Тома, он пригласил товарища сесть в челнок и отправиться на поиски отсутствующего семейства. Однако, прежде чем отплыть, он внимательно осмотрел все северное побережье озера в морскую подзорную трубу, принадлежавшую Хаттеру. Особенно тщательно он обследовал все заливы и мысы.

– Так я и думал, – сказал он, откладывая в сторону трубу, – старик отплыл по течению к югу, пользуясь хорошей погодой, и оставил свой «замок» на произвол судьбы. Что ж, теперь, когда известно, что его нет в верховьях, мы спустимся на веслах вниз по течению и без труда разыщем его потайное убежище.

– Неужели Хаттер считает нужным прятаться на этом озере? – спросил Зверобой, усаживаясь в челнок вслед за товарищем. – По-моему, здесь так безлюдно, что можно раскрыть всю душу, не опасаясь, что кто-нибудь потревожит тебя в твоих размышлениях.

– Ты забываешь своих друзей-мингов и всех французских дикарей. Есть ли на земле хоть одно местечко, Зверобой, куда бы не пробрались эти непоседливые плуты! Знаешь ли ты хоть одно озеро или хотя бы звериный водопой, которых бы не разыскали эти подлецы! А уж если они разыщут, то рано или поздно подкрасят воду кровью.

– Конечно, я ничего хорошего не слыхал о них, друг Непоседа, хотя до сих пор мне еще не приходилось встречаться с ними или с каким-нибудь другим смертным на военной тропе. Смеем сказать, что эти грабители вряд ли прозевают такое чудесное местечко. Сам-то я никогда не ссорился ни с одним из ирокезских племен, но делавары столько рассказывали мне о мингах, что я считаю их отъявленными злодеями.

– Ты можешь со спокойной совестью повторить то же самое о любом дикаре.

Тут Зверобой запротестовал, и, пока они плыли на веслах вниз по озеру, между ними завязался горячий спор о сравнительных достоинствах бледнолицых и краснокожих. Непоседа разделял все предрассудки и суеверия белых охотников, которые, как общее правило, видят в индейцах своих прирожденных соперников и нередко даже прирожденных врагов. Само собой разумеется, он шумел, кричал, обо всем судил наобум и не мог привести никаких серьезных доводов. Зверобой держал себя в этом споре совсем иначе. Сдержанностью речи, правильностью приговоров и простотой суждений он показал свое желание прислушиваться к доводам разума, врожденную жажду справедливости и прямодушие, отнюдь не склонное прибегать к словесным уловкам с целью отстоять свое мнение или защитить господствующий предрассудок. И все же он не был свободен от предрассудков. Эти тираны человеческого духа, которые тысячами путей набрасываются на свою жертву, оказали некоторое влияние на молодого чело-

³⁰ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

века. Тем не менее он представлял собой чудесный образчик того, чем могут сделать юношу врожденная доброта, отсутствие дурных примеров и соблазнов.

– Признайся, Зверобой, что каждый минг больше чем наполовину дьявол, – с азартом кричал Непоседа, – хотя тебе во что бы то ни стало хочется доказать, что племя делаваров сплошь состоит чуть ли не из одних ангелов! А я считаю, что этого нельзя сказать даже о белых людях. И белые не без греха, а уж индейцы и подавно. Стало быть, твоим доводам – грош цена. А по-нашему вот как: есть три цвета на земле – белый, черный, красный. Самый лучший цвет белый, и потому белый человек стоит выше всех; затем идет черный цвет, и черному человеку можно позволить жить по соседству с белыми людьми, – это вполне терпимо и даже полезно; красный цвет стоит на последнем месте, а это доказывает, что индеец – человек только наполовину.

– Бог создал всех одинаковыми, Непоседа.

– Одинаковыми! Значит, по-твоему, негр похож на белого, а я похож на индейца?

– Ты слишком горячишься и не слушаешь меня. Бог создал всех нас белыми, черными и красными, без сомнения имея в виду какую-нибудь мудрую цель. Но чувствами своими люди похожи друг на друга, хотя я и не отрицаю, что у каждой расы есть свои особые дарования. Белый человек цивилизован, а у краснокожего все его обычаи приспособлены к тому, чтобы жить в пустыне. Так, например, скальпировать мертвеца для белого – преступление, а для индейца – подвиг. И опять же: белый не может нападать из засады на женщин и детей во время войны, а краснокожий может. Допускаю, что это жестоко; но для них это законно, тогда как с нашей стороны было бы гнусностью.

– Зависит от того, с каким врагом мы имеем дело. Оскальпировать дикаря или даже содрать с него кожу – для меня то же самое, что отрезать уши у волка для получения премии или снять шкуру с медведя. И, стало быть, ты ошибаешься, защищая краснокожих, потому что даже в Колонии начальство выдает награду за эту работу. Там платят одинаково и за волчьи уши, и за кожу с человеческими волосами.

– И это очень скверно, Непоседа. Даже индейцы говорят, что это позор для белых. Я не стану спорить: действительно, некоторые индейские племена, например минги, по самой природе своей испорчены и порочны. Но таковы и некоторые белые, например канадские французы. Во время законной войны, вроде той, которую мы начали недавно, долг повелевает нам воздерживаться от всякого сострадания к живому врагу. Но скальпы – это совсем иное дело.

– Сделай милость, одумайся, Зверобой, и скажи: может ли Колония издать незаконный закон? Разве незаконный закон не более противоестественная вещь, чем скальпировка дикаря? Закон так же не может быть незаконным, как правда не может быть ложью.

– Звучит это как будто бы и разумно, а приводит нас к самым неразумным выводам, Непоседа. Не все законы издаются одной и той же властью. Есть законы, которые издаются в Колонии, и законы, установленные парламентом и королем. Когда колониальные законы и даже королевские законы идут против законов божеских, они незаконны, и им не следует повиноваться. Я считаю, что белый человек должен уважать белые законы, пока они не сталкиваются с другими, более высокими законами, а красный человек обязан исполнять свои индейские обычаи с такой же оговоркой. Впрочем, не стоит спорить, так как каждый вправе думать, что хочет, и говорить, что думает. Поищем лучше твоего приятеля, Плавучего Тома, иначе мы не увидим, где он спрятался в этих береговых зарослях.

Зверобой недаром назвал так побережье озера. Действительно, повсюду кусты свешивались над водой, причем их ветви то и дело купались в прозрачной стихии. Крутые берега окаймляла узкая полоса отмели. Так как растительность неизменно стремится к свету, то результат получился именно такой, о каком мог бы мечтать любитель живописных видов, если бы планировка этих пышных лесных зарослей зависела от него. Многочисленные мысы и заливы делали очертания берега извилистыми и причудливыми.

Приблизившись к западной стороне озера с намерением, как объяснил товарищу Непоседа, сперва произвести разведку, а потом уже появиться в виду у неприятеля, оба искателя приключений напрягли все свое внимание, ибо нельзя было заранее предугадать, что их ждет за ближайшим поворотом. Подвигались они вперед очень быстро, так как исполинская сила Непоседы позволяла ему играть легкой лодкой, как перышком, а искусство его товарища почти уравнивало их столь неодинаковые природные данные.

Каждый раз, когда челнок огибал какой-нибудь мыс, Непоседа оглядывался в надежде увидеть ковчег, стоящий на якоре или пришвартованный в заливе. Но надежды его не сбывались. Они проплыли уже милю к южному берегу озера, оставив позади себя «замок», скрывавшийся теперь за шестью мысами. Вдруг Непоседа перестал грести, как бы не зная, какого направления следует придерживаться.

– Весьма возможно, что старик забрался в реку, – сказал он, внимательно осмотрев весь восточный берег, находившийся от них на расстоянии приблизительно одной мили и доступный для обозрения по крайней мере на половину всего своего протяжения. – Последнее время он много охотился и теперь мог воспользоваться течением, чтобы спуститься вниз по реке на милю или около того, хотя ему трудновато будет выбраться обратно.

– Но где же его искать? – спросил Зверобой. – Ни на берегу, ни между деревьями не видно прохода, через который может протекать такая река, как Саскуиханна.

– Ах, Зверобой, реки подобны людям: сначала они бывают совсем маленькими, а под конец у них вырастают широкие плечи и большой рот. Ты не видишь истока потому, что он проходит между высокими берегами, а сосны и кустарники свисают над ними, как кровля над домом. Если старого Тома нет в Крысиной заводи, то, стало быть, он забрался в реку. Поищем-ка его сперва в заводи.

Когда они снова взялись за весла, Непоседа объяснил, что по соседству имеется мелкая заводь, образованная длинной низкой косой и получившая название Крысиной, потому что там любимое место пребывания водяных крыс. Заводь эта – надежное убежище для ковчега; Хаттер любит останавливаться там при каждом удобном случае.

– Так как в здешних краях, – продолжал Непоседа, – человек иногда не знает, кем могут оказаться его гости, то весьма желательно получше рассмотреть их, прежде чем они успеют подойти ближе. Эта предосторожность особенно уместна теперь, когда у нас война, так как канадец или минг могут забраться в хижину, не ожидая приглашения. Но Хаттер – прекрасный часовой и чует опасность почти так же, как собака дичь.

– Видя, как открыто стоит его «замок», я думал, что он совершенно не боится врагов, которые могут случайно забрести на озеро. Впрочем, это вряд ли когда-нибудь случится: ведь озеро расположено далеко в стороне от дороги, ведущей к форту и поселению.

– Ах, Зверобой, я убедился, что человек находит врагов гораздо легче, чем друзей. Прямо жутко становится, когда вспомнишь, сколько бывает поводов нажать себе врага и как редко удается приобрести друга. Одни берутся за томагавк³¹ потому, что ты не разделяешь их мыслей; другие – потому, что ты превосходишь их мысли. А я когда-то знал бродягу, который поссорился со своим ближайшим приятелем потому, что тот не считал его красавцем. Ты, Зверобой, тоже не являешься образцом красоты, и, однако, с твоей стороны было бы очень неразумно сделаться моим врагом только за то, что я тебе это говорю.

– Я не желаю быть ни лучше, ни хуже. Особой красоты во мне, быть может, и нет. По крайней мере, той красоты, о которой мечтают люди легкомысленные и тщеславные. Но надеюсь, что и я не совсем лишен привлекательности благодаря хорошему поведению. Мало найдется мужчин более видных, чем ты, Непоседа, и я понимаю, что вряд ли кто-нибудь обратит на меня внимание там, где можно полюбоваться тобой. Но я не знаю, следует ли считать, что

³¹ **Томагавк** – боевой топор, оружие индейцев.

охотник не так ловко обращается с ружьем или добывает меньше дичи только потому, что он не останавливается у каждого родника, попадающегося на пути, чтобы полюбоваться на собственную физиономию в воде.

Тут Непоседа громко расхохотался. Слишком беззаботный, чтобы предаваться размышлениям о своем явном физическом превосходстве, Непоседа отлично сознавал его и думал о нем не без удовольствия, если такая мысль невзначай приходила ему в голову.

– Нет, нет, Зверобой, ты не красавец и сам можешь в этом убедиться, если поглядишь за борт челнока! – воскликнул он. – Джуди скажет тебе прямо в лицо, только задень ее. Такого бойкого языка не отыскать ни у одной девушки в наших поселениях и даже за их пределами. Поэтому мой тебе совет: никогда не дразни Юдифь! А Гетти можешь говорить что угодно, и она все выслушает кротко, как овечка. Нет уж, пусть лучше Джуди не высказывает тебе своего мнения о твоей наружности.

– Вряд ли, Непоседа, она может что-нибудь прибавить к твоим словам.

– Надеюсь, Зверобой, ты не обидишься на мое замечание: ведь я ничего дурного не имел в виду. Ты и сам знаешь, что не блещешь красотой. Почему бы приятелям не поболтать друг с другом о таких пустяках? Будь ты красавцем, я бы первый сказал тебе об этом, к полному твоему удовольствию. А если бы Джуди сказала мне, что я безобразен, как смертный грех, я бы счел это за кокетство и не подумал бы поверить ей.

– Баловням природы легко шутить над такими вещами, Непоседа, хотя, быть может, для других это тяжело. Не отрицаю, мне иногда хочется быть покруче. Да, хочется, но я всегда успеваю подавить в себе это чувство, вспомнив, как много есть людей с красивой внешностью, которым, однако, нечем похвастать внутри. Не отрицаю, Непоседа, мне часто хотелось иметь более приятную внешность и походить на таких, как ты. Но я подавлял в себе это чувство, вспоминая, насколько я лучше многих. Ведь я мог бы уродиться хромым и неспособным охотиться даже на белок, или слепым, что сделало бы меня бременем для меня самого и для моих друзей, или глухим, то есть непригодным для войны и разведок, что я считаю обязанностью мужчины в тревожные времена. Да, да, признаюсь, не совсем приятно видеть, что другие круче тебя, что их лучше принимают и больше ценят. Но все это можно вынести, если человек смотрит своей беде прямо в лицо и знает, какие у него способности и обязанности.

Непоседа, в общем, был очень добродушный малый, и самоуничижение товарища совершенно вытеснило из его души чувство личного тщеславия. Он пожалел о своих неосторожных намеках на внешность Зверобоя и поспешил объявить об этом с той неуклюжестью, которая отличает все повадки пограничных жителей.

– Я ничего дурного не хотел сказать, Зверобой, – молвил он просительным тоном, – и надеюсь, что ты забудешь мои слова. Если ты и не совсем красив, то все же у тебя такой вид, который говорит яснее ясного, что внутри все в порядке. Не скажу, что Джуди будет от тебя в большом восторге, так как это может породить в твоей душе надежды, которые кончатся разочарованием. Но ведь еще есть Гетти, которая с удовольствием будет смотреть на тебя, как на всякого другого мужчину. Ты вдобавок такой степенный, положительный, что вряд ли станешь заботиться о мнении Юдифи. Хотя это очень хорошенькая девушка, но так непостоянна, что мужчине нечего радоваться, если она случайно ему улыбнется. Иногда мне кажется, что плутовка больше всего на свете любит себя.

– Если это так, Непоседа, то, боюсь, она ничем не лучше королей, сидящих на тронах, и знатных дам в больших городах, – ответил Зверобой, улыбаясь и оборачиваясь к товарищу, причем всякие следы недовольства исчезли с его честной, открытой физиономии. – Я не знаю ни одного делавара, о котором ты мог бы сказать то же самое... Но вот конец той длинной косы, о которой ты рассказывал, и Крысиная заводь должна быть недалеко.

Эта коса не уходила вглубь, как другие, а тянулась параллельно берегу озера, образуя глубокую и уединенную заводь. Непоседа был уверен, что найдет здесь ковчег, который, став

на якорь за деревьями, покрывавшими узкую косу, мог бы остаться незаметным для враждебного глаза в течение целого лета. В самом деле, место это было укрыто очень надежно. Судно, причаленное к берегу позади косы в глубине заводи, можно было увидеть только с одной стороны, а именно с берега, густо поросшего лесом, куда чужаки вряд ли могли забраться.

– Мы скоро увидим ковчег, – сказал Непоседа, в то время как челнок скользил вокруг дальней оконечности косы, где вода была так глубока, что казалась совсем черной. – Старый Том любит забираться в тростники, и через пять минут мы очутимся в его гнезде, хотя сам старик, быть может, бродит среди своих капканов.

Марч оказался плохим пророком. Челнок обогнул косу, и взорам обоих спутников открылась вся заводь. Однако они ничего не заметили. Безмятежная водная гладь изгибалась изящной волнистой линией, тростники тихо склонялись над ее поверхностью, и, как всегда, свисали над ней деревья. Умиротворяющее и величественное спокойствие пустыни господствовало над всем. Любой поэт или художник пришел бы в восторг от этого пейзажа, но на Гарри Непоседу, который сгорал от нетерпения поскорее встретить свою легкомысленную красавицу, этот вид не произвел никакого впечатления.

Челнок двигался бесшумно, так как пограничные жители привыкли к осторожности в каждом своем движении. На поверхности зеркальной воды суденышко казалось как бы плывущим в воздухе. В этот миг на узкой полосе земли, которая отделяла бухту от озера, хрустнула сухая ветка. Оба искателя приключений встрепнулись. Каждый потянулся к своему ружью, которое всегда лежало под рукой.

– Для какой-нибудь зверушки это слишком тяжелая по ступь, – прошептал Непоседа, – и больше похожа на шаг человека.

– Не совсем так, не совсем так! – возразил Зверобой. – Это слишком тяжело для животного, но слишком легко для человека. Опусти весло в воду и подгони челнок к берегу. Я сойду на землю и отрежу этой твари путь отступления обратно по косе, будь то минг или выхухоль.

Непоседа повиновался, и Зверобой вскоре высадился на берег. Обутый в мокасины, он бесшумно пробирался по зарослям. Минуту спустя он уже был на самой середине узкой косы и медленно подвигался к ее оконечности; в такой чаще приходилось соблюдать величайшую осторожность. Когда Зверобой забрался в самую глубь зарослей, сухие ветви затрещали снова, и этот звук стал повторяться через короткие промежутки, как будто какое-то живое существо медленно шло вдоль по косе. Услышав треск ветвей, Непоседа отвел челнок на середину бухты и схватил карабин, ожидая, что будет дальше. Последовала минута тревожного ожидания, а затем из чащи вышел благородный олень, величественной поступью приблизился к песчаному мысу и стал пить воду.

Один миг Непоседа колебался. Затем быстро поднял карабин к плечу, прицелился и выстрелил. Эффект, произведенный этим внезапным нарушением торжественной тишины в таком месте, оказался одной из его наиболее поразительных особенностей. Самый выстрел прозвучал, как всегда, коротко и отрывисто. Затем на несколько мгновений наступила тишина, пока звук, летевший по воздуху над водой, не достиг утесов на противоположном берегу. Здесь колебания воздушных волн умножились и прокатились от одной впадины к другой на целые мили вдоль холмов, как бы пробуждая спящие в лесах громы.

Олень только мотнул головой при звуке выстрела и свисте пули, так как до сих пор еще никогда не встречался с человеком. Но эхо холмов пробудило его недоверие. Прыгнув вперед, с ногами, поджатыми к телу, он тотчас же погрузился в воду и поплыл к дальнему концу озера. Непоседа вскрикнул и пустился в погоню; в течение двух или трех минут вода пенилась вокруг преследователя и его жертвы. Непоседа уже поравнялся с оконечностью косы, когда Зверобой показался на песке и знаком предложил товарищу вернуться.

– Очень неосторожно с твоей стороны было спустить курок, не осмотрев берега и не убедившись, что там не прячется враг, – сказал Зверобой, когда его товарищ медленно и неохотно

повиновался. – Этому я научился от делаваров, слушая их уроки и предания, хотя сам еще никогда не бывал на тропе войны. Кроме того, теперь неподходящее время года, чтобы убивать оленей, и мы не нуждаемся в пище. Знаю, меня называют Зверобоем, и, быть может, я заслужил эту кличку, так как понимаю звериный нрав и целюсь метко. Но пока мне не понадобится мясо или шкура, я зря не убью животное. Я могу убивать, это верно, но я не мясник.

– Как мог я промазать в этого оленя! – воскликнул Непоседа, срывая с себя шапку и перебирая пальцами красивые, но взъерошенные волосы, как будто с целью освободить этим способом свои запутавшиеся мысли. – С тех пор как мне стукнуло пятнадцать лет, я ни разу не был так неловок.

– Не жалуйся на это. Смерть животного не только не принесла бы никакой пользы, но могла бы и повредить нам. Эхо пугает меня больше, чем твой промах, Непоседа. Оно звучит как голос природы, упрекая нас за бесцельный и необдуманный поступок.

– Ты много раз услышишь этот голос, если подольше поживешь в здешних местах, парень, – смеясь, возрадил Непоседа. – Эхо повторяет почти все, что говорится и делается на Мерцающем Зеркале при такой тихой летней погоде. Упадет весло, и стук от его падения ты услышишь вновь и вновь, как будто холмы издеваются над твоей неловкостью. Смех или свист доносятся со стороны сосен, словно они весело беседуют, так что ты и впрямь можешь подумать, будто они захотели о чем-нибудь поболтать с тобой.

– Тем больше у нас причин быть осторожными и молчаливыми. Вряд ли враги уже отыскали дорогу к этим холмам, так как, право, не знаю, что они могут этим выиграть. Но делавары всегда говорили мне, что если мужество – первая добродетель воина, то его вторая добродетель – осторожность. Твой крик в горах может открыть целому племени тайну нашего пребывания.

– Зато он заставит старого Тома поставить горшок на огонь и даст ему знать, что гость близко. Иди сюда, парень, садись в челнок, и постараемся найти ковчег, покуда еще светло.

Зверобой повиновался, и челнок поплыл в юго-западную сторону. До берега было не больше мили, а челнок плыл очень быстро, подгоняемый искусными и легкими ударами весел. Спутники уже проплыли половину пути, когда слабый шум заставил их оглянуться назад: на их глазах олень вынырнул из воды и пошел вброд к суше. Минуту спустя благородное животное отряхнуло воду со своих боков, поглядело кверху на древесные заросли и, выскочив на берег, исчезло в лесу.

– Эта тварь уходит с чувством благодарности в сердце, – сказал Зверобой, – так как природа подсказывает ей, что она избежала большой опасности. Тебе тоже следовало бы испытывать подобное чувство, Непоседа, сознавая, что глаза и руки изменили тебе; твой безрассудный выстрел не принес бы нам никакой пользы.

– Глаз и рука мне вовсе не изменили! – с досадой крикнул Марч. – Ты нажил кое-какую славу среди делаваров своим проворством и меткостью на охоте. Но хотелось бы мне поглядеть, как ты будешь стоять за одной из этих сосен, а размаляванный минг – за другой, оба с взведенными курками, подстерегая удобный момент для выстрела. Только при таких обстоятельствах, Натаниэль, можно испытать глаза и руку, потому что это действует на нервы. Убийство животного я никогда не считал подвигом. Но убийство дикаря – подвиг. Скоро настанет время, когда тебе придется испытать свою руку, потому что дело опять дошло до драки. Вот тогда мы и узнаем, чего стоит на поле сражения охотничья слава. Я не считаю, что глаз или рука изменили мне. Во всем виноват олень, который остался стоять на месте, тогда как ему следовало идти вперед, и потому моя пуля пролетела перед ним.

– Будь по-твоему, Непоседа. Я только утверждаю, что это наше счастье. Смею сказать, что я не могу выстрелить в ближнего с таким же легким сердцем, как в зверя.

– Кто говорит о ближних или хотя бы просто о людях! Ведь тебе придется иметь дело с индейцами. Конечно, у всякого человека могут быть свои суждения, когда речь идет о жизни

и смерти другого существа, но такая щепетильность неуместна по отношению к индейцу; весь вопрос в том, он ли дерет с тебя шкуру или ты с него.

– Я считаю краснокожих такими же людьми, как мы с тобой, Непоседа. У них свои природные наклонности и своя религия, но в конце концов это не составляет большой разницы, и каждого надо судить по его делам, а не по цвету его кожи.

– Все это чепуха, которую никто не станет слушать в этих краях, где еще не успели поселиться моравские братья. Кожа делает человека человеком. Это правильно. Иначе каким образом люди могли бы судить друг о друге? Все живые существа облечены в кожу для того, чтобы, поглядев внимательно на зверя или на человека, можно было бы сразу понять, с кем имеешь дело. По шкуре ты всегда отличишь медведя от кабана и серую белку от черной.

– Правда, Непоседа, – сказал товарищ, оглядываясь и улыбаясь, – и, однако, обе они белки.

– Этого никто не отрицает. Но ты же не скажешь, что краснокожий и белый – оба индейцы.

– Нет, но я скажу, что оба они люди. Люди отличаются друг от друга породой, имеют различные навыки и обычаи, но, в общем, натура у них одинаковая. У каждого есть душа.

Непоседа принадлежал к числу тех «теоретиков», которые считают все человеческие расы гораздо ниже белой. Его понятия на этот счет были не слишком ясны и определения не слишком точны. Тем не менее он выражал свои взгляды очень решительно и страстно. Совесть обвиняла его за множество незаконных поступков по отношению к индейцам, и он изобрел чрезвычайно легкий способ успокаивать ее, мысленно лишив всю семью краснокожих человеческих прав. Больше всего он злился, когда кто-нибудь подвергал сомнению правильность этого взгляда, приводя к тому же вполне разумные доводы. Поэтому он слушал замечания товарища, не думая даже обуздать свои чувства и способы их выражения.

– Ты просто мальчик, Зверобой, мальчик, сбитый с толку и одураченный уловками делаваров! – воскликнул он со своим обычным пренебрежением к внешней форме речи, что случалось с ним всегда, когда он был возбужден. – Ты можешь считать себя братом краснокожих, но я считаю их просто животными, в которых нет ничего человеческого, кроме хитрости. Хитрость у них есть, это я признаю. Но есть она и у лисы и даже у медведя. Я старше тебя, я дольше жил в лесах, и мне нечего объяснять, что такое индеец. Если ты хочешь, чтобы тебя считали дикарем, ты только скажи. Я сообщу об этом Юдифи и старику, и тогда посмотрим, как они тебя примут.

Тут живое воображение Непоседы оказало ему некоторую услугу и охладило его гнев. Вообразив, как его земноводный приятель встретит гостя, представленного ему с такой рекомендацией, Непоседа разразился веселым смехом.

Зверобой слишком хорошо знал, что всякие попытки убедить такого человека в чем-либо, противоречащем его предрассудкам, будут бесполезны, и потому не испытывал никакого желания взяться за подобную задачу. Когда челнок приблизился к юго-восточному берегу озера, мысли их приняли новый оборот, о чем Зверобой нисколько не жалел. Теперь уже было недалеко до того места, где, по словам Марча, из озера вытекала река. Оба спутника озирались с любопытством, которое еще усиливалось надеждой отыскать ковчег.

Читателю может показаться странным, что люди, находившиеся всего в двухстах ярдах от того места, где между берегами высотой в двадцать футов проходило довольно широкое русло, могли его не заметить. Не следует, однако, забывать, что здесь повсюду над водой свисали деревья и кустарники, окружая озеро бахромой, которая скрывала все его мелкие извилины.

– Уже два года подряд я не закахивал в этот конец озера, – сказал Непоседа, поднимаясь в челноке во весь рост, чтобы удобнее было смотреть по сторонам. – Ага, вот и скала задирает свой подбородок над водой, а я знаю, что река начинается где-то по соседству.

Двое мужчин снова взялись за весла. Они находились уже в нескольких ярдах от скалы. Она была невелика, не более пяти или шести футов в высоту, причем только половина ее поднималась над озером. Непрестанное действие воды в течение веков так закруглило ее вершину, что скала своей необычайно правильной и ровной формой напоминала большой пчелиный улей. Челнок медленно проплыл мимо, и Непоседа сказал, что индейцы хорошо знают эту скалу и обычно назначают поблизости от нее место встречи, когда им приходится расходиться в разные стороны во время охоты или войны.

– А вот и река, Зверобой, – продолжал он, – хотя она так скрыта деревьями и кустами, что больше похожа на потаенную засаду, чем на исток такого озера, как Мерцающее Зеркало.

Непоседа недурно определил характер этого места, которое действительно напоминало ручей, спрятавшийся в засаде. Высокие берега поднимались не менее как на сто футов каждый. Но с западной стороны выдавался небольшой клочок низменности, до половины суживая русло реки. Над водой свисали кусты, сосны, словно церковные колонны, тянулись к свету своими перепутанными ветвями, и глазу даже на близком расстоянии трудно было разыскать ложбину, по которой протекала река. С поросшего лесом крутого берега тоже нельзя было обнаружить никаких признаков истока. Все, вместе взятое, казалось одним сплошным листовым ковром.

Челнок, подгоняемый течением, приблизился к берегу и поплыл под древесным сводом; солнечный свет с трудом пробивался сквозь редкие просветы, слабо озаря царившую внизу темноту.

– Самая настоящая засада, – прошептал Непоседа, как бы чувствуя, что в подобном месте надо быть скрытным и осторожным. – Поэтому старый Том и спрятался где-то здесь со своим ковчегом. Мы немного спустимся вниз по течению и, наверное, отыщем его.

– Но здесь негде укрыться судну таких размеров, – возразил Зверобой. – Мне кажется, что здесь с трудом пройдет и челнок.

Непоседа рассмеялся в ответ на эти слова, и, как вскоре выяснилось, с полным основанием. Едва только спутники миновали бахромку из кустарников, покрывавшую берега, как очутились в узком, но глубоком протоке. Прозрачные воды стремительно неслись под листовым балдахином, который поддерживали своды, состоявшие из стволов старых деревьев. Поросшие кустами берега образовали свободный проход футов двадцати в ширину, а впереди открывалась далекая перспектива.

Наши искатели приключений пользовались теперь веслами лишь для того, чтобы удерживать легкое суденышко на середине реки. Пристально разглядывали они каждую извилину берега, но поворот следовал за поворотом, а челнок плыл все дальше и дальше вниз по течению. Вдруг Непоседа, не говоря ни слова, ухватился за куст, и лодка замерла на месте. Очевидно, повод для того был достаточно серьезный. Зверобой невольно положил руку на приклад карабина. Он не испугался – в этом просто сказалась охотничья привычка.

– А вот и старый дружище, – прошептал Непоседа, указывая куда-то пальцем и смеясь от всего сердца, хотя совершенно беззвучно. – Как я и думал, он бродит по колону в тине и воде, осматривая свои капканы и приманки. Но, убей меня бог, я нигде не вижу ковчега, хотя готов прозакладывать каждую шкуру, которую добуду этим летом, что Джуди не решится ступать своими хорошенькими маленькими ножками по такой черной грязи! Вероятно, девчонка расчесывает волосы на берегу какого-нибудь родника, где может любоваться своей красотой и накапливать презрение к нашему брату, мужчине.

– Ты несправедливо судишь о молодых женщинах. Да, Непоседа, ты преувеличиваешь их недостатки и совершенства. Я смею сказать, что Юдифь, по всей вероятности, не так уж

восхищается собой и не так презирает нас, как ты, по-видимому, думаешь. Она, вероятно, трудится для своего отца в доме, в то время как он работает для нее у капканов.

– Как приятно услышать правду из уст мужчины хоть один раз в девичьей жизни! – произнес приятный, низкий и мягкий женский голос так близко от челнока, что оба спутника невольно вздрогнули. – А что касается вас, мастер Непоседа, то каждое справедливое слово вам дается так трудно, что я давно уже не жду услышать его из ваших уст. Последнее такое слово, которое вы произнесли, застряло у вас в горле и едва вас не задушило. Но я радуюсь, видя вас в лучшем обществе, чем прежде, и узнав, что люди, которые умеют уважать женщин и обращаться с ними, не стыдятся путешествовать вместе с вами.

После этих слов необычайно красивое и юное женское лицо выглянуло в просвет между листьями так близко, что Зверобой мог бы дотянуться до него своим веслом. Владелица этого личика милостиво улыбнулась молодому человеку, а сердитый взгляд, впрочем, притворный и насмешливый, который она бросила на Непоседу, делал красоту ее еще более поразительной, показывая все разнообразие игры ее переменчивой и капризной физиономии.

Только взглядевшись пристальнее, путники поняли, как смогла девушка появиться так внезапно. Незаметно для себя они очутились борт о борт с ковчегом, который был скрыт кустами, срезанными и согнутыми нарочно для этой цели, и Юдифи Хаттер нужно было только раздвинуть листья, заслонявшие оконце, чтобы выглянуть наружу и заговорить.

Глава IV

*Боязливую лань не страшит испуг,
Если в хижину я вхожу,
И майской фиалке я лучший друг,
И тихий ручей лепечет вокруг,
Когда ее сон сторожу.*

*Брайент*³²

Ковчег, как все называли плавучее жилище Хаттеров, был устроен очень просто. Широкая плоскодонная баржа составляла нижнюю часть этого судна; в центре, занимая всю ширину и около двух третей длины, стояла низкая постройка, напоминавшая замок, но сколоченная из таких тонких досок, что они едва ли могли служить защитой от пуль. Борта баржи были немного выше, чем обычно на такого рода судах. Каюта поднималась в высоту лишь настолько, чтобы внутри можно было стоять, выпрямившись во весь рост. Все сооружение в целом выглядело не слишком неуклюже. Короче говоря, ковчег немногим отличался от современных плоскодонных барок, плавающих по каналам, хотя был построен грубее, отличался большей шириной, а покрытые корой бревенчатые стены и кровля свидетельствовали о полудиком образе жизни его обитателей. И, однако, немало искусства понадобилось, чтобы построить это судно, довольно легкое и достаточно поворотливое при его вместимости. Каюта была перегороджена пополам. Одна половина служила столовой и спальней для отца, в другой жили дочери. Неприхотливая утварь стояла на кухне, которая помещалась на корме прямо под открытым небом; надо напомнить, что ковчег служил исключительно летним жилищем.

Легко понять, почему Непоседа назвал это место засадой. Почти везде с крутых берегов свисали над рекой кусты и низкорослые деревья, купая свои ветви в глубоких омуты. В одном из таких мест Хаттер и поставил на якорь свой ковчег. Это ему удалось без особого труда. Когда судно очутилось под прикрытием деревьев и кустов, достаточно было привязать несколько камней к концам ветвей, чтобы заставить их погрузиться глубоко в реку. Несколько срезанных и искусно расположенных кустов довершили остальное. Как уже видел читатель, маскировка была сделана настолько ловко, что ввела в обман даже двух наблюдателей, пришедших к жизни в лесах и как раз в это время искавших спрятанное судно.

Находка ковчега произвела неодинаковое впечатление на наших спутников. Лишь только челнок причалил к просвету между ветвями, служившему входом, Непоседа перескочил через борт и минуту спустя весело, но несколько язвительно беседовал с Юдифью, видимо, забыв обо всем на свете. Совсем иначе держал себя Зверобой. Он вошел в ковчег медленной и осторожной поступью, внимательно и с любопытством рассматривая его устройство и маскировку. Правда, он бросил на Юдифь восхищенный взгляд, вызванный ее ослепительной и своеобразной красотой, но даже эта красота ни на секунду не ослабила его интереса к жилищу Хаттеров. Шаг за шагом обследовал он это оригинальное сооружение, ощупывая скрепы и соединения, знакомясь со средствами обороны и вообще не пропустив ни одной мелочи, которая могла быть интересна для человека, постоянно имеющего дело с подобными предметами. Не оставил он без внимания и маскировку. Он изучил ее подробно и время от времени бормотал под нос свои замечания. Так как пограничные обычаи очень просты и допускают большую свободу,

³² Перевод Л. Рубинштейна.

он осмотрел каюты и, открыв дверь, прошел на другой конец баржи. Здесь он застал вторую сестру, сидевшую под лиственным навесом и занятую каким-то незатейливым рукоделем.

Окончив осмотр, Зверобой опустил на пол приклад своего карабина и, опершись обеими руками на дуло, стал смотреть на девушку с таким интересом, какого не могла пробудить даже необычайная красота ее сестры. Он заключил из слов Непоседы, что у Гетти разума меньше, чем обычно приходится на долю человеческого существа, а воспитание среди индейцев научило его особенно мягко обращаться с теми, на ком тяготела рука судьбы. К тому же во внешности Гетти Хаттер не было ничего, могущего ослабить интерес, внушаемый ее положением. Ее отнюдь нельзя было назвать умалишенной в полном смысле этого слова. Разум ее был слаб лишь в том отношении, что потерял свойственные большинству нормальных людей хитрость и притворство, но сохранил простодушие и любовь к правде. Те немногие наблюдатели, которые имели случай видеть эту девушку и могли судить о такого рода вещах, часто замечали, что ее понятия о справедливости были почти инстинктивны, а отвращение ко всему дурному составляло отличительную черту ее характера, как бы окружая ее атмосферой чистейшей нравственности. Особенность эта нередко встречается у людей, которые слывут слабоумными.

Наружность у Гетти была приятная: она казалась смягченной и более скромной копией своей сестры. Внешнего блеска, свойственного Юдифи, у нее не было, зато спокойное, тихое, невинное выражение ее кроткого лица подкупало каждого наблюдателя; и лишь очень немногие, поглядев на эту девушку, не проникались к ней глубоким сочувствием. Лицо Гетти было лишено живых красок; бесхитростное воображение не порождало у нее в мозгу мыслей, от которых могли бы зарумяниться ее щеки: добродетель была настолько присуща ей, что, казалось, превратила кроткую девушку в существо, стоявшее выше обычных человеческих слабостей. Природа и образ жизни сделали Гетти простодушным, наивным, бесхитростным созданием, а провидение защитило ее от порока ореолом нравственного света.

– Вы Гетти Хаттер? – сказал Зверобой, как бы бессознательно обращаясь с этим вопросом к самому себе. Он говорил таким ласковым тоном, что, несомненно, должен был завоевать доверие девушки. – Гарри Непоседа рассказывал мне о вас, и я знаю, что вы совсем дитя.

– Да, я Гетти Хаттер, – ответила девушка низким приятным голосом. – Я – Гетти, сестра Юдифи Хаттер и младшая дочь Томаса Хаттера.

– В таком случае я знаю вашу историю, так как Гарри Непоседа много говорил о вас. Вы большей частью живете на озере, Гетти?

– Конечно. Мать умерла, отец ушел к своим ловушкам, а Юдифь и я сидим дома. Как ваше имя?

– Легче задать этот вопрос, чем ответить на него. Я еще так молод, а носил больше имен, чем некоторые величайшие вожди в Америке.

– Но ведь вы не бросаете одного имени, прежде чем честно заслужите другое?

– Надеюсь, что нет, девушка. Мои прозвища я получил по совершенно естественным поводам и думаю, что то, которое я ношу нынче, удержится недолго, так как делавары редко дают человеку постоянную кличку, прежде чем представится случай показать себя в совете или на тропе войны. Мой черед еще не настал. Во-первых, я не родился краснокожим и не имею права участвовать в их советах и в то же время слишком ничтожен, чтобы моего мнения спрашивали знатные люди моего собственного цвета кожи. Во-вторых, война еще только началась – первая за всю мою жизнь, и до сих пор еще ни один враг не проникал настолько далеко в Колонию, чтобы его могла достать рука даже подлиннее моей.

– Назовите мне ваши имена, – продолжала Гетти, простодушно глядя на него, – и, быть может, я скажу вам, что вы за человек.

– Не отрицаю, это возможно, хотя и не всегда удается. Люди часто заблуждаются, когда судят о своих ближних, и дают им имена, которых те ничуть не заслуживают. Вы можете убедиться в этом, если вспомните имена мингов, которые на их языке означают то же самое, что

делаварские имена, – по крайней мере, так мне говорили, потому что сам я мало знаю об этом племени, – но, судя по слухам, никто не может назвать мингов честными, справедливыми людьми. Поэтому я не придаю большого значения именам.

– Скажите мне все ваши имена, – серьезно повторила девушка, ибо ум ее был слишком прост, чтобы отделять вещи от их названий, и именам она придавала большое значение. – Я хочу знать, что следует о вас думать.

– Ладно, не возражаю. Вы узнаете все мои имена. Прежде всего я христианин и прирожденный белый, подобно вам, и родители дали мне имя, которое переходит от отца к сыну, как часть наследства. Отца моего звали Бампо, и меня, разумеется, называли так, а при крещении дали имя Натаниэль, или Нэтти, как чаще всего называют меня...

– Да, да, Нэтти и Гетти! – быстро прервала его девушка и, снова улыбнувшись, подняла глаза над рукодельем. – Вы Нэтти, а я Гетти, хотя вы Бампо, а я Хаттер. Бампо звучит не так красиво, как Хаттер, не правда ли?

– Ну, это дело вкуса. Я согласен, что Бампо звучит не очень величественно, и все же многие люди прожили свою жизнь с этим именем. Я, однако, носил его не очень долго; делавары скоро заметили, или, быть может, им только показалось, что я не умею лгать, и они прозвали меня для начала Прямой Язык...

– Это хорошее имя, – прервала его Гетти серьезно и степенно. – А вы мне говорите, что имена ничего не значат!

– Этого я не говорю, так как, пожалуй, заслужил это прозвище, и ложь не так хорошо удается мне, как некоторым другим. Но немного спустя делавары увидели, что я скор на ноги, и прозвали меня Голубь, потому что, как вы знаете, у голубя быстрые крылья и летает он всегда по прямой линии.

– Какое красивое имя! – воскликнула Гетти. – Голуби – милые птички.

– Большинство существ, созданных богом, хороши по-своему, добрая девушка, хотя люди часто уродуют их и заставляют изменять свою природу и внешность. После того как я некоторое время служил гонцом, меня начали брать на охоту, решив, что я проворнее и скорее нахожу дичь, чем большинство мальчиков. Тут прозвали меня Вислоухим, потому что, как они говорили, у меня собачье чутье.

– Это не так красиво, – ответила Гетти. – Надеюсь, вы недолго носили это имя?

– Только до тех пор, пока не разбогател настолько, чтобы купить карабин, – возразил собеседник с некоторой гордостью, которая вдруг проглянула сквозь его обычно спокойные и сдержанные манеры. – Тогда увидели, что я могу содержать вигвам, промысляя дичь. Вскоре я получил имя Зверобой, которое и ношу до сих пор, хотя некоторые и считают, что гораздо доблестнее добыть скальп ближнего, чем рога оленя.

– Ну, Зверобой, я не из их числа, – ответила Гетти просто. – Юдифь любит солдат, и красные мундиры, и пышные султаны, но мне все это не по душе. Она говорит, что офицеры –

люди знатные, веселые и любезные; а я дрожу, глядя на них, так как все ремесло их в том, чтобы убивать ближних. Ваше занятие мне больше нравится, и ваше последнее имя очень хорошо, гораздо лучше, чем Нэтти Бампо.

– Это очень естественно при вашем образе мыслей, Гетти, и ничего другого я не ожидал. Говорят, ваша сестра красива, необычайно красива для простой смертной, а красота всегда ищет поклонения.

– Неужели вы никогда не видели Юдифи? – спросила девушка с внезапной серьезностью. – Если нет, ступайте сейчас же и посмотрите на нее. Даже Гарри Непоседа не так хорош собой.

Один миг Зверобой глядел на девушку с некоторой досадой. Ее бледное лицо немного зарумянилось, а глаза, обычно такие кроткие и ясные, заблестели, выдавая тайное побуждение.

– Ах, Гарри Непоседа! – пробормотал он про себя, направляясь через каюту на противоположный конец судна. – Вот что значит красивая внешность и хорошо подвешенный язык. Легко видеть, куда склоняется сердце этого бедного создания, как бы там ни обстояли дела с твоей Юдифью.

Тут любезничанье Непоседы, кокетство его возлюбленной, размышления Зверобоя и кроткие мечтания Гетти были прерваны появлением челнока, в котором владелец ковчега проплыл сквозь узкий проход между кустами, служившими его жилищу чем-то вроде бруствера. Видимо, Хаттер, или Плавучий Том, как его запросто называли охотники, знакомые с его привычками, узнал челнок Непоседы, потому что нисколько не удивился, встретив молодого человека на барже. Он приветствовал его не только радушно, но с явным удовольствием, к которому примешивалось легкое сожаление о том, что Гарри не появился на несколько дней раньше.

– Я ждал тебя еще на прошлой неделе, – сказал он не то ворчливо, не то приветливо, – и очень сердился, что ты не показываешься. Здесь проходил гонец, предупреждавший трапперов и охотников, что у Колонии опять начались неприятности с Канадой. И я чувствовал себя довольно сиротливо в этих горах с тремя скальпами на моем попечении и только с одной парой рук, чтобы защищать их.

– Оно и понятно, – ответил Марч. – Так и надлежит чувствовать родителю. Будь у меня две такие дочки, как Юдифь и Гетти, не сомневаюсь, я бы сказал то же самое. Вообще же меня нисколько не огорчает, когда ближайший сосед живет в пятидесяти милях.

– Однако ты предпочел не странствовать по этим дебрям в одиночку, зная, что канадские дикари, быть может, шляются поблизости, – возразил Хаттер, бросая недоверчивый и в то же время пытливый взгляд на Зверобоя.

– Ну так что ж! Говорят, даже плохой товарищ помогает скоротать дорогу. А этого юношу я считаю недурным спутником. Это Зверобой, старый Том, охотник, знаменитый среди делаваров, но христианин по рождению и воспитанию, подобно тебе и мне. Этому парню далеко до совершенства, но попадаются люди похуже его в тех местах, откуда он явился, да, вероятно, и здесь он встретит кое-кого нисколько не лучше. Если нам придется защищать наши капканы и владения, парень будет кормить всех нас, так как он мастак по части дичины.

– Добро пожаловать, молодой человек, – пробурчал Том, протягивая юноше жесткую, костлявую руку как залог своей искренности. – В такие времена всякий белый человек друг, и я рассчитываю на вашу поддержку. Дети иногда заставляют сжиматься даже каменное сердце, и дочки тревожат меня больше, чем все мои капканы, шкуры и права на эту страну.

– Это совершенно естественно! – воскликнул Непоседа. – Да, Зверобой, мы с тобой еще не знаем этого по опыту, но все-таки я считаю это естественным. Будь у нас дочери, весьма вероятно, мы испытывали бы такие же чувства, и я уважаю человека, который их разделяет. Что касается Юдифи, старик, то я уже записался к ней в солдаты, а Зверобой поможет тебе караулить Гетти.

– Очень вам благодарна, мастер Марч, – возразила красавица своим звучным низким голосом. Произношение у нее было совершенно правильное и доказывало, что она получила лучшее воспитание, чем можно было ожидать, судя по внешнему виду и образу жизни ее отца. – Очень вам благодарна, но у Юдифи Хаттер достаточно мужества и опыта, чтобы рассчитывать больше на себя, чем на таких красивых ветрогонов, как вы. Если нам придется столкнуться с дикарями, то вы уж лучше сойдите с моим отцом на берег, чем прятаться в хижине под предлогом защиты нас, женщин, и...

– Ах, девушка, девушка, – перебил отец, – придержи язык и выслушай слово правды! Дикари бродят где-то по берегу озера. Кто знает, может быть, они уже совсем поблизости и нам придется скоро о них услышать.

– Если это верно, мастер Хаттер, – сказал Непоседа, переменившись в лице, хотя и не обнаруживая малодушного страха, – если это верно, твой ковчег занимает ужасно неудобную позицию. Маскировка могла ввести в заблуждение меня и Зверобоя, но вряд ли она обманет чистокровного индейца, отправившегося на охоту за скальпами.

– Совершенно согласен с тобой, Непоседа, и от всего сердца желал бы, чтобы мы находились теперь где угодно, но только не в этом узком извилистом протоке. Правда, сейчас он скрывает нас, но непременно погубит, если только нас откроют. Дикари близко, и нам трудно выбраться из реки, не рискуя быть подстреленными, как дичь у водопоя.

– Но уверены ли вы, мастер Хаттер, что краснокожие, которых вы боитесь, действительно пришли сюда из Канады? – спросил Зверобой скромно, но серьезно. – Видели вы хотя бы одного из них? Можете ли вы описать их окраску?

– Я нашел их следы по соседству, но не видел ни одного индейца. Я проплыл вниз по протоку на милю или около того, осматривая мои капканы, когда заметил свежий след, пересекавший край болота и направлявшийся к северу. Какой-то человек прошел здесь меньше часа назад, и я по размерам тотчас же узнал отпечаток индейской ступни, даже прежде чем нашел изношенный мокасин, который хозяин бросил за ненадобностью. Я даже видел, где индеец остановился, чтобы сплести себе новый; это было всего в нескольких ярдах от того места, где он бросил старый.

– Это не похоже на краснокожего, идущего по тропе войны, – возразил Зверобой, покачивая головой. – Во всяком случае, опытный воин сжег бы, закопал бы или утопил в реке такую улику. Очень возможно, что вы натолкнулись на мирный след. Но на сердце у меня станет гораздо легче, если вы опишете или покажете мне этот мокасин. Я сам явился сюда, чтобы повидаться с молодым индейским вождем, и он должен пройти приблизительно по тому же направлению, о котором вы говорили. Быть может, это был его след.

– Гарри Непоседа, надеюсь, ты хорошо знаешь этого молодого человека, который назначает свидание дикарям в такой части страны, где он никогда раньше не бывал? – спросил Хаттер тоном, достаточно ясно свидетельствующим об истинном смысле вопроса; грубые люди редко стесняются обнаруживать свои чувства. – Предательство – индейская повадка, а белые, которые много живут среди индейских племен, быстро перенимают у них обычаи и приемы.

– Верно, верно, старый Том, но это не относится к Зверобою, потому что он честный парень, если даже у него нет других достоинств. Я отвечаю за его порядочность, старый Том, хотя не могу поручиться за его храбрость в битве.

– Хотелось бы мне знать, чего ради он сюда приплелся?

– Это легко объяснить, мастер Хаттер, – сказал молодой охотник со спокойствием человека, у которого совесть совершенно чиста. – Кроме того, я думаю, вы вправе спрашивать об этом. Отец двух дочек, живущий на озере, как живете вы, имеет такое же право допрашивать посторонних, как Колония имеет право потребовать у французов объяснений, чего ради они выставили столько новых полков на границе. Нет, нет, я не отрицаю вашего права знать, почему незнакомый человек явился в ваши места в такое тревожное время.

– Если вы так думаете, друг, расскажите мне вашу историю, не тратя лишних слов.

– Как я уже сказал, это легко объяснить, и я все честно расскажу вам. Я еще молод и до сих пор никогда не ходил по тропе войны. Но лишь только к делаварам пришла весть, что вампум и томагавк будут скоро присланы³³ союзным племенем, они поручили мне отправиться к людям моего цвета кожи и получить самые точные сведения о том, как обстоят дела. Так я и сделал. Вернувшись и отдав отчет вождям, я встретил на Шохери королевского офицера, который вез деньги для раздачи дружественным племенам, живущим далее к западу. Чингачгук, молодой вождь, который еще не сразил ни одного врага, тоже решил, что представляется подходящий случай выйти впервые на тропу войны. И один старый делавар посоветовал нам назначить друг другу свидание у скалы вблизи истока этого озера. Не скрою, есть у Чингачгука еще и другая цель, но это его тайна, а не моя. И так как она не касается никого из присутствующих, то я больше ничего не скажу...

– Здесь дело касается молодой женщины, – быстро перебила его Юдифь и тут же рассмеялась над своей несдержанностью и даже немного покраснела от сознания, что ей прежде всего пришла в голову подобная мысль. – Если это дело не связано ни с войной, ни с охотой, то здесь должна быть замешана любовь.

– Тот, кто молод, красив и часто слышит о любви, сразу готов предположить, будто в основе всего кроются сердечные чувства, но я ничего не скажу по этому поводу. Чингачгук должен встретиться со мной завтра вечером, за час до заката, у скалы, после чего мы пойдем дальше своей дорогой, не трогая никого, кроме врагов короля, которых мы по закону считаем и нашими собственными врагами. Издавна зная Непоседу, который ставил капканы в наших местах, и встретив его на Шохери, когда он собирался идти сюда, я сговорился путешествовать вместе с ним. Не столько из страха перед мингами, сколько для того, чтобы иметь доброго товарища и, как он говорит, скоротать вместе длинную дорогу.

– И вы думаете, что след, который я видел, быть может, оставлен вашим другом? – спросил Хаттер.

– По-моему, так. Может быть, я заблуждаюсь, а может, и нет. Поглядев на мокасин, я бы вам сразу сказал, сплетен ли он на делаварский образец.

– Ну так вот он, – сказала проворная Юдифь, которая уже успела наведаться в челнок. – Скажите, кого он сулит нам – друга или врага? Я считаю вас честным человеком и верю вам, что бы ни воображал мой отец.

– Ты, Юдифь, всегда находишь друзей там, где я подозреваю врагов, – проворчал Том. – Но говорите, молодой человек, что вы думаете об этом мокасине.

– Он не делаварской работы, – ответил Зверобой, внимательно разглядывая изношенную и пришедшую в негодность обувь. – Я еще слишком неопытен на тропе войны, чтобы говорить уверенно, но мне кажется, что мокасин этот сплетен на севере и явился сюда из Страны Великих Озер³⁴.

– Если так, то здесь нельзя оставаться ни минуты, – сказал Хаттер, выглядывая из листового прикрытия, как будто он уже ожидал увидеть врагов на противоположном берегу узкого и извилистого протока. – До наступления ночи осталось не больше часа, а в темноте двигаться немислимо, не производя шума, который непременно выдаст нас. Слышали вы эхо выстрела в горах полчаса назад?

– Да, старик, – ответил Непоседа, только теперь сообразивший, какую неосторожность он допустил. – И слышал самый выстрел, потому что ведь это я спустил курок.

– А я боялся, что стреляют французские индейцы. Все равно это могло заставить их насторожиться и навести на наш след. Ты худо сделал, паля без толку в военное время.

³³ **Посылка боевого топора** – томагавка – и вампума означала призыв к войне.

³⁴ **Страна Великих Озер** – побережье озер Онтарио, Эри и Гурона, населенное гуронами, или мингами.

– Я и сам так начинаю думать, дядя Том. И, однако, если человек даже в безлюдной глуши не смеет выстрелить из страха, что враг услышит его, то на кой черт носить при себе карабин!

Хаттер еще долго совещался с обоими гостями, после чего собеседники окончательно уяснили себе создавшееся положение. Старик растолковал им, как трудно будет вывести в темноте ковчег из такого узкого и быстрого протока, не произведя шума, который неминуемо достигнет индейских ушей. Кто бы ни были пришельцы, бродящие по соседству, они, во всяком случае, станут держаться возможно ближе к озеру или к реке. Но берега реки во многих местах заболочены; к тому же она извилиста и так заросла кустами, что по ней можно передвигаться при дневном свете, не подвергаясь ни малейшей опасности быть обнаруженным. Поэтому ушей следует остерегаться гораздо больше, чем глаз, особенно пока судно будет находиться в коротком, тесном и прикрытом лиственным сводом участке протока.

– Место это очень удобное, чтобы расставлять капканы, да и укрыто оно от любопытных глаз гораздо лучше, чем озеро. И все же я никогда не забираюсь сюда, не подготовив предварительно всех мер, чтобы выбраться обратно, – продолжал старый чудак. – А выбираться отсюда гораздо легче, подтягивая судно на канате, чем отталкиваясь веслом. Якорь лежит в открытом озере, у начала протока, а здесь вы видите канат, за который можно тянуть. Но без вашей помощи, с одной только парой рук, было бы довольно тяжело протащить такую баржу вверх по течению. К счастью, Джуди орудует веслом не хуже меня, и когда мы не боимся неприятеля, то выбраться из реки бывает не слишком трудно.

– А что мы выиграем, мастер Хаттер, переменяв позицию? – спросил Зверобой очень серьезно. – Здесь мы хорошо укрыты и, засев в каюте, можем упорно обороняться. Сам я никогда не участвовал в боях и знаю о них только понаслышке, но мне кажется, что мы могли бы одолеть двадцать мингов под защитой таких укреплений.

– Эх, эх! Никогда не участвовали в боях и знаете о них только понаслышке! Это сразу заметно, молодой человек. Видели вы когда-нибудь озеро пошире этого, прежде чем явились сюда с Непоседой?

– Не могу сказать, чтобы видел, – скромно ответил Зверобой. – В мои годы надо учиться, и я вовсе не желаю возвышать голос в совете, пока не набрался достаточно опыта.

– Хорошо. В таком случае я объясню вам все невыгоды боя на этой позиции и все преимущества открытого озера. Здесь, видите ли, дикари будут направлять каждый свой выстрел прямо в цель, и надо полагать, что несколько пуль все же попадут в щели между бревнами. Нам же придется стрелять наугад в лесную чащу. Кроме того, в мое отсутствие могут захватить и разграбить «замок», и тогда пропадет все мое имущество. На озере на нас могут напасть только в лодках или на плотах, и там мы можем заслонить «замок» ковчегом. Понятно ли все это, юноша?

– Да, это звучит убедительно, и я не стану с вами спорить.

– Ладно, старый Том! – крикнул Непоседа. – Если надо убираться отсюда, то чем скорее мы начнем, тем раньше узнаем, суждено ли нам воспользоваться сегодня нашими собственными волосами в качестве ночных колпаков.

Предложение это было настолько благоразумно, что никто не решился его оспаривать. После кратких предварительных пояснений трое мужчин поспешили сдвинуть ковчег с места.

Причалы были отданы в один миг, и тяжелая махина медленно выплыла из-под прикрытия. Лишь только она освободилась от помехи, которую представляли собой ветви, сила течения почти вплотную прибила ее к западному берегу.

У всех невольно сжались сердца, когда ковчег, ломая ветви, начал пробираться сквозь кусты и деревья: никто не знал, когда и где может появиться тайный, опасный враг. Сумрачный свет, все еще струившийся сквозь нависший лиственный покров или пролагавший себе дорогу сквозь узкий, похожий на ленту просвет над текущей внизу рекой, усиливал ощущение опасности, потому что предметы были видны, но очертания их расплывались. Солнце еще не

закатилось, но прямые лучи его уже не проникали в долину, а вечерние тени начали сгущаться, делая тем самым лесной сумрак еще более мрачным и унылым.

Однако, по мере того как мужчины вытягивали канат, ковчег медленно и безостановочно двигался вперед. У баржи было очень широкое днище, поэтому она неглубоко сидела в воде и плыла довольно легко.

Опыт подсказал Хаттеру еще одну меру предосторожности, устранившую препятствия, которые иначе неизбежно поджидали бы их у каждого изгиба реки. Когда ковчег спускался вниз по течению, Хаттер погрузил в воду на самой середине протока тяжелые камни, привязанные к канату. Благодаря этому образовалась цепь якорей: каждый из них удерживался на месте при помощи предыдущего. Не будь этих якорей, ковчег неминуемо цеплялся бы за берега; теперь же он плыл, легко обходя их.

Пользуясь всеми выгодами этой уловки и подгоняемые боязнью встретиться с индейцами, Плавающий Том и оба его товарища тянули ковчег вверх по течению с такой быстротой, какую только допускала прочность каната. На каждом повороте протока со дна поднимали камень, после чего курс баржи изменялся и она направлялась к следующему камню. Иногда Хаттер тихим, приглушенным голосом побуждал друзей напрячь все свои силы, иногда же предостерегал их от излишнего усердия, которое в данном случае могло быть опасным.

Несмотря на то что мужчины привыкли к лесам, угрюмый характер густо заросшей и затененной реки усиливал томившее их беспокойство. И когда наконец ковчег достиг первого поворота Саскуиханны и глазу открылась широкая гладь озера, все испытали чувство облегчения, в котором, быть может, не хотели признаться. Со дна подняли последний камень; канат уже тянулся прямо к якорю, заброшенному, как объяснил Хаттер, в том месте, где начиналось течение.

– Слава богу! – воскликнул Непоседа. – Наконец-то показался дневной свет, и мы скоро сможем увидеть наших врагов, если нам суждено иметь с ними дело!

– Ну, этого еще нельзя сказать, – проворчал Хаттер. – На берегу, у самого истока, осталось одно местечко, где может притаиться целая шайка. Самая опасная минута настанет тогда, когда миновав эти деревья, мы выйдем на открытое место, потому что враги останутся под прикрытием, а мы будем на виду... Юдифь, моя девочка, брось весло и спрячься в каюте вместе с Гетти, и, пожалуйста, не высовывайтесь из окошка. Те, с кем, может быть, придется нам встретиться, вряд ли станут любоваться вашей красотой... А теперь, Непоседа, давай-ка тоже войдем внутрь и будем тянуть канат из-за двери; это, по крайней мере, предохранит нас от всяких неожиданностей... Друг Зверобой, здесь течение гораздо слабее, и канат лежит совершенно прямо, поэтому будет гораздо лучше, если вы станете переходить от окошка к окошку и следить за тем, что делается снаружи. Но помните: прячьте голову, если вам только дорога жизнь. Как знать, когда и где мы услышим о наших соседях.

Зверобой повиновался, не испытывая страха. Он был заинтересован и сильно возбужден совершенно новым для него положением. Впервые в жизни он находился поблизости от врага или, во всяком случае, имел все основания предполагать это. Когда он занял место у окошка, ковчег должен был миновать самую узкую часть протока, откуда начиналась река в собственном смысле этого слова и где деревья переплетались наверху, покрывая проток зеленым сводом.

Ковчег уже проходил последнюю извилину этого лиственного коридора, когда Зверобой, высмотрев все, что можно было увидеть на восточном берегу реки, прошел через каюту с целью поглядеть в противоположное окошко на западный берег. Его появление у этого наблюдательного пункта было как нельзя более своевременным: не успел он приложить глаз к щели, как увидел зрелище, которое, несомненно, могло напугать такого молодого и неопытного часового. Над водой, образуя дугу, свисало молодое деревцо; когда-то оно тянулось к свету, а потом было придавлено тяжестью снега – случай, нередкий в американских лесах. И вот на это дерево уже

взобралось человек шесть индейцев, а другие стояли внизу, готовясь последовать за передовыми, лишь только освободится место. Индейцы, очевидно, намеревались, перебравшись по стволу, соскочить на крышу ковчега, когда судно будет проплывать под ними. Это не представляло большой трудности, так как по склоненному дереву передвигаться было легко. Ветви служили достаточной опорой рукам, а прыгнуть с такой высоты ничего не стоило. Зверобой увидел эту шайку, когда она только что появилась из леса и начала взбираться по стволу. Давнее знакомство с индейскими обычаями тотчас же подсказало охотнику, что пришельцы в полной боевой раскраске и принадлежат к враждебному племени.

– Тяни, Непоседа, – закричал он, – тяни изо всех сил, если любишь Юдифь Хаттер! Тяни, малый, тяни!

Молодой охотник знал, что обращается с этим призывом к человеку, обладавшему мощью великана. Крик прозвучал серьезно и предостерегающе. Хаттер и Марч, чувствуя, что это неспроста, в самый опасный момент изо всех сил налегли на канат. Ковчег пошел вдвое быстрее и наконец выскользнул из-под лесного свода, словно сознавая нависшую над ним опасность.

Заметив, что они обнаружены, индейцы издали грозный боевой клич и сломя голову начали прыгать с дерева, стараясь попасть на кровлю ковчега. Шесть человек уже успели взобраться на дерево и один за другим пытались счастье. Но все падали в воду – кто ближе, а кто дальше, в зависимости от того, раньше или позже оказались они на дереве.

Лишь вождь, занимавший наиболее опасный пост впереди всех, прыгнув раньше других, упал на баржу как раз возле кормы. Однако падение настолько оглушило его, что минуту он стоял согнувшись, не соображая, что с ним происходит.

В этот момент Юдифь, с разгоревшимися щеками и еще более красивая, чем когда-либо, выскочила из каюты и, собрав все силы, одним толчком сбросила индейца за борт, головой прямо в реку. Едва успела она совершить этот решительный поступок, как в ней пробудилась женщина. Она наклонилась над кормой, желая узнать, что стало с упавшим, и выражение ее глаз смягчилось. Щеки девушки зарумянились от стыда и удивления перед собственной смелостью, и она рассмеялась своим обычным приятным смехом. Все это произошло в одну минуту. Затем рука Зверобоя обхватила ее поперек тела и увлекла обратно в каюту. Они отступили как раз вовремя. Едва они очутились под прикрытием, как весь лес огласился воплями и пули застучали по бревнам.

Тем временем ковчег продолжал продвигаться вперед, и после этого небольшого происшествия ему уже не грозила опасность. Как только погасла первая вспышка гнева, дикари прекратили стрельбу, понимая, что лишь понапрасну тратят заряды. Хаттер вытащил из воды последний якорь. Течение здесь было тихое, и судно продолжало медленно плыть вперед, пока не очутилось в открытом озере, хотя настолько близко от берега, что пули представляли еще некоторую опасность. Хаттер и Марч под прикрытием бревенчатых стен налегли на весла и вскоре отвели ковчег настолько далеко, что враги лишились надежды снова напасть на них.

Глава V

*Пусть раненый олень ревет,
А уцелевший скачет.
Где спят, а где – ночной обход;
Кому что рок назначит.*

Шекспир. «Гамлет»³⁵

На носу баржи состоялось новое совещание, на котором присутствовали Юдифь и Гетти. Непосредственная опасность уже больше не угрожала им, чувство тревоги сменилось тягостным сознанием, что на берегу много врагов, которые, конечно, не упустят возможности погубить их. Вполне понятно, что больше всех волновался Хаттер, а дочери, привыкшие во всем полагаться на отца, не отдавали себе ясного отчета в грозившей им опасности. Старик Хаттер прекрасно сознавал, что оба товарища могут покинуть его в любую минуту. Это обстоятельство, как легко мог заметить внимательный наблюдатель, тревожило его сильнее всего.

– У нас большое преимущество перед ирокезами и всеми другими врагами, как бы они там ни назывались, – сказал он, – потому что мы наконец выбрались на чистую воду. На озере нет ни одной лодки, которой бы я не знал. Свой челнок ты пригнал сюда, Непоседа, на берегу теперь осталось только три, и они так хорошо спрятаны в дуплах деревьев, что, как бы индейцы ни старались, они едва ли их отыщут.

– Ну, этого нельзя утверждать, – заметил Зверобой. – Уж если краснокожий задумал что-нибудь отыскать, то чутье у него становится лучше, чем у собаки. Если эта шайка вышла на охоту за скальпами и надеется пограбить, то вряд ли какое-либо дупло укроет челнок от их глаз.

– Ты прав, Зверобой! – воскликнул Гарри Марч. – В таких вещах ты непогрешим, как Евангелие, и я рад, очень рад, что моя лодчонка здесь, у меня под рукой. Я полагаю, старый Том, если они серьезно собрались выкурить нас, то еще до завтрашнего вечера отыщут все челноки, а потому нам не мешает взяться за весла.

Хаттер ответил не сразу. В течение минуты он молчаливо глядел по сторонам, осматривая небо, озеро и плотно охватывавшую его со всех сторон полосу леса. Нигде он не заметил тревожных примет. Бесконечные леса дремали в глубоком спокойствии. Небеса были безмятежно ясны, и их еще золотил свет заходящего солнца, а озеро казалось более прекрасным и мирным, чем в течение всего этого дня. То было зрелище всеобщего умиротворения; оно убавляло человеческие страсти, навешало на них священный покой. Какое действие оно произвело на обитателей ковчега, покажет дальнейшее повествование.

– Юдифь, – сказал отец, закончив недолгий, но внимательный осмотр, – вот-вот наступит ночь. Приготовь нашим друзьям что-нибудь поесть. После долгой ходьбы они, должно быть, здорово проголодались.

– Мы не голодны, мастер Хаттер, – заметил Марч, – потому что основательно зарядились, когда подошли к озеру. Что до меня, то общество Джуди я предпочитаю даже приготовленному ему ужину. В такой тихий вечер приятно посидеть рядком.

– Натура остается натурой, – возразил Хаттер, – и желудок требует пищи... Юдифь, приготовь что-нибудь поесть, и пусть сестра тебе поможет... Мне надо побеседовать с вами, друзья, – продолжал он, лишь только дочери удалились, – я не хочу, чтобы девочки присутство-

³⁵ Перевод Б. Пастернака.

вали при этом. Вы видите, в каком я положении. Мне хотелось бы услышать ваше мнение о том, как лучше поступить. Уже три раза меня поджигали, но это было на берегу. Я считал себя в полной безопасности с тех пор, как построил «замок» и ковчег. Однако раньше все неприятности случались со мной в мирное время, и это были сушие пустяки, к которым должен быть готов всякий живущий в лесу. Но теперь дело обернулось серьезно, и я надеюсь, что ваши соображения на этот счет облегчат мне душу.

– По-моему, старый Том, и ты сам, и твоя хижина, и твои капканы, и все твои владения попали в отчаянную переделку, – деловито ответил Непоседа, не считавший нужным стесняться. – Насколько я понимаю, они не стоят сегодня и половины того, что стоили вчера. Я бы не дал за них больше, если бы даже пришлось рассчитывать на шкурами.

– Но у меня дети! – продолжал отец таким тоном, что даже самый проникательный наблюдатель затруднился бы сказать, что это: искусно заброшенная приманка или же искреннее выражение родительской тревоги. – Дочери, Непоседа, и к тому же хорошие девушки, смею сказать, хоть я их отец.

– Всякий имеет право говорить что угодно, мастер Хаттер, особенно когда ему придется круто. У тебя и впрямь две дочки, и одна из них по красоте не имеет себе равной на всей границе³⁶, хотя манеры у нее могли бы быть получше. А что до бедной Гетти, то она – Гетти Хаттер, и это все, что можно сказать о бедном создании. Я бы попросил у тебя руки Джуди, если бы ее поведение было под стать ее наружности.

– Вижу, Гарри Марч, что на тебя особенно нечего рассчитывать. Вероятно, твой товарищ рассуждает так же, – возразил старик с некоторой надменностью, не лишенной достоинства. – Ладно, буду уповать на провидение, которое, быть может, не останется глухим к отцовским молитвам.

– Если вы подозреваете, что Непоседа собирается бросить вас, – сказал Зверобой с простодушной серьезностью, усугублявшей значение его слов, – то, я думаю, вы к нему несправедливы. Я думаю, что вы несправедливы к нему, и знаю, что вы несправедливы ко мне, предполагая, что я последую за ним, если он окажется таким бессердечным, что бросит в беде целое семейство. Я пришел на это озеро, мастер Хаттер, повидаться с другом. Не сомневаюсь, что завтра на закате солнца найдется еще один карабин, чтобы защитить вас. Правда, этот карабин, так же как и мой, еще не испытан в бою, однако он не раз уже доказал свою меткость на охоте как по мелкой, так и по крупной дичи.

– Стало быть, я могу рассчитывать, что вы останетесь защищать меня и моих дочерей? – спросил старик с выражением отцовской тревоги на лице.

– Можете, Плавучий Том, если позволите так называть вас. Я буду стоять за вас, как брат за сестру, как муж за жену или как поклонник за свою возлюбленную. В этой беде вы можете рассчитывать на меня во всем, и я думаю, что Непоседа изменит своей натуре и своим желаниям, если не скажет вам того же.

– Ну вот еще! – крикнула Юдифь, выглядывая из-за двери. – Он непоседа и по прозвищу и по натуре и, уж конечно, не станет сидеть на месте, когда почувствует, что опасность грозит его смазливой физиономии. Ни «старый Том», ни его «девочки» не надеются на мастера Марча: они достаточно его знают. Но на вас они надеются, Зверобой. Ваше честное лицо и честное сердце порука тому, что вы исполните ваше обещание.

Все это было сказано скорее с притворным, чем с искренним гневом на Непоседу. И все же подлинное чувство звучало в словах девушки. Выразительное лицо Юдифи достаточно красноречиво говорило об этом. И если Марчу показалось, что еще ни разу он не видел на этом лице такого горделивого презрения (чувство, к которому особенно была склонна красавица),

³⁶ **На всей границе** – то есть в обширной полосе, где поселения европейских колонистов граничили с девственным лесом. Граница эта непрерывно перемещалась с востока на запад.

то, несомненно, еще ни разу не светилося оно такой женственной мягкостью, как в тот миг, когда голубые глаза взглянули на Зверобоя.

– Оставь нас, Юдифь! – строго приказал Хаттер, прежде чем молодые люди успели ответить. – Оставь нас и не возвращаясь, пока не приготовишь дичь и рыбу. Девушка избалована лестью офицеров, которые иногда забираются сюда, мастер Марч, и ты не станешь обижаться на ее глупые слова.

– Ничего умнее ты никогда не говорил, старый Том! – возразил Непоседа, которого перевернуло от замечания Юдифи. – Молодцы из форта своими чертовскими языками испортили ее. Я едва узнаю Джуди и скоро стану поклонником ее сестры, которая мне гораздо больше по вкусу.

– Рад слышать это, Гарри, и вижу в этом признак того, что ты готов остепениться. Гетти будет гораздо более верной и рассудительной спутницей жизни, чем Джуди, и, вероятно, охотнее станет принимать твое ухаживание, так как я очень боюсь, что офицеры вскружили голову ее сестрице.

– Не может быть на свете более верной жены, чем Гетти, – сказал Непоседа смеясь, – хотя я не ручаюсь за ее здравый рассудок. Но все равно: Зверобой не ошибся, когда сказал, что вы найдете меня на посту. Я не брошу тебя, дядя Том, каковы бы ни были мои чувства и намерения насчет твоей старшей дочери.

За свою удаль Непоседа пользовался заслуженной репутацией среди товарищей, и потому Хаттер с нескрываемым удовольствием выслушал его обещание. Огромная физическая сила Непоседы служила неоценимым подспорьем даже теперь, когда нужно было продвинуть козлы, а как она могла пригодиться во время рукопашных схваток в лесу! Ни один военачальник, очутившийся в трудной боевой обстановке, не радовался так, услышав о прибытии подкреплений, как обрадовался Плавающий Том, узнав, что могучий союзник не покинет его. За минуту до того Хаттер готов был идти на мировую сделку с опасностью и ограничиться одной обороной, но лишь только он почувствовал себя в безопасности, как неугомонный дух внушил ему желание перенести военные действия на неприятельскую территорию.

– Крупные премии обещаны за скальпы, – заметил он с мрачной улыбкой, как бы ощущая всю силу искушения и в то же время давая понять, что считает не совсем удобным зарабатывать деньги способом, который внушает отвращение всем цивилизованным людям. – Быть может, не совсем хорошо получать деньги за человеческую кровь, и, однако, если уж люди начали истреблять друг друга, то почему бы не присоединить маленький кусочек кожи к остальной добыче? Что ты думаешь на этот счет, Непоседа?

– Думаю, что ты здорово дал маху, старик, назвав дикарскую кровь человеческой кровью, только и всего! Скальп краснокожего для меня все равно что пара волчьих ушей, и я с легким сердцем готов брать деньги и за то и за другое. Что касается белых, то это иное дело, потому что у них врожденное отвращение к скальпировке, тогда как индеец бреет себе голову в ожидании ножа и отращивает на макушке чуб, чтобы удобнее было схватить его.

– Вот это значит рассуждать, как подобает мужчине, и я сразу почувствовал, что если уж ты на нашей стороне, то будешь помогать и делами и помыслами, – подхватил Том, отбрасывая всякую сдержанность, лишь только заметил настроение товарища. – Это нашествие краснокожих может кончиться так, как им и не снилось. Полагаю, Зверобой, что вы держитесь одних мыслей с Гарри и считаете, что этим способом можно заработать деньги так же честно, как и охотой.

– Нет, я этому не сочувствую, – возразил молодой человек. – Я не способен снимать скальпы. Если вы и Непоседа намерены заработать деньги, которые посулило колониальное начальство, добывайте их сами, а женщин оставьте на мое попечение. Я расхожусь с вами во взглядах на обязанности белого человека, но уверен, что долг сильного состоит в том, чтобы защищать слабого.

– Гарри Непоседа, вот урок, который вам надо утвердить наизусть и применять на деле, – донесся из каюты приятный голос Юдифи – ясное доказательство того, что она подслушала весь разговор.

– Довольно глупостей, Джуди! – крикнул отец сердито. – Отойди подальше, мы говорим о вещах, которые женщинам слушать не следует.

Однако Хаттер не сделал ни одного шага с целью убедиться, что его приказание исполнено. Он лишь немного понизил голос и продолжал свою речь.

– Молодой человек прав, – сказал он, – и мы можем оставить детей на его попечение. А моя мысль такова, и я думаю, ты найдешь ее правильной. На берегу собралась большая шайка дикарей, среди них есть и женщины. Я не говорил об этом в присутствии девочек, так как они могут расстроиться, если дело дойдет до настоящей работы. Я узнал это, рассматривая следы мокасин; возможно, что эти индейцы – просто охотники, которые еще ничего не слыхали о войне и о премиях за скальпы.

– В таком случае, старый Том, почему они, вместо того чтобы здороваться, хотели перерезать нам глотки? – спросил Гарри.

– Мы не знаем, так ли кровожадны были их намерения. Индейцы привыкли нападать невзначай из засады, и, без сомнения, они хотели сперва забраться на борт ковчега и затем поставить нам свои условия. Если, обманувшись в своих расчетах, дикари стреляли в нас, то это дело обычное, и я не придаю этому большого значения. Сколько раз в мирное время они поджигали мой дом, воровали дичь из моих капканов и стреляли в меня!

– Я знаю, негодяи любят проделывать такие штуки, и мы имеем право платить им той же монетой. Женщины действительно не идут за мужчинами по тропе войны, так что, может быть, ты и прав.

– Но охотники не выступают в боевой раскраске, – возразил Зверобой. – Я хорошо рассмотрел этих мингов и знаю, что они пустились на охоту за людьми, а не за бобрами или другой дичью.

– А что ты на это скажешь, старик? – подхватил Непоседа.

– Что касается зоркости глаза, то я скоро буду верить этому молодому человеку не меньше, чем самому старому поселенцу во всей нашей Колонии. Если он говорит, что индейцы в боевой раскраске, то, стало быть, так оно и есть. В таком случае военный отряд повстречался, должно быть, с толпой охотников, потому что среди них, несомненно, есть женщины. Гонец, принесший весть о войне, проходил здесь всего несколько дней назад, и, может быть, воины явились, чтобы отослать женщин и детей обратно и нанести первый удар.

– Любой суд согласится с этим, и это истинная правда! – вскричал Непоседа. – Ты угадал, старый Том, и мне хочется послушать, что ты предлагаешь делать.

– Заработать побольше денег на премиях, – отвечал собеседник холодно и мрачно. Лицо его выражало скорее бессердечную жадность, чем злобу или жажду мести. – Если там есть женщины и дети, то, значит, можно раздобыть всякие скальпы: и большие и маленькие. Колония платит за все одинаково...

– Тем хуже, – перебил Зверобой, – тем позорнее это для всех нас!

– Обожди, парень, и не кричи, пока не обмозгуешь этого дела, – невозмутимо возразил Непоседа. – Дикари скальпируют твоих друзей – делаваров и могикан; почему бы и нам не скальпировать в свой черед? Признаю, было бы очень нехорошо, если бы мы с тобой отправились за скальпами в селения бледнолицых. Но что касается индейцев, то это статья иная. Человек, который охотится за скальпами, не должен обижаться, если его собственную голову обдерут при удобном случае. Как аукнется, так и откликнется – это известно всему свету. Помоему, это вполне разумно и, надеюсь, не противоречит религии.

– Эх, мастер Марч! – снова раздался голос Юдифи. – Очевидно, вы думаете, что религия поощряет грязные поступки.

– Я никогда не спорю с вами, Джуди, так как вы побеждаете меня вашей красотой, если даже не можете победить разумными доводами. Канадские французы платят своим индейцам за скальпы, почему бы и нам не платить...

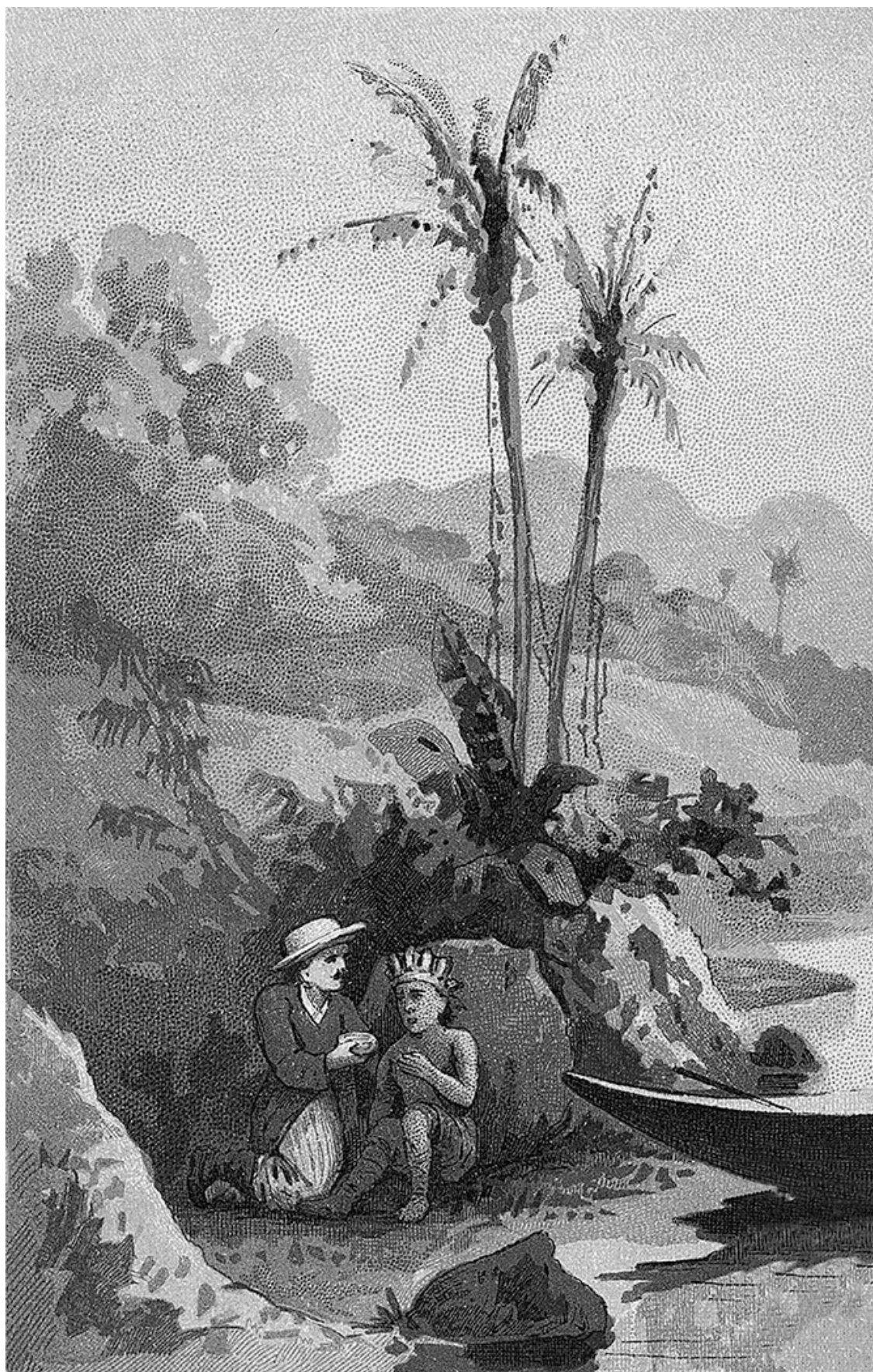
– Нашим индейцам! – воскликнула девушка, рассмеявшись невеселым смехом. – Отец, отец, брось думать об этом и слушай только советы Зверобоя – у него есть совесть. Я не могу то же сказать о Гарри Марче.

Тут Хаттер встал и, войдя в каюту, заставил своих дочерей удалиться на противоположный край баржи, потом запер обе двери и вернулся. Он и Непоседа продолжали разговаривать. Так как содержание их речей будет ясно из дальнейшего рассказа, то нет надобности излагать его здесь со всеми подробностями. Сопровождение длилось до тех пор, пока Юдифь не подала простой, но вкусный ужин. Марч с некоторым удивлением заметил, что самые лучшие куски она положила Зверобой, как бы желая показать этим, что считает его почетным гостем. Впрочем, давно привыкнув к ветреному кокетству своей красавицы, Непоседа не почувствовал особой досады и тотчас же начал есть с аппетитом, которого не портили никакие соображения нравственного порядка.

Зверобой, несмотря на обильную трапезу, которую поутру разделил в лесу с товарищем, не отставал от него и воздал должное поданным яствам.

Час спустя весь окружающий пейзаж сильно изменился. Озеро по-прежнему оставалось тихим и гладким, как зеркало, но мягкий полусвет летнего вечера сменился ночной тьмой, и все пространство, окаймленное темной рамкой лесов, лежало в глубоком спокойствии ночи. Из леса не доносилось ни пения, ни крика, ни даже шепота. Слышен был только мерный всплеск весел, которыми Непоседа и Зверобой, не торопясь, подвигали ковчег по направлению к «замку». Хаттер пошел на корму, собираясь взяться за руль. Заметив, однако, что молодые люди и без его помощи идут правильным курсом, он отпустил рулевое весло, уселся на корме и закурил трубку. Он просидел там всего несколько минут, когда Гетти, тихонько выскользнув из каюты, или «дома», как обычно называли эту часть ковчега, устроилась у его ног на маленькой скамейке, которую принесла с собой. Слабоумное дитя часто так поступало, и старик не обратил на это особого внимания. Он лишь ласково положил руку на голову девушки, которая с молчаливым смирением приняла эту милость.

Помолчав несколько минут, Гетти вдруг запела. Голос у нее был низкий и дрожащий. Он звучал серьезно и торжественно. Слова и мотив отличались простотой и естественностью. То был один из тех гимнов, которые всегда и везде нравятся всем классам общества, которые рождены чувством и призывают к чувству. Гетти пела гимн, которому научила ее мать. Слушая эту простую мелодию, Хаттер всегда чувствовал, как смягчается его сердце; дочь отлично знала это и часто этим пользовалась, побуждаемая инстинктом, который часто руководит слабоумными существами, особенно когда они стремятся к добру.

Едва только раздался низкий приятный голос Гетти, как шум весел смолк, и священная мелодия одиноко зазвучала в трепетной тишине пустыни. По мере того как Гетти набиралась смелости, голос ее становился все сильнее, и скоро весь воздух наполнился этим смиренным славословием безгрешной души. Молодые люди не оставались безучастными к этому трогательному напеву: они взялись за весла лишь после того, как последний звук песни замер на отдаленном берегу. Сам Хаттер был растроган, ибо, как ни огрубел он вследствие долгой жизни в пустыне, душа его продолжала оставаться той страшной смесью добра и зла, которая так часто бывает свойственна человеческой природе.

– Ты что-то грустна сегодня, девочка, – сказал отец. Когда Хаттер обращался к младшей дочери, его обороты речи обличали в нем человека, который в юности получил кое-какое образование. – Мы только что спаслись от врагов, и нам следует скорее радоваться.

– Ты никогда не сделаешь этого, отец! – сказала Гетти тихим укоризненным тоном, взяв его узловатую, жесткую руку. – Ты долго говорил с Гарри Марчем, но у вас не хватит духу сделать это.

– Ты не можешь понять таких вещей, глупое дитя... Очень дурно с твоей стороны подслушивать!

– Почему ты с Гарри хочешь убивать людей, особенно женщин и детей?

– Тише, девочка, тише! У нас теперь война, и мы должны поступать с нашими врагами так же, как они поступают с нами.

– Это неправда, отец! Я слышала, что говорил Зверобой. Вы должны поступать с вашими врагами так же, как вы хотели бы, чтобы они поступали с вами. Ни один человек не хочет, чтобы враги убили его.

– Во время войны мы должны убивать наших врагов, девочка, иначе они нас убьют. Кто-нибудь да должен начать; кто начнет первый, тот, по всей вероятности, одержит победу. Ты ничего не смыслишь в этих вещах, бедная Гетти, и потому лучше молчи.

– Юдифь говорит, что это нехорошо, отец, а Юдифь умнее меня.

– Джуди не посмеет говорить со мной о таких вещах; она действительно умнее тебя и знает, что я этого не потерплю. Что ты предпочитаешь, Гетти: потерять собственный скальп, который затем продадут французам, или видеть, как мы убьем наших врагов и тем помешаем им вредить нам?

– Я не хочу ни того, ни другого, отец. Не убивай их, и они не тронут нас. Торгуй мехами и заработай побольше денег, если можешь, но не торгуй кровью.

– Ладно, ладно, дитя! Поговорим лучше о том, что ты понимаешь. Ты рада снова увидеть нашего старого друга Марча? Ты любишь Непоседу и должна знать, что он когда-нибудь станет твоим братом, а может быть, и ближе чем братом.

– Это невозможно, отец, – сказала девушка после продолжительного молчания. – Непоседа имел уже и отца и мать. У человека не бывает их дважды.

– Так кажется твоему слабому уму, Гетти. Когда Джуди выйдет замуж, отец ее мужа будет ее отцом и сестра мужа ее сестрой. Если она выйдет замуж за Непоседу, он станет твоим братом.

– Юдифь никогда не выйдет за Непоседу, – возразила девушка кротко, но решительно. – Юдифь не любит Непоседу.

– Этого ты не можешь знать, Гетти. Гарри Марч самый красивый, самый сильный и самый смелый парень из всех когда-либо бывавших на озере. И так как Джуди замечательная красавица, то почему бы им не пожениться? Он очень ясно намекнул, что готов работать со мной, если я дам свое согласие.

Гетти начала ходить взад и вперед, что служило у нее признаком душевной тревоги. С минуту она ничего не отвечала. Отец, привыкший к ее странностям и не подозревавший истинной причины ее горя, спокойно продолжал курить.

– Непоседа очень, очень красив, отец! – сказала Гетти выразительно и простодушно, чего никогда не сделала бы, если бы привыкла больше считаться с мнением других людей.

– Говорю тебе, дитя, – пробормотал старый Хаттер, не вынимая трубки изо рта, – он самый смазливый юнец в этой части страны, а Джуди самая красивая молодая женщина, которую я видел с тех пор, как ее бедная мать прожила свои лучшие дни.

– Очень дурно быть безобразной, отец?

– Бывают грехи и похуже, но ты совсем не безобразна, хотя не так красива, как Джуди.

– Юдифь счастливее от того, что она так красива?

– Может быть, да, дитя, а может быть, и нет. Но поговорим о другом, так как ты с трудом в этом разбираешься, бедная Гетти. Как тебе нравится наш новый знакомый, Зверобой?

– Он некрасив, отец. Непоседа гораздо красивее Зверобоя.

– Это правда. Но говорят, что он знаменитый охотник. Слава о нем достигла моих ушей прежде, чем я его увидел, и надеюсь, он окажется таким же отважным воином. Однако не все мужчины похожи друг на друга, дитя, и я знаю по опыту – нужно немало времени, чтобы сердце у человека закалилось для жизни в пустыне.

– А у тебя оно закалилось, отец, и у Непоседы тоже?

– Ты иногда задаешь трудные вопросы, Гетти. У тебя сердце доброе, и оно создано скорее для жизни в поселениях, чем в лесу, тогда как твой разум больше годится для леса, чем для посе лений.

– Почему Юдифь гораздо умнее меня, отец?

– Помоги тебе небо, дитя, – на такой вопрос я не могу ответить. Сам бог наделяет нас и рассудком и внешностью. Он дает эти дары тому, кому считает нужным. А ты хотела бы быть умнее?

– О нет! Даже мой маленький разум смущает меня. Чем упорнее я думаю, тем несчастнее чувствую себя. От мыслей нет мне никакой пользы, но я хотела бы быть такой же красивой, как Юдифь.

– Зачем, бедное дитя? Красота твоей сестры может вовлечь ее в беду, как когда-то вовлекла ее мать. Красота только возбуждает зависть.

– Ведь мать была и добра и красива, – возразила девушка, и из глаз ее потекли слезы, что случилось всегда, когда она вспоминала о покойнице.

Старый Хаттер при этом упоминании о своей жене хотя и не особенно взволновался, но все же нахмурился и умолк в раздумье. Он продолжал курить, видимо, не желая отвечать, пока его простодушная дочь не повторила своих слов, предполагая, что отец с ней не согласен. Тогда он выколотил пепел из трубки и, с грубой лаской положив руку на голову дочери, произнес в ответ:

– Твоя мать была слишком добра для этого мира, хотя, может быть, и не все так думают. Красивая внешность не создала ей друзей. Не стоит горевать, что ты не так похожа на нее, как твоя сестра. Поменьше думай о красоте, дитя, и побольше о твоих обязанностях, и тогда здесь, на озере, ты будешь счастливее, чем в королевском дворце.

– Я это знаю, отец, но Непоседа говорит, что для молодой женщины красота – это все.

Хаттер издал недовольное восклицание и пошел на нос баржи через каюту. Простодушное признание Гетти в любви к Марчу испугало его, и он решил немедленно объясниться со своим гостем. Прямота и решительность были лучшими свойствами этой грубой натуры, в которой семена, заброшенные образованием, видимо, постоянно боролись с плодами жизни, исполненной суровой борьбы. Пройдя на нос, он вызвался сменить Зверобоя у весла, а молодому охотнику предложил занять место на корме. Старик и Непоседа остались с глазу на глаз.

Когда Зверобой появился на своем новом посту, Гетти исчезла. Некоторое время он в одиночестве направлял медленное движение судна. Однако немного спустя Юдифь вышла из каюты, как бы желая развлечь незнакомца, оказавшего услугу ее семейству. Звездный свет был настолько ярок, что позволял ясно различать ближайшие предметы, а блестящие глаза девушки выражали такую нежность, когда встретились с глазами юноши, что он не мог не заметить этого. Пышные волосы Юдифи обрамляли ее одухотворенное приветливое лицо, которое казалось в этот час еще прекраснее.

– Я думала, что умру от смеха, Зверобой, – кокетливо начала красавица, – когда увидела, как этот индеец нырнул в реку! Это был очень видный собой дикарь, – прибавила девушка, считавшая физическую красоту чем-то вроде личной заслуги. – Жаль, мы не могли остановиться, чтобы поглядеть, не слиняла ли от воды его боевая раскраска.

– А я боялся, что они убьют вас, Юдифь, – сказал Зверобой. – Очень опасно выбегать из-под прикрытия на глазах у целой дюжины мингов.

– Почему же вы сами вышли из каюты, несмотря на их ружья? – спросила девушка, проявив при этом больше интереса, чем ей хотелось. Она произнесла свои слова с деланой небрежностью – результат врожденной хитрости и долгой практики.

– Мужчина не может видеть женщину в опасности и не прийти к ней на помощь.

Сказано это было совсем просто, но с большим чувством, и Юдифь наградила собеседника такой милой улыбкой, что даже Зверобой, составивший себе на основании рассказов Непоседы очень худое мнение об этой девушке, не мог не почувствовать ее очарования. Между ними сразу установилось взаимное доверие, и разговор продолжался.

– Я вижу, что слова у вас не расходятся с делом, Зверобой, – продолжала красавица, усаживаясь у ног молодого охотника. – Надеюсь, мы будем добрыми друзьями. У Гарри Непоседы хорошо подвешенный язык, и он хоть и великан, а говорит гораздо больше, чем делает.

– Марч – ваш друг, Юдифь, а о друзьях нельзя говорить дурно у них за спиной.

– Мы все знаем, чего стоит дружба Непоседы. Потакайте только всем его причудам, и он будет милейшим парнем в целой Колонии, но попробуйте пойти ему наперекос, тут уж ему с собой не совладать. Я не слишком люблю Непоседу, Зверобой, и, говоря по правде, думаю, что он отзывается обо мне не лучше, чем я о нем.

Последние слова она произнесла с затаенной горечью. Если бы ее собеседник лучше знал жизнь и людей, он мог бы заметить по отвернувшемуся личику, по нервному постукиванию маленькой ножки и по другим признакам, что мнение Марча далеко не так безразлично для Юдифи, как она утверждала. Читатель со временем узнает, чем это объяснялось – женским тщеславием или более глубоким чувством. Зверобой порядком смутился. Он хорошо помнил злые слова Марча. Вредить товарищу он не хотел и в то же время совершенно не умел лгать. Поэтому ему нелегко было ответить.

– Марч обо всех говорит начистоту – о друге, как и о враге, – медленно и осторожно возразил охотник. – Он из числа тех людей, которые всегда говорят то, что чувствуют в то время, как у них работает язык, а это часто отличается от того, что он сказал бы, если бы дал себе время подумать. А вот делавары, Юдифь, всегда обдумывают свои слова. Постоянные опасности сделали их осмотрительными, и проворные языки не пользуются почетом у их костров.

– Смею сказать, язык Марча достаточно проворен, когда речь заходит о Юдифи Хаттер и о ее сестре, – сказала девушка, вставая на ноги с видом беззаботного презрения. – Доброе имя молодых девушек – излюбленный предмет беседы для людей, которые не посмели бы так свободно разевать рот, если бы у этих девушек был брат. Мастер Марч, вероятно, любит злословить на наш счет, но рано или поздно он раскается.

– Ну, Юдифь, вы относитесь к этому слишком уж серьезно. Начать с того, что Непоседа не обмолвился ни одним словом, могущим повредить доброму имени Гетти...

– Понимаю, понимаю, – взволнованно перебила Юдифь, – я единственная, кого он жалит своим ядовитым языком. В самом деле, Гетти... Бедная Гетти! – продолжала она более тихим голосом. – Она стоит выше его коварного злословия. Бог никогда не создавал более чистого существа, чем Гетти Хаттер, Зверобой.

– Охотно этому верю, Юдифь, и надеюсь, что то же самое можно сказать о ее красивой сестре.

В голосе Зверобоя чувствовалась искренность, которая тронула девушку. Тем не менее тихий голос совести не смолк и подсказал ответ, который она и произнесла после некоторого колебания:

– Вероятно, Непоседа позволил себе какие-нибудь грязные намеки насчет офицеров. Он знает, что они дворяне, а он не может простить ни одному чело веку, если тот в каком-нибудь отношении стоит выше его.

– Он, конечно, не мог бы стать королевским офицером, Юдифь, но, по правде говоря, почему охотнику на бобров не быть таким же порядочным человеком, как губернатор? Раз уж

вы сами заговорили об этом, то, не отрицаю, он жаловался, что такая простая девушка, как вы, слишком любит красные мундиры и шелковые шарфы. Но это в нем говорила ревность, и, я думаю, он скорее горевал, как мать может горевать о собственном ребенке.

Быть может, Зверобой не вполне понимал все значение своих слов, которые он произнес очень серьезно. Он не заметил румянца, покрывшего прекрасное лицо Юдифи, и понятия не имел о том, какая жестокая печаль немедленно заставила эти живые краски смениться смертельной бледностью. Минуты две прошли в глубоком молчании; только плеск воды нарушал тишину; потом Юдифь встала и почти судорожно стиснула своей рукой руку охотника.

– Зверобой, – сказала она скороговоркой, – я рада, что лед между нами взломан. Говорят, внезапная дружба кончается долгой враждой, но, я думаю, с нами этого не будет. Не знаю, чем объяснить это, но вы первый встретившийся мне мужчина, который, очевидно, не хочет льстить мне, не стремится погубить меня, не является моим тайным врагом. Но ничего не говорите Непоседе, и как-нибудь мы еще побеседуем с вами об этом.

Девушка разжала пальцы и исчезла в каюте. Озадаченный юноша стоял у руля неподвижно, как сосны на холмах. Он опомнился лишь после того, как Хаттер окликнул его и предложил держать правильно курс баржи.

Глава VI

*Так падаший ангел говорил скорбя,
По виду чванясь, но на самом деле
Отчаяньем глубоким истомленный...*

Мильтон. «Потерянный рай»

Вскоре после ухода Юдифи подул легкий южный ветерок, и Хаттер поднял большой квадратный парус. Когда-то этот парус развевался на реях морского шлюпа. Океанские бризы продырявили его, и он был забракован и продан. У старика был также легкий, но прочный брус из тамаркового дерева, который в случае надобности он мог укреплять стоймя. С помощью этого нехитрого приспособления парус развевался по ветру. Теперь уже не было никакой необходимости работать веслами. Часа через два в темноте показался «замок», поднимавшийся из воды на расстоянии сотни ярдов. Тогда парус спустили, и ковчег, продолжая по инерции плыть вперед, пристал к постройке; здесь его и привязали.

С тех пор как Непоседа и его спутник покинули дом, никто в него не входил. Всюду царил полуночная тишина. Враги были близко, и Хаттер приказал дочерям не зажигать свет. В теплое время года они вообще редко позволяли себе такую роскошь, потому что огонь мог служить маяком, указывающим путь недругам.

– При дневном свете мне нечего бояться дикарей под защитой этих толстых бревен, – прибавил Хаттер, объяснив гостям, почему он запретил зажигать огонь. – У меня здесь всегда наготове три-четыре добрых ружья, особенно вот этот длинный карабин, который называется «оленебоем» и никогда не дает осечки. Но ночью – иное дело. В темноте может невидимо подплыть челнок, а дикари знают столько всяких военных уловок, что я предпочитаю иметь дело с ними при ярком солнце. Я выстроил это жилище, чтобы держать их на расстоянии ружейного выстрела, если дело дойдет до драки. Некоторые считают, что дом стоит слишком открыто и на виду, но я предпочитаю держаться на якоре здесь, подальше от зарослей и кустарников, и думаю, что это самая безопасная гавань.

– Я слышал, что ты был когда-то моряком, старый Том? – спросил Непоседа со своей обычной резкостью, пораженный двумя-тремя техническими морскими выражениями, которые только что употребил его собеседник. – И люди думают, что ты мог бы рассказать много диковинных историй о битвах и кораблекрушениях.

– Мало ли на свете людей, Непоседа, – возразил Хаттер уклончиво, – которые всегда суют нос в чужие дела! Кое-кому из них удалось отыскать дорогу в наши леса. Кем я был и что видел в дни моей юности? Какое это может иметь значение теперь, когда поблизости дикари! Гораздо важнее знать, что может произойти в ближайшие двадцать четыре часа, чем болтать о том, что происходило двадцать четыре года назад.

– Это правильно, да, это совершенно правильно. Здесь у нас Юдифь и Гетти, которых мы обязаны охранять, не говоря уже о наших чубах. Что до меня, то я могу спать в темноте так же хорошо, как и при полуденном солнце. Меня не очень заботит, есть ли под рукой свечка, чтобы можно было видеть, как я закрываю глаза.

Так как Зверобой редко считал нужным отвечать на юмористические выходки товарища, а Хаттер, очевидно, не хотел больше обсуждать эту тему, то разговор прекратился. Лишь только девушки ушли спать, Хаттер пригласил товарищей последовать за ним на баржу. Здесь старик изложил свой план, умолчав, впрочем, о той его части, которую он собирался выполнить лишь вдвоем с Непоседой.

– Для людей в нашем положении всего важнее удержать господство на воде, – начал он. – Пока на озере нет другого судна, челнок из древесной коры стоит военного корабля, так как к «замку» нелегко подобраться вплавь. В здешних местах имеется лишь пять челноков, из которых два принадлежат мне и один Гарри. Все три находятся здесь: один стоит в доке под домом и два привязаны к барже. Остальные два спрятаны на берегу в дуплах деревьев, но дикари такие хитрые бестии, что, вероятно, обшарят поутру каждый уголок, если они всерьез решили добраться до наших скальпов...

– Друг Хаттер, – перебил его Непоседа, – еще не родился тот индеец, который отыщет хорошо спрятанный челнок. Я недавно это проделал, и Зверобой убедился, что я могу так спрятать лодку, что сам не в силах отыскать ее.

– Правда твоя, Непоседа, – подтвердил молодой человек, – но ты забываешь, что проморгал свой собственный след. А я его заметил. Я совершенно согласен с мастером Хаттером и думаю, что с нашей стороны будет гораздо осторожнее не слишком полагаться на ротовейство индейцев. Если эти два челнока можно пригнать к замку, то чем скорее мы сделаем это, тем лучше.

– И вы согласны помочь нам? – спросил Хаттер, видимо, удивленный и обрадованный этим предложением.

– Конечно. Я готов участвовать в любом предприятии, которое пристойно белому человеку. Природа повелевает нам защищать нашу жизнь и жизнь других, когда для этого представляется случай. Я последую за вами, Плавающий Том, хоть в лагерь мингов и постараюсь исполнить мой долг, если дело дойдет до драки. Но я никогда не участвовал в битвах и не решаюсь обещать больше, чем могу исполнить. Всем нам известны наши намерения, а вот силу свою мы познаем, лишь испытав ее на деле.

– Вот это сказано скромно и благоразумно, парень! – воскликнул Непоседа. – Ты еще никогда не слышал звука вражеского ружья. И позволь сказать тебе, что этот звук так же отличается от выстрела охотника, как смех Юдифи в ее веселые минуты от воркотни старой голландской домохозяйки на Мохауке. Я не жду, Зверобой, что ты окажешься хорошим воином, хотя по части охоты на оленей и ланей нет тебе равного в здешних местах. Но когда дело дойдет до настоящей работы, по-моему, ты покажешь тыл.

– Увидим, Непоседа, увидим, – возразил молодой человек смиренно. – Так как я никогда еще не дрался, то и не стану хвастать. Я слышал о людях, которые здорово храбрились перед боем, а в бою ничем не отличились; слышал и о других, которые не спешили восхвалять собственную смелость, но на деле оказывались не так уж плохи.

– Во всяком случае, мы знаем, что вы умеете грести, молодой человек, – сказал Хаттер, – а это все, что от вас требуется сегодня ночью. Не будем терять дорогого времени и перейдем от слов к делу.

Челнок был скоро готов к отплытию, и Непоседа со Зверобоем сели на весла. Однако, прежде чем отправиться в путь, старик, войдя в дом, в течение нескольких минут разговаривал с Юдифью. Потом он занял место в челноке, который отчалил в ту же минуту.

Если бы в этой глуши кто-нибудь воздвигнул храм, часы на его колокольне пробили бы полночь, когда трое мужчин пустились в задуманную экспедицию. Тьма сгустилась, хотя ночь по-прежнему стояла очень ясная и звезды совершенно достаточно освещали путь нашим искателям приключений. Хаттер один знал места, где были спрятаны челноки, поэтому он правил лодкой, в то время как оба его товарища осторожно поднимали и погружали весла. Лодка была так легка, что они гребли без всяких усилий и приблизительно через полчаса подплыли к берегу в одной миле от «замка».

– Бросьте весла, друзья, – сказал Хаттер тихим голосом. – Давайте немного осмотримся. Теперь нам надо держать ухо востро, так как у этих тварей носы словно у ищеек.

Внимательный осмотр берегов длился довольно долго. Трое мужчин вглядывались в темноту, надеясь увидеть струйку дыма, поднимающуюся между холмами над затухающим костром, однако не заметили ничего особенного. Они находились на порядочном расстоянии от того места, где встретили дикарей, и решили, что можно безопасно высадиться на берег. Весла заработали вновь, и вскоре киль челнока с еле слышным шуршанием коснулся прибрежной гальки. Хаттер и Непоседа немедленно выскочили на берег, причем последний взял оба ружья. Зверобой остался охранять челнок. Дуплистое дерево лежало невдалеке от берега на склоне горы. Хаттер осторожно пробирался вперед, останавливаясь через каждые три шага и прислушиваясь, не раздастся ли где-нибудь вражеская поступь. Однако повсюду по-прежнему господствовала мертвая тишина, и они добрались до места без всяких неприятных случайностей.

– Здесь, – прошептал Хаттер, ставя ногу на ствол упавшей липы. – Сперва передай мне весла и затем вытащи лодку как можно осторожнее, потому что, в конце концов, эти негодяи могли оставить ее нам вместо приманки.

– Держи, старик, мое ружье наготове, прикладом ко мне, – ответил Марч. – Если они нападут, когда я буду нести лодку, мне хочется, по крайней мере, выпустить в них один заряд. Пошупай, есть ли на полке порох.

– Все в порядке, – пробормотал Хаттер. – Когда взвалишь на себя ношу, иди не торопясь, я буду указывать тебе дорогу.

Непоседа с величайшей осторожностью вытащил из дупла челнок, поднял его себе на плечи и вместе с Хаттером двинулся в обратный путь, стараясь не поскользнуться на крутом склоне. Идти нужно было недалеко, но спуск оказался очень трудным. Перед окончанием этого маленького путешествия Зверобой пришлось сойти на берег и помочь товарищам протащить челнок сквозь густые заросли. С его помощью они успешно с этим справились, и вскоре легкое судно уже покачивалось на воде рядом с первым челноком. Ожидая появления врагов, трое спутников тревожно осматривали прибрежные холмы и леса. Но всюду по-прежнему царила тишина, и они отплыли с такими же предосторожностями, как и при высадке.

Хаттер держал курс прямо к середине озера. Отойдя подальше от берега, старик отвязал только что добытый челнок, зная, что теперь он будет медленно дрейфовать, подгоняемый легким южным ветерком, и его нетрудно будет отыскать на обратном пути. Освободившись от этой помехи, Хаттер направил свою лодку к тому месту, где Непоседа днем так неудачно пытался убить оленя. Расстояние от этого пункта до истока не превышало одной мили, и, следовательно, им предстояло высадиться на вражеской территории. Надо было действовать особенно осторожно. Однако они благополучно достигли крайней оконечности косы и высадились на уже известном нам усыпанном галькой побережье. В отличие от того места, где они недавно сходили на берег, здесь не нужно было подниматься по крутому склону, так как горы обрисовывались во мраке приблизительно в одной четверти мили далее к западу, а между их подошвой и побережьем тянулась низина. Длинная, поросшая высокими деревьями песчаная коса имела всего лишь несколько ярдов в ширину. Как и в первый раз, Хаттер и Непоседа сошли на берег, оставив челнок на попечение товарища.

Древесный ствол, в котором был спрятан челнок, лежал посредине косы. Зная, что здесь вода находится слева от него, старик направился вдоль восточного берега косы и шел смело, соблюдая, однако, необходимую осторожность. Он высадился на самом мысу с целью осмотреть бухту и убедиться, что в глубине ее никого нет. Иначе он подплыл бы к берегу прямо против того места, где лежало дуплистое дерево. Отыскать его было нетрудно. Вытащив челнок, они не понесли его туда, где поджидал Зверобой, а тут же спустили в воду. Непоседа сел на весла и обогнул косу, а Хаттер вернулся обратно по берегу. Завладев всеми лодками на озере, мужчины почувствовали себя увереннее. Они уже не испытывали прежнего лихорадочного желания скорее покинуть берег и не считали нужным соблюдать прежнюю осторожность. Вдо-

бавок они находились на самом конце узкой полоски земли, и неприятель мог приблизиться к ним только с фронта.

Это, естественно, увеличивало ощущение безопасности. Вот при таких-то обстоятельствах они сошлись на усыпанном галькой низком мысу и начали совещаться.

– Ну, кажется, мы опередили этих негодяев, – сказал Непоседа посмеиваясь, – и если они хотят теперь навестить «замок», то пусть проделают это вплавь. Старый Том, твоя мысль укрыться на озере, право, недурна. Многие думают, будто земля надежнее воды, но, в конце концов, разум доказывает нам, что это совсем не так. Бобры, крысы и другие смышленные твари спасаются в воде, когда им приходится круто. Мы занимаем надежную позицию и можем вызвать на бой всю Канаду.

– Гребите вдоль южного берега, – сказал Хаттер, – надо посмотреть, нет ли где-нибудь лагеря. Но сперва дайте мне заглянуть в глубь бухты – ведь мы не знаем, что тут делается.

Хаттер умолк, и челнок двинулся в указанном им направлении. Но едва гребцы увидели конец бухты, как оба разом бросили весла. Очевидно, какой-то предмет в один и тот же миг поразил их внимание. Это был всего-навсего гаснущий костер, который отбрасывал дрожащий слабый свет. Но в такой час и в таком месте это казалось необычайно знаменательным. Никто не сомневался, что костер горит на индейской стоянке. Огонь развели таким образом, что увидеть его можно было только с одной стороны, да и то лишь на самом близком расстоянии – предосторожность не совсем обычная. Хаттер знал, что поблизости имеется родник питьевой воды и что здесь самая рыбная часть озера, поэтому он решил, что в лагере должны находиться женщины и дети.

– Это не военный лагерь, – прошептал он Непоседе. – Вокруг этого костра расположилось на ночлег столько скальпов, что можно заработать уйму денег. Отошли парня с челноками подальше, потому что от него здесь не будет никакого проку, и приступим тотчас же к делу, как подобает мужчинам.

– Твои слова не лишены здравого смысла, старый Том, и мне они по душе. Садись-ка в челнок, Зверобой, гребь к середине озера и пусти там второй челнок по течению таким же манером, как и первый. Затем плыви вдоль берега к входу в заводь, только не огибай мыс и держись подальше от тростников. Ты услышишь наши шаги, а если опоздаешь, я стану подражать крику гагары. Да, крик гагары пусть будет условным сигналом. Если услышишь выстрел и тебе тоже захочется подраться, что ж, можешь подплыть ближе к берегу, и тогда посмотрим, такая ли у тебя верная рука на дикарей, как на дичь.

– Если вы оба хотите считаться с моими желаниями, то лучше не затевай этого дела, Непоседа.

– Так-то оно так, малый, но с твоими желаниями считаться никто не желает – и крышка! Итак, плыви на середину озера, а когда вернешься обратно, здесь уже начнется потеха.

Молодой человек сел за весла с большой неохотой и с тяжелым сердцем. Однако он слишком хорошо знал нравы пограничных жителей и не пытался переубедить их. Впрочем, при создавшихся обстоятельствах это было бы не только бесполезно, но даже опасно. Итак, он молча и с прежними предосторожностями вернулся на середину зеркального водного пространства и там отпустил только что добытый челнок, который под легким дуновением южного ветерка начал дрейфовать к «замку». Как раньше, так и теперь это было сделано в твердой уверенности, что до наступления дня ветер отнесет легкие лодки не больше чем на одну-две мили и вновь поймать их будет нетрудно. А чтобы какой-нибудь бродячий дикарь не воспользовался челноками, добравшись до них вплавь – что было возможно, хотя и не очень вероятно, – предварительно убрали все весла.

Пустив пустой челнок по течению, Зверобой повернул свою лодку к мысу, который указал ему Непоседа. Крохотное суденышко двигалось так легко и опытная рука гребла с такой силой, что не прошло и десяти минут, как он снова приблизился к земле, проплыв за это корот-

кое время не менее полумили. Лишь только глаза Зверобоя различили во тьме покачивающиеся тростники, заросли которых тянулись в ста футах от берега, он остановил челнок, ухватившись за гибкий, но прочный стебель одного из этих растений. Здесь он и остался, поджидая с легко понятным волнением исхода рискованного предприятия.

Как мы уже говорили, Зверобой впервые в жизни попал на озеро. До сих пор ему приходилось видеть лишь реки и небольшие ручьи, и никогда еще столь обширное пространство лесной пустыни, которую он так любил, не расстилалось перед его взором. Однако, привыкнув к жизни в лесу, он мог представить себе все скрытые внутри тайны, глядя на лиственный покров. Кроме того, он впервые участвовал в деле, от исхода которого зависела человеческая жизнь. Он часто слышал рассказы о пограничных войнах, но еще никогда не встречался с врагами лицом к лицу.

Итак, читатель легко поймет, с каким нетерпением молодой человек в своем одиноком челноке старался уловить малейший шорох, по которому он мог судить, что творится на берегу. Зверобой прошел превосходную предварительную подготовку, и, несмотря на волнение, естественное для новичка, его выдержка сделала бы честь ветерану. С того места, где он находился, нельзя было заметить ни малейших признаков лагеря или костра. Зверобой вынужден был руководствоваться исключительно слухом. Один раз ему показалось, что где-то раздался треск сухих сучьев, но напряжение, с которым он прислушивался, могло обмануть его.

Так в томительном ожидании минута бежала за минутой. Прошел уже целый час, а все было по-прежнему тихо. Зверобой не знал, радоваться или печалиться такому промедлению: оно, по-видимому, гарантировало безопасность его спутникам, но в то же время сулило гибель существам слабым и невинным. Что же делать дальше? Если он послушается сигнала и отплывет так далеко от места первоначальной высадки, жизнь людей, которые рассчитывают на него, может оказаться в опасности. А если он не откликнется на этот призыв, то последствия могут оказаться в равной степени губительными. Полный нерешимости, он ждал, надеясь, что крик, естественный или искусственный, должен повториться. Он не ошибся. Несколько минут спустя пронзительный и тревожный призыв снова прозвучал в той же части озера. На этот раз Зверобой был начеку, и слух не мог обмануть его. Ему часто приходилось слышать изумительно ловкие подражания голосу гагары, и сам он умел воспроизводить эти вибрирующие ноты, тем не менее юноша был совершенно уверен, что Непоседа никогда не сможет так удачно следовать природе. Итак, он решил не обращать внимания на этот крик и подождать другого, менее совершенного, который должен был прозвучать где-нибудь гораздо ближе.

Едва успел Зверобой прийти к этому решению, как глубокая ночная тишина была нарушена воплем, таким жутким, что он должен был изгнать из ума слушателя всякое воспоминание о заунывном кличе гагары. Это был вопль агонии, изданный женщиной или мальчиком-подростком. Нетрудно было понять смысл этого крика. В нем звучал смертельный страх; вызвавшая его телесная или душевная боль была столь же внезапна, сколь и ужасна.

Молодой человек выпустил из рук стебель тростника и погрузил весло в воду. Но он не знал, что делать, куда направить челнок. Впрочем, несколько мгновений спустя нерешительность его исчезла. Совершенно отчетливо раздался треск ветвей, потом хруст сучьев и топот ног. Звуки эти, видимо, приближались прямо к берегу несколько севернее того места, вблизи которого Зверобой велено было держаться. Следуя этому указанию, молодой человек погнал челнок вперед, уже не заботясь о том, что его могут заметить. Он вскоре достиг того места, где довольно высокие берега почти отвесно подымались вверх.

Какие-то люди, очевидно, пробирались сквозь кусты и деревья. Они бежали вдоль берега, вероятно, отыскивая удобное место для спуска. В этот миг пять или шесть ружей выпалили одновременно, и, как всегда, холмы на противоположном берегу ответили гулким эхом на сухой треск выстрелов. Вслед за этим раздался один или два крика, какие вырываются при

неожиданном испуге даже у самых отчаянных храбрецов, и в кустах началась возня: очевидно, там боролись два человека.

– Скользящий дьявол! – яростно воскликнул Непоседа. – У него кожа намазана салом. Я не могу ухватить его. Ну так вот, получай за свою хитрость!

Слова эти сопровождались падением тяжелого тела среди мелких деревьев, окаймлявших берег, и Зверобой понял, что его товарищ-великан отшвырнул от себя врага этим бесцеремонным способом. Тут бегство и преследования возобновились. Затем юноша увидел, как чья-то фигура появилась на склоне холма и пробежала несколько ярдов по направлению к воде. Очевидно, человек бежал сломя голову и не обращая внимания на производимый им шум, потому что заметил челнок, который в этот критический момент находился уже невдалеке от берега. Чувствуя, что если ему суждено вообще встретить товарищей, то это должно совершиться здесь, Зверобой погнал лодку вперед, на выручку. Но не успел он сделать и двух взмахов весла, как послышался голос Непоседы и на берегу раздались страшнейшие ругательства: сам Непоседа скатился на узкую полоску берега, буквально облепленный со всех сторон индейцами. Уже лежа на земле и почти задушенный своими врагами, силач издал крик гагары так неискусно, что при менее опасных обстоятельствах это могло бы вызвать смех. Человек, уже спустившийся к воде, казалось, устыдился своего малодушия и повернул обратно к берегу, на помощь товарищу, но тут шесть новых преследователей, которые в эту самую минуту спрыгнули на прибрежный песок, набросились на него и немедленно его скрутили.

– Пустите, размалеванные гадины, пустите меня! – кричал Непоседа, попавший в слишком серьезную переделку, чтобы выбирать выражения. – Мало того, что я свалился, как подпиленное дерево, так вы еще душите меня!

Зверобой заключил из этих слов, что друзья его взяты в плен и что выйти на берег – значит разделить их участь. Он находился не далее ста футов³⁷ от берега. Несколько своевременных взмахов веслом в шесть или восемь раз увеличили расстояние, отделявшее его от неприятеля. Зверобой не смог бы отступить так безнаказанно, если бы, на его счастье, индейцы не побросали свои ружья во время преследования; впрочем, в разгаре схватки ни один из них не заметил челнока.

– Держись подальше от берега, парень! – крикнул Хаттер. – Девочкам теперь не на кого рассчитывать, кроме тебя. Понадобится вся твоя хитрость, чтобы спастись от этих дикарей. Плыви! И пусть бог поможет тебе, как ты поможешь моим детям.

До сих пор между Хаттером и молодым человеком не существовало особой симпатии, но телесная и душевная мука, прозвучавшая в этом крике, в один миг заставила Зверобоя позабыть обо всех недостатках старика. Он видел только страдающего отца и решил тотчас же дать торжественное обещание позаботиться о его интересах и, разумеется, сдержать слово.

– Не горюйте, Хаттер! – крикнул он. – Я позабочусь о ваших девочках и о «замке». Неприятель захватил берег, этого отрицать нельзя, но он еще не захватил воду. Никто не знает, что с нами случится, но я сделаю все, что могу.

– Эх, Зверобой, – подхватил Непоседа своим громовым голосом, потерявшим, впрочем, свою обычную веселость, – эх, Зверобой, намерения у тебя благие, но что ты можешь сделать? Даже в лучшие времена от тебя было немного проку, и такой человек, как ты, вряд ли совершит чудо. Здесь на берегу по крайней мере четыре десятка дикарей, и с таким войском тебе не управиться. По-моему, лучше возвращайся прямо к «замку», посади девчонок в челнок, захвати немного провизии и плыви от того уголка озера, где мы были, прямо на Мохаук. В течение ближайших часов эти черти не будут знать, где искать тебя, а если и догадаются, им придется бежать вокруг озера, чтобы добраться до тебя. Таково мое мнение, и если старый Том

³⁷ То есть тридцати метров.

хочет составить завешание и выразить последнюю волю в пользу своих дочек, то он должен сказать то же самое.

– Не делай этого, молодой человек, – возразил Хаттер. – Неприятель повсюду разослал разведчиков на поиски челноков, – тебя сразу увидят и возьмут в плен. Отсиживайся в «замке» и ни под каким видом не приближайся к земле. Продержись только одну неделю, и солдаты из форта прогонят дикарей...

– Не пройдет и двадцати четырех часов, старик, как эти лисицы уже поплывут на плотках штурмовать твой «замок»! – перебил Непоседа с такой запальчивостью, какую вряд ли можно было ожидать от человека, взятого в плен и связанного так, что на свободе у него остался только язык. – Совет твой звучит разумно, но приведет к беде. Если бы мы с тобой остались дома, пожалуй, еще можно было продержаться несколько дней. Но вспомни, что этот парень до сегодняшнего вечера никогда не видел врага, и ты сам говорил, что он неженка, которому следовало бы жить в городе. Хотя я думаю, что в городах и в наших поселениях совесть у людей не лучше, чем в лесу... Зверобой, дикари знаками приказывают мне подзвать тебя поближе с челноком, но это не пройдет. Что касается меня и старого Тома, то никто, кроме самого дьявола, не знает, оскальпируют ли нас сегодня же ночью, пощадят ли до завтра, чтобы сжечь на костре, или уведут в Канаду. У меня такая здоровенная косматая шевелюра, что дикари, вероятно, захотят сделать из нее два скальпа. Премии – вещь соблазнительная, иначе мы со старым Томом не попали бы в беду... Ага, они снова делают мне знаки, но если я посоветую тебе плыть к берегу, пусть они не только зажарят, но и съедят меня. Нет, нет, Зверобой, держись подальше, а когда рассветет, ни в коем случае не подплывай к берегу ближе чем на двести ярдов...

Это восклицание Непоседы прервано было чьей-то рукой, грубо ударившей его по губам; один из индейцев, очевидно, немного понимал по-английски и наконец догадался, куда ведут все эти речи. Вслед за этим шайка скрылась в лесу, причем Хаттер и Непоседа, видимо, не оказывали никакого сопротивления. Однако, когда стих треск ветвей, голос отца слышался снова.

«Береги моих детей, и да поможет бог тебе, молодой человек!» – были последние слова, долетевшие до ушей Зверобоя.

Он остался один и понял, что ему придется самому решать, как действовать дальше.

После того как индейцы исчезли в лесу, несколько минут прошло в мертвом молчании. До берега было более двухсот ярдов, и в ночной темноте Зверобой едва мог различить движения дикарей, но даже эти смутные очертания людских фигур несколько оживляли пейзаж и служили контрастом наступившему затем полному одиночеству. Хотя молодой человек вытянулся вперед, затаив дыхание и весь превратившись в слух, до его ушей не долетело больше ни одного звука, свидетельствующего о близости человеческих существ. Казалось, никто никогда не нарушал царившую кругом тишину; в этот миг даже страшный вопль, недавно огласивший молчание лесов, или разглагольствования Марча были бы утешением для молодого охотника, которым овладело чувство полной заброшенности.

Однако человек с таким душевным и физическим складом, как Зверобой, не мог долго оставаться в оцепенении. Погрузив весло в воду, он повернул челнок и медленно, в глубокой задумчивости направился к центру озера. Достигнув места, где он пустил по течению последний челнок, Зверобой круто повернул к северу, стараясь, чтобы легкий ветерок дул ему в спину. Пройдя на веслах около четверти мили в эту сторону, он заметил немного справа от себя какой-то темный предмет и, сделав поворот, вскоре привязал отпущенный челнок к своей лодке. Затем Зверобой посмотрел на небо, определил направление ветра и выяснил положение обоих челноков. Не заметив нигде ничего, что могло бы заставить его изменить свои планы, он лег и решил несколько часов поспать.

Хотя люди смелые и сильно утомленные спят крепко даже среди опасностей, прошло немало времени, прежде чем Зверобой удалось забыться. Происшествия этой ночи были еще

свежи в его памяти, и, не переставая в полузабытии думать о них, он словно грезил наяву. Внезапно он совсем пробудился: ему почудилось, будто Непоседа дает сигнал подойти к берегу.

Но снова все стало тихо, как в могиле. Челнок медленно дрейфовал к северу, задумчивые звезды в кротком величии мерцали на небе, и водная ширь, со всех сторон окруженная каймою леса, покоилась между горами так тихо и печально, как будто ее никогда не волновали ветры и не озаряло полуденное солнце. Дрожащий крик гагары еще раз прозвучал у истока озера, и Зверобой понял, что заставило его внезапно проснуться. Он поправил свое жесткое изголовье, вытянулся на дне челнока и уснул.

Глава VII

*Гладь озера! Простор твой тихоструйный,
Столь чуждый шума, словно шепчет мне,
Что должен я уйти от жизни бурной,
От мутных волн – к прозрачной глубине,
Меня крылатый парус в тишине
Мчит от скорбей. Пусть океан безбрежный
Шумел в былом, в чуть плещущей волне
Упрек сестры я различаю нежный
За то, что отдался весь жизни я мятешной.*

Байрон. «Чайльд Гарольд»³⁸

Уже совсем рассвело, когда молодой человек снова открыл глаза. Он тотчас же вскочил и огляделся по сторонам, понимая, как важно ему поскорее уяснить себе свое положение. Сон его был глубок и спокоен; он проснулся со свежей головой и ясными мыслями, что было необходимо при сложившихся обстоятельствах. Правда, солнце еще не взошло, но небесный свод отливал нежными красками, которые знаменуют начало и окончание дня, и весь воздух звенел от птичьего пения. Этот утренний гимн пернатого племени предупредил Зверобоя о грозившей ему опасности.

Легкий, едва заметный ветерок за ночь слегка усилился, а так как легкие челноки двигались на воде, словно перышки, то и отплыли вдвое дальше, чем рассчитывал охотник. Совсем недалеко виднелось подножие горы, которая вздымалась круто на восточном берегу, и Зверобой уже явственно слышал пение птиц. Но это было не самое худшее. Третий челнок дрейфовал в том же направлении и теперь медленно подплывал к мысу; еще немного – и он уткнулся бы носом в берег. Лишь внезапная перемена ветра или человеческая рука могли бы отогнать его от берега. Кроме этого, не было ничего тревожного. «Замок» по-прежнему возвышался на своих сваях приблизительно на одной линии с челноками, и ковчег, пришвартованный к столбам, покачивался на воде там же, где его оставили несколько часов назад.

Понятно, что прежде всего Зверобой занялся передним челноком, который был уже почти у самого мыса. Взмахнув несколько раз веслом, охотник увидел, что суденышко коснется берега раньше, чем он сможет его нагнать. Как раз в эту минуту ветер совсем некстати вдруг посвежел, и легкая лодочка еще быстрее понеслась к земле. Понимая, что ему не догнать челнок, молодой человек благоразумно решил не тратить понапрасну сил. Осмотрев затравку своего ружья и повернув предварительно лодку таким образом, чтобы в него можно было целить только с одной стороны, Зверобой медленно греб по направлению к мысу.

Передний челнок, никем не управляемый, продолжая плыть вперед, наскочил на небольшой подводный камень в трех или четырех ярдах от берега. Как раз в этот момент Зверобой поравнялся с мысом и повернул нос своей лодки к земле. Желая сохранить при этом полную свободу движений, юноша отвязал третий челнок, шедший на буксире. Передний челнок на одну секунду застрял на камне. Затем накатилась незаметная глазу волна, суденышко поплыло вновь и уткнулось в прибрежный песок.

Молодой человек заметил все это, но пульс его не ускорился и движения рук были по-прежнему спокойны. Если кто-нибудь притаился на берегу, поджидая челнок, то следовало очень осторожно подвигаться вперед; если же в засаде никто не сидел, то не к чему было и торо-

³⁸ Перевод О. Чюминой.

питься. Мыс тянулся как раз против индейской стоянки на противоположном берегу озера. Быть может, там не было ни души, но следовало приготовиться к худшему, так как индейцы, по своему обычаю, наверное, разослали повсюду лазутчиков, чтобы отыскать лодку, которая могла бы доставить их к «замку». Достаточно было раз взглянуть на озеро с любой окрестной возвышенности, чтобы увидеть самый мелкий предмет на его поверхности. Поэтому трудно было надеяться, что челноки останутся незамеченными. Любой индеец по направлению ветра мог определить, в какую сторону поплывет челнок или бревно.

По мере того как Зверобой приближался к земле, он греб все медленнее и медленнее, весь превратившись в слух и зрение, чтобы вовремя заметить угрожающую опасность. Для новичка это была трудная минута. Ведь робкие люди становятся смелее, если знают, что за ними следят друзья и обсуждают их действия. Зверобоя не подбадривало даже и это. Он был совершенно один, предоставлен своим собственным силам, и ничей дружеский голос не ободрял его. Несмотря на это, самый опытный ветеран лесных войн не мог бы действовать лучше. Молодой охотник не проявил в данном случае ни безрассудной смелости, ни малодушных колебаний. Он подвигался вперед обдуманно и осторожно, устремив все свое внимание лишь на то, что могло способствовать достижению намеченной цели. Так началась военная карьера этого человека, впоследствии прославившегося в своем кругу не меньше, чем многие герои, имена которых украшают страницы произведений гораздо более знаменитых, чем наша прозаическая повесть.

Очутившись приблизительно в сотне ярдов от берега, Зверобой поднялся в челноке, несколько раз взмахнул веслом с такой силой, чтобы суденышко достигло берега, и затем, быстро откинув орудие гребли, схватился за орудие войны. Он уже поднимал свой карабин, когда громкий выстрел, сопровождавшийся свистом пули, которая пролетела совсем близко от тела юноши, заставил его невольно отпрянуть назад. В следующий миг охотник зашатался и упал на дно челнока. Тотчас же раздался пронзительный вопль, и на открытую лужайку у мыса выскочил из кустов индеец, направившийся прямо к челноку. Молодой человек поджидал это мгновение. Он снова поднялся и навел ружье на ничем не защищенного врага. Но палец его остановился, прежде чем спустить курок. Эта маленькая проволочка спасла жизнь индейцу, который умчался обратно под прикрытие так же проворно, как только что выскочил наружу. Тем временем Зверобой быстро приближался к земле, и челнок достиг мыса как раз в тот момент, когда скрылся враг. Никто не управлял челноком, и он пристал к берегу в нескольких ярдах от второй лодки. Индеец, вероятно, еще не успел зарядить ружье, однако у Зверобоя было слишком мало времени, чтобы захватить желанный челнок и отвести его на безопасное расстояние, прежде чем последует второй выстрел. Поэтому охотник, не теряя даром ни одного мгновения, бросился в лес и стал под прикрытие.

На самом конце мыса находилась небольшая лужайка, медами поросшая травой, местами засыпанная прибрежным песком. Лишь с одной стороны ее окаймляла густая бахрома кустов. Миновав этот узкий пояс карликовой растительности, вы сразу же попадали под высокие и угрюмые своды леса. На протяжении нескольких сот ярдов тянулся ровный пологий берег, за которым поднималась крутая гора. Высокие толстые деревья, у подножия которых кустарник не рос, напоминали огромные, неправильно размещенные колонны, поддерживавшие лиственный свод. Хотя для своего возраста и размеров они стояли довольно тесно друг подле друга, все же между ними оставались порядочные просветы, так что можно было видеть, что делается далеко впереди. При надлежащей зоркости и сноровке можно было без труда разглядеть даже людей, стоявших под прикрытием.

Зверобой знал, что его враг, если он только не пустился в бегство, заряжает теперь свое ружье. Это предположение подтвердилось: не успел молодой человек встать за дерево, как увидел мельком руку индейца, который, спрятавшись за большим дубом, забивал пулю в дуло своего ружья. Проще всего было бы ринуться вперед и на месте покончить с безоружным врагом,

но совесть Зверобоя возмутилась при мысли о таком поступке, несмотря на то что его самого только что чуть не подстрелили из засады. Он еще не привык к приемам военного искусства, о которых знал только понаслышке, и ему казалось неблагородным напасть на безоружного врага. Лицо его покраснело, брови нахмурились, губы сжались; но, вместо того чтобы поскорее выстрелить, он взял ружье на изготовку и пробормотал про себя:

– Нет, нет! Пусть язычник зарядит свое ружье, и тогда мы посмотрим. Но челнока он не получит!

Все это время индеец был так поглощен своим занятием, что даже не заметил присутствия врага. Он только боялся, как бы челнок не захватили и не увели от берега прежде, чем ему удастся помешать этому. Он находился всего в нескольких футах от кустов и, приготовившись к выстрелу, в один миг мог очутиться на опушке. Противник находился в пятидесяти ярдах от него, а деревья, кроме тех двух, за которыми прятались сражающиеся, были расположены таким образом, что не закрывали поля зрения.

Зарядив наконец ружье, дикарь огляделся по сторонам и пошел вперед, ловко укрываясь от предполагаемой позиции своего врага, но очень неловко от действительной опасности. Тогда Зверобой тоже выступил из-за прикрытия и окликнул его:

– Сюда, краснокожий, сюда, если ты ищешь меня. Я еще не очень искусен в военном деле, но все же не настолько, чтобы остаться на открытом берегу, где меня можно подстрелить, как сову при дневном свете. От тебя одного зависит, быть между нами миру или вой не, потому что я не из тех, кто привык убивать людей втихомолку.

Индеец удивился, так внезапно заметив угрожавшую ему опасность. Однако он знал немного английский язык и понял общий смысл сказанных ему слов. К тому же он был слишком хорошо вышколен, чтобы обнаружить свой испуг. С доверчивым видом опустив приклад ружья на землю, он сделал рукой приветственный жест. При этом он не потерял самообладания, подобающего человеку, который считает себя выше всех. Но вулкан, бушевавший в его груди, заставлял глаза его сверкать и ноздри раздуваться подобно ноздрям хищного зверя, которому неожиданно помешали сделать роковой прыжок.

– Два челнока, – сказал он низким горловым голосом, свойственным людям его расы, и вытянул вперед два пальца, во избежание всякой ошибки: – Один мне, другой тебе.

– Нет, нет, минг, это не пройдет! Челноки чужие, и ты не получишь ни одного, поскольку это зависит от меня. Я знаю, теперь идет война между твоим и моим народом, но это еще не причина, чтобы люди убивали друг друга, как дикие звери, случайно встретившиеся в лесу. Ступай своей дорогой, а я пойду моей. Земля достаточно широка для нас обоих, а если мы встретимся в честном бою, тогда пусть сам бог решает, кому жить, а кому умереть.

– Хорошо! – воскликнул индеец. – Мой брат миссионер. Много говорит. Все о Маниту³⁹.

– Нет, нет, воин. Я недостаточно хорош для моравских братьев. Я вряд ли гожусь для того, чтобы читать в лесу проповеди разным бродягам. Нет, нет, в мирное время я только охотник, хотя при случае мне, может быть, придется сразить одного из твоих соплеменников. Только я предпочел бы сделать это в честном бою, а не ссорясь из-за какого-то жалкого челнока.

– Хорошо! Мой брат молод, но очень мудр. Плохой воин, но хорошо говорит. Вождь в совете.

– Ну, этого я не скажу, – возразил Зверобой, слегка покраснев от плохо скрытой насмешки в словах индейца. – Мне хотелось бы провести свою жизнь в лесу, и провести мирно. Все молодые люди должны идти по тропе войны, когда для этого представляется случай, но одно дело война, другое – бессмысленная резня. Сегодня ночью я убедился, что провидение осуждает бесполезное убийство. Поэтому я предлагаю тебе идти твоей дорогой, а я пойду моей, и, надеюсь, мы расстанемся друзьями.

³⁹ Маниту – наименование верховного духа у некоторых индейских племен.

– Хорошо! У моего брата два скальпа – седые волосы под черными. Мудрость старика, язык юноши.

Тут дикарь приблизился с доверчивым видом, протянув руку и улыбаясь. Оба они обменялись рукопожатиями, уверяя друг друга в своей искренности и в желании заключить мир.

– Каждому свое, – сказал индеец, – мой челнок мне, твой челнок тебе. Пойдем посмотрим: если он твой, бери его; если он мой, я возьму.

– Будь по-твоему, краснокожий. Хотя ты ошибаешься, говоря, что челнок принадлежит тебе. Но за показ денег не берут. Пойдем на берег, и убедись собственными глазами, если не веришь мне.

Индеец снова воскликнул «Хорошо!», и они зашагали рядом по направлению к берегу. Никто из них не выказывал ни малейшего недоверия, и индеец шел впереди, как бы желая доказать своему новому знакомому, что не боится повернуться к нему спиной. Когда они выбрались на открытое место, дикарь указал на челнок Зверобоя и произнес выразительно:

– Не мой – бледнолицего челнок. Тот – краснокожего. Не хочу чужого челнока, хочу свой.

– Ты ошибаешься, краснокожий, ты жестоко ошибаешься. Челнок был оставлен в тайнике стариком Хаттером и принадлежит ему по всем законам, белым или красным. Взгляни на эти скамьи для сидения – они говорят за себя. Это не индейская работа.

– Хорошо. Мой брат еще не стар, но очень мудр. Индейцы таких не делают. Работа белых людей.

– Очень рад, что ты согласен, потому что иначе нам пришлось бы поссориться. А теперь каждому свое, и я сейчас же уберу этот челнок подальше, чтобы покончить спор.

С этими словами Зверобой поставил ногу на борт легкой лодки и сильным толчком отогнал ее в озеро футов на сто или более, где, подхваченная течением, она должна была обогнуть мыс, не подходя к берегу. Дикарь вздрогнул, увидя этот решительный поступок. Зверобой заметил, как индеец бросил быстрый, но свирепый взгляд на другой челнок, в котором лежали весла. Лицо краснокожего, впрочем, изменилось лишь на секунду. Ирокез снова принял дружелюбный вид и приятно осклабился.

– Хорошо, – повторил он еще более выразительно. – Молодая голова, старый ум. Знает, как кончать споры. Прощай, брат. Плыви в свой водяной дом, в Гнездо Выхухоли. Индеец пойдет в свой лагерь, скажет вождям: не нашел челнока.

Зверобой с большим удовольствием выслушал это предложение, так как ему не терпелось поскорее вернуться к девушкам, и добродушно пожал руку, протянутую ему индейцем. По-видимому, они расстались друзьями, и, в то время как краснокожий спокойно повернул обратно в лес, неся ружье под мышкой и ни разу не оглянувшись назад, бледнолицый направился к оставшемуся челноку. Свое ружье он нес столь же мирным образом, но не переставал следить за каждым движением индейца. Впрочем, подобная недоверчивость вскоре показалась ему неуместной, и, как бы устыдившись, молодой человек отвернулся и беззаботно шагнул в лодку. Здесь он начал готовиться к отплытию. Так прошло около минуты, когда, случайно обернувшись, он своим быстрым и безошибочным взглядом заметил страшную опасность, грозившую его жизни. Черные свирепые глаза дикаря, как глаза притаившегося тигра, смотрели на него сквозь небольшой просвет в кустах. Ружейная мушка уже опустилась на один уровень с телом юноши.

Тут богатый охотничий опыт Зверобоя оказал ему хорошую услугу. Привыкнув стрелять дичь на бегу, когда действительное положение животного приходится определять скорее внутренним чутьем, чем зрением, Зверобой воспользовался теперь тем же приемом. В одно мгновение он поднял карабин, взвел курок и, почти не целясь, выстрелил в кусты, где, как он знал, должно было находиться тело, поддерживавшее на своих плечах ту страшную голову, которая одна только оставалась на виду. Поднять ружье немного выше или прицелиться более тщательно не было времени. Он проделал это так быстро, что противники разрядили свои ружья в один и тот же миг, и грохот двух выстрелов слился в один звук. Горы послали в ответ одно общее эхо.

Зверобой опустил ружье и, высоко подняв голову, остался стоять твердо, как сосна в безветренное июньское утро, тогда как индеец испустил пронзительный вой, выскочил из-за кустов и побежал через лужайку, потрясая томагавком. Зверобой все еще стоял с разряженным ружьем у плеча, и лишь по охотничьей привычке рука его машинально нащупывала роговую пороховницу и шомпол. Подбежав к врагу футов на сорок, дикарь швырнул в него свой топор. Но взор минга уже затуманился, рука ослабела и дрожала; молодой человек без труда поймал за рукоятку пролетевший мимо томагавк. В этот миг индеец зашатался и рухнул на землю, вытянувшись во весь рост.

– Я знал это, я это знал! – воскликнул Зверобой, уже готовившийся загнать новую пулю в дуло своего карабина. – Я знал, что этим кончится, когда поймал взгляд этой твари. Человек вмиг все замечает и стреляет очень проворно, когда опасность грозит его жизни. Да, я знал, что этим кончится. Я опередил его на одну сотую долю секунды, иначе мне пришлось бы плохо. Пуля пролетела как раз мимо моего бока. Говорите что хотите, но краснокожий совсем не так ловко обращается с порохом и пулей, как бледнолицый. Видно, нет у них к этому прирожденной способности. Даже Чингачгук хоть и ловок, но из карабина не всегда бьет наверняка.

Говоря это, Зверобой зарядил ружье и швырнул томагавк в челнок. Приблизившись к своей жертве, он в печальной задумчивости стоял над ней, опираясь на карабин. В первый раз ему пришлось видеть человека, павшего в бою, и это был первый ближний, на которого он поднял руку. Ощущение было совершенно ново для него, и к торжеству примешивалась жалость. Индеец еще не умер, хотя пуля насквозь пронизала его тело. Он неподвижно лежал на спине, но глаза его наблюдали за каждым движением победителя, как глаза пойманной птицы за движениями птицелова. Он, вероятно, ожидал, что враг нанесет ему последний удар, перед тем как снять скальп, или, быть может, боялся, что это жестокое дело совершится еще прежде, чем он испустит дух. Зверобой угадал его мысли и с печальным удовлетворением поспешил утешить беспомощного дикаря.

– Нет, нет, краснокожий, – сказал он, – тебе больше нечего бояться. Снимать скальпы не в моем обычае. Я сейчас подберу твоё ружье, а потом вернусь и сделаю для тебя все, что могу. Впрочем, мне нельзя здесь слишком задерживаться, так как три выстрела подряд, пожалуй, привлекут сюда кое-кого из ваших чертей.

Последние слова молодой человек произнес про себя, так как разыскивал в это время ружье, которое оказалось там, где владелец бросил его.

Оставив в челноке ружье индейца и свой карабин, Зверобой вернулся к умирающему.

– Всякая вражда между нами кончена, краснокожий, – сказал он. – Ты можешь успокоить свое сердце в отношении скальпа и прочих жестокостей. Надеюсь, я сумею вести себя, как подобает белому.

Если бы взгляд мог полностью выражать мысли человека, то, вероятно, невинное тщеславие Зверобоя и его бахвальство цветом кожи получили бы маленький щелчок, но он прочитал в глазах умирающего дикаря лишь благодарность и не заметил горькой насмешки, которая боролась с более благородным чувством.

– Воды! – воскликнул несчастный. – Дай бедному индейцу воды!

– Ну, воды ты получишь сколько угодно, хоть выпей досуха все озеро. Я сейчас отнесу тебя туда. Мне так и рассказывали о раненых: вода для них величайшее утешение и отрада.

Сказав это, Зверобой поднял индейца на руки и отнес к озеру. Здесь он прежде всего помог ему утолить палящую жажду, потом сел на камень, положил голову раненого противника к себе на колени и постарался утешить его, как умел.

– Грешно было бы с моей стороны не сказать, что пришло твоё время, воин, – начал он. – Ты уже достиг зрелых лет и при твоём образе жизни, наверное, натворил немало. Дни твои сочтены. Надо подумать о том, что ждет тебя впереди. Краснокожие, как и белые, в большинстве случаев не думают успокоиться в вечном сне, и те и другие собираются жить в ином мире.

Каждого из нас будут судить на том свете по его делам. Я полагаю, ты знаешь об этом довольно и не нуждаешься в проповедях. Ты попадешь в леса, богатые дичью, если был справедливым индейцем, а если нет, то будешь изгнан в пустыню. У меня несколько иные понятия на этот счет. Но ты слишком стар и опытен, чтобы нуждаться в поучениях такого юнца, как я.

– Хорошо! – пробормотал индеец. Голос его сохранил свою силу, даже когда жизнь его уже клонилась к закату. – Молодая голова, старая мудрость.

– Когда наступает конец, нам порой утешительно бывает знать, что люди, которых мы обидели или пытались обидеть, прощают нас. Ну, так вот – я совершенно позабыл, что ты покушался на мою жизнь: во-первых, потому, что ты не причинил мне никакого вреда; во-вторых, потому, что ничему другому тебя не учили и мне совсем не следовало бы тебе верить, и, наконец, самое главное, потому, что я не могу таить зло против умирающего, независимо от того, язычник он или христианин. Итак, успокойся, поскольку речь идет обо мне, а что касается всего прочего, то об этом ты знаешь лучше, чем я.

Подобно большинству людей своего племени и подобно многим из нас, умирающий больше думал об одобрении тех, кого он собирался покинуть, чем об участии, поджидавшей его за могилой. И когда Зверобой замолчал, индеец пожалел, что никто из соплеменников не видит, с какой твердостью переносит он телесные муки и встречает неизбежный конец. С утонченной вежливостью, которая так часто бывает свойственна индейскому воину, пока его не испортило общение с наихудшей разновидностью белых людей, он постарался выразить свою благодарность.

– Хорошо, – повторил он, ибо это английское слово чаще других употребляется индейцами, – хорошо, молодая голова и молодое сердце. Хотя и старое сердце не проливает слез. Послушай индейца, когда он умирает и не имеет нужды лгать. Как тебя зовут?

– Теперь я ношу имя Зверобой, хотя делавары говорили, что когда я вернусь обратно с военной тропы, то получу более почетное прозвище, если буду этого заслуживать.

– Это хорошее имя для мальчика – плохое имя для воина. Ты скоро получишь лучшее. Не бойся! – В своем возбуждении индеец нашел в себе достаточно сил, чтобы поднять руку и похлопать молодого человека по груди. – Верный глаз, палец – молния, прицел – смерть... Скоро – великий воин... Не Зверобой – Соколиный Глаз... Соколиный Глаз... Соколиный Глаз... Пожми руку!..

Зверобой, или Соколиный Глаз, как впервые назвал его индеец (впоследствии это прозвище утвердилось за ним), взял руку дикаря, который испустил последний вздох, с восхищением глядя на незнакомца, проявившего столько проворства, ловкости и твердости в таком трудном и новом для него положении.

– Его дух отлетел, – сказал Зверобой тихим и грустным голосом. – Увы мне! Со всеми нами это случается рано или поздно, и счастлив тот, кто независимо от цвета кожи лучше всего

встречает этот миг! Здесь лежит тело храброго воина, а его душа уже улетела на небеса, или в ад, или в леса, богатые дичью. Старик Хаттер и Гарри Непоседа попали в беду; им угрожают, быть может, пытки или смерть – и все ради той награды, которую случай предлагает мне, по-видимому, самым законным и благородным образом. По крайней мере, очень многие именно так рассуждали бы на моем месте. Но нет! Ни одного гроша этих денег не пройдет через мои руки. Белым человеком я родился и белым умру, хотя его королевское величество, его губернаторы и советники в колониях забывают ради мелких выгод, к чему их обязывает цвет кожи. Нет, нет, воин, моя рука не прикоснется к твоему скальпу, и твоя душа в пристойном виде может появиться в стране духов.

Сказав это, Зверобой поднялся на ноги. Затем он прислонил мертвеца спиной к небольшому камню и вообще постарался придать ему положение, которое не могло показаться неприличным очень щепетильным на этот счет индейцам. Исполнив этот долг, молодой человек остановился, рассматривая в грустной задумчивости угрюмое лицо своего павшего врага. Привыкнув жить в полном одиночестве, он опять начал высказывать вслух волновавшие его чувства.

– Я не покушался на твою жизнь, краснокожий, – сказал он, – но мне ничего не оставалось делать, как убить тебя или быть убитым самому. Каждый из нас действовал сообразно своим привычкам, и никого не нужно ругать. Ты действовал предательски, потому что такова уж у вас повадка на войне, а я был опрометчив, потому что слишком легко верю людям. Ладно, это моя первая, хотя, по всей вероятности, не последняя стычка с человеком. Я сражался почти со всеми зверями, живущими в лесу – с медведями, волками, пантерами, – а теперь вот пришлось начать и с людьми. Будь я прирожденный индеец, я мог бы рассказать об этой битве или принести скальп и похвастаться своим подвигом в присутствии целого племени. Если бы врагом был всего-навсего медведь, было бы естественно и прилично рассказывать всем и каждому о том, что случилось. А теперь, право, не знаю, как рассказать об этом даже Чингачгуку, чтобы не получилось, будто я бахвалюсь. Да и чем мне, в сущности, хвастаться? Неужели тем, что я убил человека, хотя это и дикарь? И, однако, мне хочется, чтобы Чингачгук знал, что я не опозорил делавадов, воспитавших меня.

Этот монолог был внезапно прерван появлением на берегу озера, в ста ярдах от мыса, второго индейца. Этот человек, очевидно тоже разведчик, привлеченный звуками выстрелов, вышел из лесу, не соблюдая необходимых предосторожностей, и Зверобой увидел его первый. Секунду спустя, заметив охотника, индеец испустил пронзительный вой. Со всех сторон горного склона откликнулась дюжина громких голосов. Медлить дальше было нельзя; через минуту лодка понеслась от берега, подгоняемая сильными и твердыми ударами весла.

Отплыв на безопасное расстояние, Зверобой перестал грести и пустил лодку по течению, а сам начал озираться по сторонам. Челнок, отпущенный первым, дрейфовал в четверти мили от него и гораздо ближе к берегу, чем было желательно теперь, когда индейцы находились по соседству. Челнок, в свое время приставший к мысу, находился всего в нескольких ярдах. Мертвый индеец в сумрачном спокойствии сидел на прежнем месте; воин, показавшийся из лесу, снова исчез, и лесная чаща была безмолвна и пустынна. Эта глубочайшая тишина царила, впрочем, лишь несколько секунд. Неприятельские разведчики выбежали из чащи на открытую лужайку и разразились яростными воплями, увидя своего мертвого товарища. Впрочем, тотчас же, вслед за тем как краснокожие приблизились к трупу и окружили его, раздались торжествующие возгласы. Зная индейские обычаи, Зверобой сразу понял, почему у них изменилось настроение. Вой выражал сожаление о смерти воина, а ликующие крики – радость, что победитель не успел снять скальп; без этого трофея победа считалась неполной.

Челноки находились на таком расстоянии, что ирокезы и не пытались напасть на победителя; американский индеец, подобно пантере своих родных лесов, редко бросается на врага, не будучи заранее уверен в успехе.

Молодому человеку не к чему было больше мешкать возле мыса. Он решил связать челноки, чтобы отбуксировать их к «замку». Привязав к корме ближайший челн, Зверобой попытался нагнать другой, дрейфовавший в это время по озеру. Всмотревшись пристальнее, охотник поразился: лодка, сверх ожидания, подплыла к берегу гораздо ближе, чем если бы она просто двигалась, подгоняемая легким ветерком. Молодой человек начал подозревать, что в этом месте существует какое-то невидимое подводное течение, и быстрее заработал веслами, желая овладеть челноком, прежде чем тот очутится в опасном соседстве с лесом.

Приблизившись, Зверобой заметил, что челнок явственно движется скорее, чем вода, и, повернувшись бортом против ветра, направляется к земле. Еще несколько взмахов весла – и загадка объяснилась: рядом с челноком что-то шевелилось; при ближайшем рассмотрении оказалось, что это голая человеческая рука. На дне лодки лежал индеец и медленно, но верно направлял ее к берегу, загребая рукой, как веслом. Зверобой тотчас разобрался в искусной проделке. В то время как он управлялся со своим врагом на мысе, другой дикарь вплавь приблизился к лодке, завладел ею и теперь старался пригнать ее к берегу.

Убедившись, что у индейца нет при себе никакого оружия, Зверобой спокойно подплыл почти вплотную к удаляющейся лодке. Лишь только плеск весла достиг слуха индейца, он вскочил на ноги и издал испуганное восклицание, пораженный этой неожиданностью.

– Если ты вдоволь натешился с челноком, краснокожий, – хладнокровно сказал Зверобой, остановив свою лодку как раз вовремя, чтобы избежать столкновения между обоими судами, – если ты вдоволь натешился с челноком, то с твоей стороны самое благоразумное – снова прыгнуть в озеро. Я человек рассудительный и не жажду твоей крови, хотя немало людей увидели бы в тебе просто ордер на получение денег за скальп, а не живое существо. Убирайся в озеро сию минуту, а не то мы поссоримся!

Дикарь не знал ни слова по-английски, но угадал общий смысл речи Зверобоя по его жестам и выражению его глаз. Быть может, и вид карабина, лежавшего под рукой у бледнолицего, придал прыти индейцу. Во всяком случае, он присел, как тигр, готовящийся к прыжку, испустил громкий вопль, и в следующий миг его нагое тело исчезло в воде. Когда он вынырнул, чтобы перевести дух, то находился уже на расстоянии нескольких ярдов от челнока. Беглый взгляд, брошенный им назад, показал, как сильно он боялся прибытия рокового посланца из карабина своего врага. Но молодой человек не выказал никаких враждебных намерений. Твердой рукой привязав челнок к двум другим, он начал грести прочь от берега. Когда индеец вышел на берег и встряхнулся, как спаниель⁴⁰, вылезший из воды, его грозный противник уже находился за пределами ружейного выстрела и плыл по направлению к «замку». По своему обыкновению, Зверобой не упустил случая поговорить с самим собой обо всем происшедшем.

– Ладно, ладно, – начал он, – нехорошо было бы убить человека без всякой нужды. Скальпы меня не прельщают, а жизнь слишком хорошая вещь, чтобы отнимать ее так, за здорово живешь, у человеческого существа. Правда, этот дикарь – минг, и я не сомневаюсь, что он был, есть и будет всю свою жизнь истинным гадом и бродягой. Но для меня это еще не причина позабыть о моих обязанностях. Нет, нет, пусть его удирает. Если мы когда-нибудь встретимся снова с ружьями в руках, что ж, тогда посмотрим, у кого сердце тверже и глаз быстрее. Соколиный Глаз! Недурное имя для воина и звучит гораздо мужественнее и благороднее, чем Зверобой. Для начала это очень сносное прозвище, и оно вполне мною заслужено. Будь Чингачгук на моем месте, он вернулся бы домой, похвалился бы своим подвигом, и вожди в ту же минуту нарекли бы его «Соколиный Глаз». Но мне хвастать не пристало, и потому трудно сказать, каким образом это дело может разгласиться.

Проявив в этих словах человеческую слабость, свойственную его характеру, молодой человек продолжал грести так быстро, как только это было возможно, принимая во внимание,

⁴⁰ Спаниель – охотничья собака, которой пользуются при охоте на болотную и водяную птицу.

что на буксире шли две лодки. В это время солнце уже не только встало, но поднялось над восточными горами и залило волнами яркого света еще не освещенное водное пространство. Весь окрестный пейзаж ослеплял своей красотой, и посторонний наблюдатель, не привыкший к жизни в лесах, никогда не мог бы поверить, что здесь только что совершилось дикое, жестокое дело.

Когда Зверобой приблизился к жилищу старого Хаттера, он подумал, или, скорее, почувствовал, что внешность этого дома странным образом гармонирует со всем окружающим ландшафтом. Хотя строитель не преследовал иных целей, кроме прочности и безопасности, грубые, массивные бревна, прикрытые корой, выдающаяся вперед кровля и все внешние очертания этого сооружения выглядели бы живописно в любой местности. А окружающая обстановка придавала всему облику здания особую новизну и выразительность.

Однако, когда Зверобой подплыл к «замку», другие предметы возбудили его интерес и тотчас же затмили все красоты озера и оригинальной постройки. Юдифь и Гетти стояли на платформе перед дверью, с тревогой ожидая его прибытия. Юдифь время от времени смотрела на гребца и на челноки в подозрную трубу. Быть может, никогда эта девушка не казалась такой ослепительно-прекрасной, как в этот миг. Румянец, вызванный волнением и беспокойством, ярко пылал на ее щеках, тогда как мягкое выражение глаз, свойственное и бедной Гетти, углубилось тревожной заботой. Так, по крайней мере, показалось молодому человеку, когда челноки поравнялись с ковчегом. Здесь Зверобой тщательно привязал их, прежде чем взойти на платформу.

Глава VIII

*Его слова – обет, оракул – клятвы,
Любовь правдива, мысли безупречны,
А слезы – сердца верного залог,
И он от лжи далек, как небо от земли...*

Шекспир. «Два веронца»⁴¹

Девушки не произнесли ни слова, когда Зверобой появился перед ними один, с лицом, на котором были написаны все его опасения за судьбу двух отсутствующих участников экспедиции.

– Отец?! – воскликнула Юдифь; сделав отчаянное усилие, она наконец смогла выговорить это слово.

– С ним случилась беда, бесполезно скрывать это, – ответил Зверобой, по своему обыкновению, прямо и просто. – Он и Непоседа попались в руки мингов, и одному небу известно, чем все это кончится. Я собрал все челноки, и это может служить для нас некоторым утешением, потому что бродягам придется теперь строить плот или добираться сюда вплавь. После захода солнца к нам на помощь явится Чингачгук, если мне удастся взять его в челнок. Тогда, думаю я, мы оба будем защищать ковчег и «замок» до тех пор, пока офицеры из гарнизона не услышат о войне и не постараются помочь нам.

– Офицеры! – нетерпеливо воскликнула Юдифь, причем щеки ее зарумянились еще сильнее, а в глазах отразилось сильное, хотя и мимолетное волнение. – Кто теперь может думать или говорить об этих бессердечных франтах! Мы собственными силами должны защищать «замок». Но что случилось с моим отцом и с бедным Гарри Непоседой?

Тут Зверобой кратко, но толково рассказал обо всем, что произошло в течение ночи, отнюдь не преуменьшая беды, постигшей его товарищей, и не скрывая своего собственного мнения насчет возможных последствий.

Обе девушки слушали его с глубоким вниманием. Ни одна из них не обнаружила малодушной трусости, которую, несомненно, должно было вызвать подобное сообщение у собеседников, менее привычных к опасностям и случайностям пограничной жизни. К удивлению Зверобоя, Юдифь волновалась гораздо сильнее. Гетти слушала жадно, но ничем не проявляла своих чувств и, казалось, лишь про себя грустно размышляла обо всем случившемся. Впрочем, обе девушки ограничились лишь несколькими словами и тотчас же занялись приготовлениями к утренней трапезе. Люди, у которых домашнее хозяйство вошло в привычку, продолжают машинально заниматься им, несмотря даже на душевные муки и скорбь. Простой, но сытный завтрак был съеден в мрачном молчании. Девушки едва притронулись к нему, но Зверобой обнаружил еще одно качество хорошего солдата, а именно: доказал, что даже самые тревожные и затруднительные обстоятельства не могут лишить его аппетита. За завтраком никто не произнес ни слова, но затем Юдифь заговорила, судорожно и торопливо, как это всегда бывает, когда сердечная тревога побеждает наружное самообладание.

– Отец, наверное, похвалил бы эту рыбу! – воскликнула она. – Он говорит, что в здешних озерах лососина ничуть не хуже, чем в море.

– Мне рассказывали, Юдифь, что ваш отец хорошо знаком с морем, – сказал молодой человек, бросая испытующий взгляд на девушку, ибо, подобно всем, знавшим Хаттера, он

⁴¹ Перевод В. Миллера.

испытывал некоторый интерес к его далекому прошлому. – Гарри Непоседа говорил мне, что ваш отец был когда-то моряком.

Сначала Юдифь как будто смутилась, затем под влиянием совсем нового для нее чувства она внезапно разоткровенничалась.

– Если Непоседа что-нибудь знает о прошлом моего отца, то жаль, что он не рассказал мне этого! – воскликнула она. – Иногда мне самой кажется, что отец был раньше моряком, иногда же я думаю, что это неправда. Если бы сундук был открыт или мог говорить, он, вероятно, поведал бы нам всю эту историю. Но запоры его слишком прочны, чтобы можно было разорвать их, как бечевку.

Зверобой повернулся к сундуку и впервые рассмотрел его внимательно. Хотя краска на сундуке слиняла и весь он был покрыт царапинами – результат небрежного обращения, – тем не менее он был сделан из хорошего материала искусным мастером. Зверобойю никогда не доводилось видеть дорожных вещей такого качества. Дорогое темное дерево было когда-то хорошо отполировано, но от небрежного обращения на его поверхности уцелело не много лака; всевозможные царапины и выбоины свидетельствовали о том, что сундуку приходилось сталкиваться с предметами еще более твердыми, чем он сам. Углы были прочно окованы сталью, а три замка своим фасоном и отделкой могли бы привлечь внимание даже в лавке антиквара. Сундук был очень велик, и, когда Зверобой встал и попробовал приподнять его, взявшись за одну из массивных ручек, оказалось, что вес в точности соответствует внешнему виду.

– Видели ли вы когда-нибудь этот сундук открытым? – спросил молодой человек с обычной бесцеремонностью пограничного жителя.

– Ни разу. Отец никогда не открывал его в моем присутствии, если вообще когда-нибудь открывал. Ни я, ни сестра не видели его крышку поднятой.

– В этом ты ошибаешься, Юдифь, – спокойно заметила Гетти. – Отец поднимал крышку, и я это видела.

Зверобой прикусил язык; он несколько не стеснялся допрашивать старшую сестру, но ему казалось не совсем добросовестным злоупотреблять слабоумием младшей. Но Юдифь, не считавшаяся с подобными соображениями, быстро обернулась к Гетти и спросила:

– Когда и где ты видела этот сундук открытым, Гетти?

– Здесь, и много раз. Отец часто открывает сундук, когда тебя нет дома, потому что в моем присутствии он делает и говорит все, несколько не стесняясь.

– А что он делает и говорит?

– Этого я тебе не могу сказать, Юдифь, – возразила сестра тихим, но твердым голосом. – Отцовские секреты – не мои секреты.

– Секреты? Довольно странно, Зверобой, что отец открывает свои секреты Гетти и не открывает их мне!

– Для этого у него есть свои причины, Юдифь, хотя ты их не знаешь. Отца теперь здесь нет, и я больше ни слова не скажу об этом.

Юдифь и Зверобой переглянулись с изумлением, и на одну минуту девушка насупилась. Но вдруг, опомнившись, она отвернулась от сестры, как бы сожалея о ее слабости, и обратилась к молодому человеку.

– Вы рассказали нам только половину вашей истории, – сказала она, – и прервали ее на том месте, когда заснули в челноке, или, вернее говоря, проснулись, услышав крик гагары. Мы тоже слышали крик гагары и думали, что это предвещает бурю, хотя в это время года на озере бури случаются редко.

– Ветры дуют и бури завывают, когда богу угодно – иногда зимой, иногда летом, – ответил Зверобой, – и гагары говорят то, что им подсказывает их натура. Было бы гораздо лучше, если бы люди вели себя так же честно и откровенно. Прислушавшись к птичьему крику и поняв, что

это не сигнал Непоседы, я лег и заснул. Когда рассвело, я проснулся и отправился на поиски двух челноков, чтобы минги не захватили их.

– Вы рассказываете нам не все, Зверобой, – сказала Юдифь серьезно. – Мы слышали ружейные выстрелы у восточной горы; эхо было гулкое и продолжительное и донеслось так скоро после выстрелов, что, очевидно, стреляли где-то вблизи от берега. Наши уши привыкли к таким звукам, и обмануться я не могла.

– На этот раз ружья сделали свое дело, девушка. Да, сегодня утром они исполнили свою обязанность. Один воин удалился в счастливые охотничьи угодья, и этим все кончилось.

Юдифь слушала его, затаив дыхание.

Когда Зверобой, по своей обычной скромности, видимо, хотел прервать разговор на эту тему, она встала и, перейдя через горницу, села с ним рядом. Она даже взяла жесткую руку охотника и, быть может, бессознательно, сжала ее.

Ее глаза серьезно и даже с упреком поглядели на его загорелое лицо.

– Вы сражались с дикарями, Зверобой, сражались в одиночку, без всякой помощи! – сказала она. – Желая защитить нас – Гетти и меня, быть может, – вы смело сошлись с врагом. И никто не видел вас, никто не был бы свидетелем вашей гибели, если бы провидение допустило такое великое несчастье!

– Я сражался, Юдифь, да, я сражался с врагом и вдобавок в первый раз в жизни. Такие вещи вызывают в нас смешанное чувство печали и торжества. Человеческая натура, по-моему, воинственная натура. Все случившееся до сих пор не имеет большого значения. Но если сегодня вечером Чингачгук появится на скале, как было условлено между нами, и если я успею усадить его в лодку незаметно для дикарей или даже с их ведома, но вопреки их воле и желаниям, тогда действительно должно начаться что-то вроде войны, прежде чем минги овладеют «замком», ковчегом и вами самими.

– Кто этот Чингачгук? Откуда он явился и почему придет именно сюда?

– Вопрос естественный и справедливый, как я полагаю, хотя у этого молодца уже громкое имя в тех местах, где он живет. Чингачгук по крови могикан, усыновленный делаварами по их обычаю, как большинство членов его племени, которое уже давно сломилось под натиском белых. Он происходит из семьи великих вождей. Его отец Ункас был знаменитым воином и советником своего народа. Даже старый Таменунд уважает Чингачгука, даром что тот еще слишком молод, чтобы быть предводителем на войне. Впрочем, племя это так рассеялось и стало так малочисленно, что звание вождя у них – пустое слово. Ну так вот, лишь только нынешняя война началась всерьез, мы с Чингачгуком сговорились встретиться у скалы, близ истока этого озера, сегодня вечером, на закате, чтобы затем пуститься в наш первый поход против мингов. Почему мы выбрали именно здешние места – это наш секрет. Хотя мы еще молоды, но – вы сами понимаете – мы ничего не делаем зря, не обдумав все как следует.

– Этот делавар не может питать враждебных намерений против нас, – сказала Юдифь после некоторого колебания, – и мы знаем, что вы наш друг.

– Надеюсь, что измена – последнее преступление, в котором можно обвинить меня, – возразил Зверобой, немного обиженный тем проблемным недоверием, который мелькнул в словах Юдифи.

– Никто не подозревает вас, Зверобой! – пылко воскликнула девушка. – Нет, нет, ваше честное лицо может служить достаточной порукой за тысячу сердец. Если бы все мужчины так же привыкли говорить правду и никогда не обещали того, чего не собираются выполнить, на свете было бы гораздо меньше зла, а пышные султаны и алые мундиры не могли бы служить оправданием для низости и обмана.

Девушка говорила взволнованно, с сильным чувством. Ее красивые глаза, обычно такие мягкие и ласковые, метали огонь. Зверобой не мог не заметить столь необычайного волнения. Но с тактом, который сделал бы честь любому придворному, он не позволил себе хотя бы одним словом намекнуть на это. Постепенно Юдифь успокоилась и вскоре возобновила разговор как ни в чем не бывало.

– Я не имею права испытывать ваши секреты или секреты вашего друга. Зверобой, и готова принять все ваши слова на веру. Если нам действительно удастся приобрести еще одного союзника-мужчину, это будет великой помощью в такое трудное время. Я надеюсь, если дикари убедятся, что мы можем удержать в своих руках озеро, они предложат обменять пленников на шкуры или на бочонок пороха, который хранится в доме.

На языке у молодого человека уже вертелись такие слова, как «скальпы» и «премии», но, желая пощадить чувства дочерей, он не решался намекнуть на судьбу, которая, по всей вероятности, ожидала их отца. Однако Зверобой был так неискушен в искусстве обмана, что быстроглазая Юдифь прочитала эту мысль на его лице.

– Я понимаю, о чем вы думаете, – продолжала она поспешно, – и догадываюсь, о чем бы вы могли сказать, если бы не боялись огорчить меня... то есть нас обеих, так как Гетти любит отца не меньше, чем я. Но мы иначе думаем об индейцах. Они никогда не скальпируют пленника, попавшего к ним в руки целым и невредимым. Они оставляют его в живых – конечно, если свирепая жажда крови и страсть к мучительству внезапно не овладеют ими. За скальп отца я не боюсь, а за жизнь его очень мало. Если бы индейцам удалось подобраться к нам в течение ночи, весьма вероятно, мы потеряли бы наши скальпы. Но мужчины, взятые в плен в открытом бою, редко подвергаются насилиям, по крайней мере, до тех пор, пока не наступает время пыток.

– Да, таков их обычай, и так они обыкновенно поступают. Но, Юдифь, знаете ли вы, зачем ваш отец и Непоседа ходили к лагерю дикарей?

– Знаю, это было жестокое дело. Но как быть? Мужчины всегда останутся мужчинами. Даже те из них, которые ходят в мундирах, расшитых золотом и серебром, и носят офицерский патент⁴³ в кармане, совершают такие же жестокости. – Глаза Юдифи вновь засверкали, но отчаянным усилием она овладела собой. – Я всегда начинаю сердиться, когда подумаю, как гадки мужчины, – прибавила она, стараясь улыбнуться, что ей плохо удалось. – Все это глупости! Что сделано, то сделано, и причитаниями тут не поможешь. Но индейцы придают так мало значения пролитой крови и так высоко ценят храбрость, что, если бы они знали о замысле своих пленников, они даже стали бы уважать их за это.

– До поры до времени, Юдифь, да, до поры до времени. Но когда это чувство проходит, тогда рождается жажда мести. Нам с Чингачгуком надо постараться освободить Непоседу и

⁴³ **Офицерский патент.** – В те времена в английской и других армиях офицерские чины продавались. Можно было купить патент, дававший его владельцу право на чин офицера.

вашего отца, потому что минги, несомненно, проведут на озере еще несколько дней, желая добиться полного успеха.

– Значит, вы думаете, что на вашего делавара можно положиться, Зверобой? – задумчиво спросила девушка.

– Как на меня самого! Ведь вы говорите, что не подозреваете меня, Юдифь?

– Вас? – Она опять схватила его руку и сжала ее с горячностью, которая могла бы пробудить тщеславие у человека менее простодушного и более склонного гордиться своими хорошими качествами. – Я так же могла бы заподозрить моего собственного брата! Я знаю вас всего один день, Зверобой, но за этот день вы внушили мне такое доверие, какое другой не мог бы внушить за целый год. Впрочем, ваше имя было мне небезызвестно. Гарнизонные франты часто рассказывали об уроках, которые вы давали им на охоте, и все называли вас честным человеком.

– А говорили они когда-нибудь о стрельбе, девушка? – спросил Зверобой поспешно и рассмеялся своим тихим сердечным смехом. – Говорили ли они о стрельбе? Меня не интересует, что они говорили обо мне, потому что я стреляю недурно, но какого мнения господа офицеры о своей собственной стрельбе? Они уверяют, что оружие – главный инструмент их ремесла. И, однако, иные из них совсем не умеют обращаться с ним.

– Надеюсь, это не относится к вашему другу Чингачгуку... Кстати, что значит это имя по-английски?

– Большой Змей – так прозвали его за мудрость и хитрость. Настоящее его имя Ункас, все мужчины в их семье носят имя Ункас, пока не заслужат другого прозвища своими делами.

– Раз он действительно так мудр, то будет нам очень полезен, если только ему не мешают его собственные дела.

– В конце концов ничего худого не случится, если я расскажу вам все. Очень может быть, что вы даже придумаете, как пособить нам. Поэтому я открою этот секрет вам и Гетти, в надежде, что вы будете хранить его, как свой собственный. Надо вам сказать, что Чингачгук очень видный собою индеец, и на него часто поглядывают молодые женщины их племени. Ну так вот, есть там один вождь, а у вождя дочь по имени Уа-та-Уа, что по-английски значит: «Тише, о тише!» Это самая красивая девушка в стране делаваров. Все молодые воины мечтали заполучить ее себе в жены. Но случилось так, что Чингачгук полюбил Уа-та-Уа и Уа-та-Уа полюбила Чингачгука.

Зверобой на мгновение смолк. Гетти Хаттер, покинув свое место, подошла к охотнику и жадно слушала, как ребенок, увлеченный сказкой, которую рассказывает мать.

– Да, он полюбил ее, а она полюбила его, – продолжал Зверобой, бросив дружелюбный и одобрительный взгляд на простодушную девушку. – А когда так случается и старшины не возражают, то молодую парочку редко удастся разлучить. Само собой разумеется, Чингачгук не мог захватить подобный приз, не нажив множества врагов из числа тех, которые добивались того же, что и он. Некто Терновый Шип, как зовут его по-английски, или Йокоммон, как его зовут индейцы, ближе всех принял к сердцу это дело, и мы подозреваем его руку во всем, что случилось дальше. Два месяца назад Уа-та-Уа отправилась с отцом и матерью на ловлю лососей к Западным ручьям, где, как вам известно, водится пропасть рыбы, и там девушка вдруг исчезла. Несколько недель подряд мы ничего не знали о ней, но дней десять назад гонец, проходивший через земли делаваров, рассказал нам, что Уа-та-Уа украдена у своих родителей и теперь находится во власти враждебного племени, которое приняло ее в свою среду и старается выдать замуж за молодого минга. Гонец сообщил, что охотники этого племени должны месяца два провести в здешних местах, перед тем как вернуться обратно в Канаду, и если мы направимся на поиски в эту часть страны, то нам, быть может, удастся выручить девушку.

– А какое дело до этого вам, Зверобой? – спросила Юдифь с некоторым беспокойством.

— А такое дело, что все, касающееся моего друга, касается и меня. Я пришел сюда помочь Чингачуку и, если удастся, вызволить девушку. Это доставит мне почти такое же удовольствие, как если бы я освободил мою собственную возлюбленную.

— А где же ваша возлюбленная, Зверобой?

– Она в лесу, Юдифь, она падает с древесных ветвей вместе с каплями дождя, она росой ложится на траву, она плывет с облаками по голубому небу, она поет вместе с птицами, она течет звонкими ручьями, из которых я утоляю жажду, она во всех прекрасных дарах, которыми мы обязаны благому провидению.

– Вы хотите сказать, что до сих пор не увлекались ни одной женщиной и любили только охоту и жизнь в лесу?

– Именно так, именно так! Нет, нет, я еще не хворал этой болезнью и надеюсь остаться в добром здоровье по крайней мере до конца войны. Дело Чингачгука и без того потребует много хлопот, так что лишний груз на шею мне ни к чему.

– Девушка, которая когда-нибудь победит вас, Зверобой, завоюет, по крайней мере, честное сердце, сердце, не знающее измены и лукавства. А такой победе может позавидовать каждая женщина.

Когда Юдифь произносила эти слова, ее красивое лицо гневно нахмурилось и горькая улыбка скользнула по губам. Собеседник заметил эту перемену, и хотя он не привык угадывать тайны женского сердца, врожденная деликатность подсказала ему, что лучше всего переменить тему разговора.

Так как до часа, назначенного Чингачгуком, было еще довольно далеко, у Зверобоя осталось достаточно времени, чтобы изучить все средства обороны и принять необходимые при данных обстоятельствах меры. Впрочем, Хаттер, с его богатым опытом, так все предусмотрел, что невозможно было изобрести еще какие-нибудь новшества в этом отношении. «Замок» стоял так далеко от земли, что выстрелов с берега нечего было бояться. Правда, пуля из мушкета достала бы на таком расстоянии, но о точном прицеле не могло быть речи, и даже Юдифь пренебрегала опасностью с этой стороны. Итак, пока наши друзья владели своей крепостью, им ничто не угрожало. Конечно, нападающие, подплыв к «замку», могли его поджечь и затем взять штурмом или прибегнуть еще к каким-либо уловкам, внушенным индейским коварством. Но против поджога Хаттер принял все нужные предосторожности, да и сама постройка, если не считать берестяной кровли, не так-то легко бы загорелась. В полу было проделано несколько отверстий, и ведра с веревками находились под рукой. В случае пожара любая из девушек легко могла потушить огонь, не дав ему разгореться. Юдифь, знавшая все оборонительные планы отца и достаточно смелая, чтобы участвовать в их осуществлении, объяснила Зверобою все подробности и тем избавила его от напрасной траты сил и времени на личный осмотр.

Днем нечего было бояться. Кроме челноков и ковчега, на всем озере не имелось ни одного судна. Правда, плот можно было построить довольно быстро – множество поваленных деревьев валялось у самой воды. Однако если бы дикари серьезно решились на штурм, им вряд ли удалось бы до наступления темноты подготовить необходимые для переправы средства. Тем не менее недавняя гибель одного из воинов могла придать им прыти, и Зверобой полагал, что наступающая ночь будет критической. Поэтому юноша очень хотел, чтобы его друг могикан прибыл поскорее. С нетерпением поджидал он солнечного заката.

В течение дня обитатели «замка» продумали план обороны и закончили необходимые для этого приготовления. Юдифь была очень оживлена, и, видимо, ей было приятно советовать обо всем с новым знакомым. Его равнодушие к опасности, мужественная преданность и невинное простодушие заинтересовали и пленили ее. Зверобою казалось, что время идет очень медленно, но Юдифь не замечала этого, и когда солнце начало склоняться к лесистым вершинам западных холмов, она выразила удивление, что день кончился так скоро. Зато Гетти была задумчива и молчалива. Она никогда не отличалась болтливостью и если случайно становилась разговорчивой, то лишь под влиянием какого-нибудь события, возбуждавшего ее бесхитростный ум. В этот памятный день она на несколько часов как будто лишилась языка. Тревога за участь отца ничем не отразилась на привычках обеих сестер. Да они, впрочем, и не ожидали никаких серьезных последствий от его плана, и Гетти раза два выражала надежду, что

Хаттер сумеет освободиться. Юдифь была не так спокойна на этот счет, но и она полагала, что ирокезы предложат выкупить пленников, как только убедятся, что никакие военные хитрости и уловки не помогут им захватить «замок». Зверобой, однако, считал все эти надежды просто девическими фантазиями и продолжал серьезно и упорно готовиться к обороне.

Наконец пришло время отправиться на место свидания с могиканом. Так как Зверобой предварительно обдумал план действий и подробно растолковал его обеим сестрам, все трое дружно и старательно принялись за работу. Гетти перешла в ковчег, связала два челнока и, спустившись в один из них, направила их в некое подобие ворот в палисаде, окружавшем постройку. Затем она привязала обе лодки под домом цепями, которые были прикреплены к бревнам. Палисад состоял из древесных стволов, прочно вбитых в ил, и служил двоякой цели: он ограждал небольшое замкнутое пространство, которым можно было пользоваться для различных надобностей, и вместе с тем мешал неприятелю приблизиться к лодкам. Таким образом, челноки, введенные в док, до некоторой степени были защищены от посторонних глаз, и вывести их наружу при закрытых воротах было бы нелегко. Однако, прежде чем замкнуть ворота, Юдифь в третьем челноке также въехала за загородку, предоставив Зверобойу запереть все окна и двери в доме. Здесь все было массивно и крепко, и засовами служили стволы небольших деревьев. Поэтому, когда Зверобой закончил свою работу, потребовалось бы не меньше двух часов, чтобы проникнуть внутрь постройки, если бы даже осаждающие могли пустить в ход еще какие-нибудь инструменты, кроме боевых топоров, и не встретили бы при этом никакого сопротивления. Все эти предосторожности Хаттер придумал после того, как во время частых отлучек его раза два обокрали белые бродяги, которых много шатается на границе.

Как только все жилище было наглухо закрыто изнутри, Зверобой подошел к люку и спустился в челнок Юдифи. Тут он запер подъемную дверь массивной балкой и здоровенным замком. Затем Гетти тоже перебралась в челнок, который выплыл за пределы палисада. После этого замкнули ворота и ключи отнесли в ковчег. Теперь внутрь жилища можно было проникнуть лишь с помощью взлома или же тем путем, которым молодой человек выбрался наружу.

Разумеется, Зверобой захватил с собой подозрную трубу и теперь внимательно разглядывал побережье, насколько это было возможно с того пункта, где он находился. Нигде не было видно ни одного живого существа, только несколько птиц порхали в тени деревьев, как бы спасаясь от послеполуденного зноя. Особенно тщательно Зверобой осмотрел ближайшие к «замку» места, чтобы выяснить, не сооружается ли где-либо плот. Но повсюду царил пустынное спокойствие.

Здесь надо в нескольких словах объяснить, в чем заключалась главная трудность для наших друзей. В то время как зоркие глаза мингов имели полную возможность наблюдать за ними, все передвижения неприятеля были скрыты покровом густого леса. Воображение невольно преувеличивало число врагов, таившихся в чаще, в то время как любой наблюдатель, занявший позицию на берегу, ясно видел, как слаб гарнизон, оборонявший «замок».

— До сих пор нигде никто не шевельнулся! — воскликнул Зверобой, опустив наконец трубу и собираясь войти в ковчег. — Если бродяги замышляют недоброе, они слишком хитры, чтобы действовать открыто! Быть может, они уже мастерят в лесу плот, но еще не перетащили его на озеро. Они не могут догадаться, что мы собираемся покинуть «замок», а если бы и догадались, то не в состоянии узнать, куда мы хотим плыть.

— Совершенно верно, Зверобой, — подхватила Юдифь, — и теперь, когда все готово, мы должны двинуться вперед, не опасаясь погони, иначе мы опоздаем.

— Нет, нет, это надо делать с оглядкой. Хоть дикари еще и не знают, что Чингачгук поджидает нас на скале, но у них есть глаза и ноги. Они увидят, куда мы плывем, и, несомненно, последуют за нами. Я, впрочем, постараюсь надуть их и буду направлять баржу то туда, то сюда, пока они не устанут, гоняясь за нами.

Зверобой, насколько мог, исполнил свое обещание. Не прошло и пяти минут, как друзья вошли в ковчег и отчалили от «замка». С севера дул легкий ветерок. Смело развернув парус, молодой человек направил нос неуклюжего судна таким образом, что, учитывая силу течения, они должны были приблизиться к восточному берегу миль в двух ниже «замка». Ковчег не отличался быстроходностью, но все же мог плыть со скоростью от трех до четырех миль в час. А между «замком» и скалой было лишь немногим больше двух миль.

Зная аккуратность индейцев, Зверобой очень точно рассчитал время, чтобы в зависимости от обстоятельств достигнуть назначенного места с небольшим опозданием или же немного ранее назначенного часа. Когда молодой охотник поднял парус, солнце стояло высоко над западными холмами: до заката оставалось еще часа два. После пятиминутных наблюдений Зверобой убедился, что баржа плывет с достаточной скоростью.

Стоял чудесный июньский день, и пустынное водное пространство меньше чем когда-либо напоминало арену жестокой борьбы и кровопролития. Легкий ветерок едва касался поверхности озера, как бы не желая возмущать его зеркальную гладь. Даже леса, казалось, дремали на солнце, а редкая гряда кудрявых облаков неподвижно висела над северной частью горизонта, словно ее поместили там нарочно для украшения пейзажа. Иногда водяные птицы мелькали над озером, а порою можно было видеть одинокого ворона, парившего высоко над деревьями и зорким взглядом окидывавшего лес в надежде заметить живое существо, которым он смог бы поживиться.

Читатель, наверное, заметил, что, несмотря на свойственную ей резкость и порывистость в обращении, Юдифь говорила значительно грамотнее и изысканнее, чем окружавшие ее мужчины, в том числе и ее отец.

По своему воспитанию Юдифь и ее сестра вообще заметно выделялись среди девушек их круга.

Офицеры ближнего гарнизона не очень преувеличивали, когда уверяли Юдифь, что даже в городе найдется немного дам с такими манерами.

Своим воспитанием девушки обязаны были матери.

Кем была их мать, знал только старый Хаттер. Она умерла два года назад, и муж похоронил ее в озере.

Пограничные жители часто обсуждали между собою, почему он так поступил: из пренебрежения ли к предрассудкам или же не желая утруждать себя рытьем могилы?

Юдифь никогда не посещала то место, где опустили в воду ее мать, но Гетти присутствовала при погребении и часто на закате или при свете луны направляла туда свой челн. Целыми часами смотрела она в прозрачную воду, словно надеясь увидеть смутный образ той, которую она так нежно любила с детских лет и до печального часа вечной разлуки.

– Скажите, неужели мы должны подплыть к скале как раз в тот момент, когда зайдет солнце? – спросила Юдифь у молодого человека. В это время они стояли рядом на корме – Зверобой с рулевым веслом, а девушка с рукодельем; она вышивала узоры на своем платье, что было неслыханным новшеством в лесах. – Разве несколько минут могут изменить дело? А ведь очень опасно долго оставаться так близко от берега.

– В этом-то и состоит вся трудность, Юдифь. Скала находится как раз на расстоянии ружейного выстрела от мыса; поэтому нельзя к ней подплыть слишком быстро, нельзя там и слишком задержаться. Когда вы имеете дело с индейцем, все надо предугадать и высчитать заранее, так как у краснокожих такая уж натура, что они любят разные хитрости. Теперь, как видите, Юдифь, я правлю совсем не к скале, а гораздо восточнее ее, чтобы дикари побежали в эту сторону и зря натрудили бы себе ноги.

– Значит, вы уверены, что они видят нас и следят за нашими передвижениями, Зверобой? А я-то надеялась, что они, может быть, ушли в лес и на несколько часов оставили нас в покое.

– О нет! Только женщина может так думать. Находясь на тропе войны, индеец никогда не перестает следить за врагом. В эту самую минуту глаза их устремлены на нас, хотя озеро нас защищает. Мы должны подплыть к скале, рассчитав время точнейшим образом и направив врагов на ложный след. Говорят, у мингов хорошие носы, но рассудок белого человека всегда может потягаться с их чутьем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.